

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ № ФС77-67071 от 15 сентября 2016 г.

Журнал распространяется только по подписке

Подписной индекс в Агентстве «Пресса России» 44090

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Том 8 № 2 (32)/2018

ISSN 2226-7867

Выходит 6 раз в год

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Е.В. Астахова**, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина)
- Д. Байчунь**, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай)
- Н.М. Долгополов**, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия)
- Т.М. Кальво Мартинес**, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания)
- Р. Крум**, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия)
- Д. Кьеца**, итальянский журналист и политический деятель, депутат Европарламента (2004–2009) (Италия)
- В. Макбрайд**, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США)
- И. Мамед-заде**, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан)
- К. Мацузато**, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония)
- А.Н. Нысанбаев**, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан)
- Д.Е. Сорокин**, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель, член-корреспондент РАН (Россия)
- Ж.-Л. Трюэль**, доктор наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странами СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция)
- К. Уилкокс**, доктор наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США)

EDITORIAL COUNCIL

- E.V. Astakhova**, Doctor of History, Professor, Rector of Kharkov University for Humanities "People's Ukrainian Academy" (Ukraine)
- D. Baychun**, Doctor, Professor of Beijing Pedagogical University, director of the Cultural Center of the Sino-Russian Relations (China)
- N.M. Dolgoplov**, deputy editor of the "Russian Newspaper", a member of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers' organizations (Russia)
- T.M. Calvo Martinez**, Doctor, Professor, Director of the Paris International Institute of Philosophy (Spain)
- R. Krumm**, director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert Foundation (Russia)
- D. Chiesa**, Italian journalist and politician, member of the European Parliament (2004–2009) (Italy)
- B. McBride**, Doctor, professor, president of the International Federation of Philosophical Societies (USA)
- I. Mamed-Zadeh**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan)
- K. Matsuzato**, Doctor of Law, Department of Law and Politics, University of Tokyo (Japan)
- A.N. Nysanbaev**, Doctor, Professor, Full member of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Director of Science, Institute of Philosophy, Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan)
- D.E. Sorokin**, Doctor of Economics, Professor, Science and Research Coordinator, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Russia)
- J.-L. Truelle**, Doctor, a consultant for the development of international relations between Russia and CIS countries, Vice-President of the Association of economists "Le Cercle Kondratieff", professor of the University of Paris-12 (France)
- C. Wilcox**, Professor, Department of Government, Georgetown University, Washington, D.C. U.S.

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ПИ № ФС77-67071 of September, 15, 2016

The journal is distributed only by subscription

Subscription index of "Russian press" agency 44090

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission

VOLUME 8 ISSUE 2 2018

ISSN 2226-7867

6 issues per year

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – М.А. Эскиндаров, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, декан Международного финансового факультета Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

В.Д. Нечаев, доктор политических наук, профессор, исполняющий обязанности ректора Севастопольского государственного университета;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской Городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

Р.М. Нуреев, д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

С.Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;

В. С. Степин, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь секции философии, политологии, социологии, психологии и права РАН;

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета «Социология и политология» Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Институт философии РАН;

М.А. Федотова, доктор экономических наук, профессор, руководитель Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления Финансового университета;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – А.Б. Шатилов, кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социологии и политологии Финансового университета

Заместитель главного редактора – А.Г. Тюриков, доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;

Заместитель главного редактора – Я.А. Пляйс, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.В. Брега, доктор политических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

Е.В. Ганина, доцент, заместитель руководителя Департамента языковой подготовки по учебно-методической работе Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, профессор, проректор по стратегическому развитию и практико-ориентированному образованию Финансового университета;

Н.И. Киселева, кандидат социологических наук, доцент, заместитель руководителя Департамента социологии по учебно-методической работе Финансового университета;

Н.Г. Кондрахина, кандидат филологических наук, профессор Департамента языковой подготовки Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социологии и политологии по учебной работе и международным связям Финансового университета;

А.В. Новиков, доктор социологических наук, профессор, заместитель руководителя Департамента социологии по научной работе Финансового университета;

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента экономической теории Финансового университета;

Д.В. Петросяни, кандидат экономических наук, доцент Департамента политологии Финансового университета, старший научный сотрудник Института проблем рынка РАН;

Е.Е. Письменная, доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

П.Б. Салин, кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета;

П.С. Селезнев, заместитель директора по персоналу Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, профессор Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, первый проректор по внешним связям Финансового университета;

А.Н. Чумаков, доктор философских наук, профессор Департамента политологии Финансового университета

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council – **M.A. Eskindarov**, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University, Academician of the Russian Academy of Education;

S.V. Alekseev, Doctor of History, Professor, Head of the “History” Chair of Moscow University for the Humanities, the chairman of Historical and Educational Society “The Guardian”;

A.N. Arinin, Doctor of Political Science, Director of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma of the first (1993–1995) and second (1995–1999) convocations;

A.I. Il'inskij, Doctor of Engineering, Professor, Dean of the International financial faculty, Financial University;

F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and Defense Policy Council (SWAP), editor in chief of the magazine “Russia in Global Affairs”;

V.D. Nechayev, Doctor of Political Sciences, Professor, Acting Rector of Sevastopol State University;

I.Y. Novitsky, deputy of the Moscow City Duma (1993–2014), Head of “State and Municipal Management” Chair, International University in Moscow;

R.M. Nureyev, Doctor of Economics, Professor, Science and Research Coordinator of the Economic Theory Chair of the Financial University;

A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East, the Russian Academy of Science;

S.N. Silvestrov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economic Policy problems of economic security, Financial University;

V.S. Stepin, Doctor of Philosophy, Professor, Full member of the Russian Academy of Science, Academician-Secretary of the Section of philosophy, political science, sociology, psychology and law, the Russian Academy of Science;

V.V. Fedorov, Ph.D. in Political Science, Director General of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), the supervisor of the faculty “Sociology and Political Science”, Financial University;

V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor, Chief researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science;

M.A. Fedotova, Doctor of Economics, Professor, Head of Department of corporate finances and corporate management, Financial University;

V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, deputy of the State Duma of the VI convocation from the “United Russia”, a member of the State Duma committee on the Federal structure and Local Government, a member of the International Academy of Social Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor in Chief – **A.B. Shatilov**, Ph.D in Political Science, Professor, Dean of the “Sociology and Political Science” Faculty, Financial University;

Deputy Editor – **A.G. Tjurikov**, Doctor of Social Science, Head of Department of sociology, Financial University;

Deputy Editor – **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political Sciences, Professor of Department of political science, Financial University;

S.Ju. Belokonev, Ph.D in Political Science, Associate Professor, Head of Department of political science, Financial University;

A.V. Brega, Doctor of Political Sciences, Professor of Department of sociology Financial University;

E.V. Ganina, Associate Professor, the deputy manager of Department of language training on educational and methodical work, Financial University;

A.N. Zubets, Doctor of Economics, Professor, the vice rector for a strategic development and the praktiko-oriented education, Financial University;

N.I. Kiseleva, Ph.D in Social Science, Associate Professor, the deputy manager of Department of sociology on educational and methodical work, Financial University;

N.G. Kondrakhina, Ph.D in Philology, Professor of Department of language training on educational and methodical work, Financial University;

V.A. Lapshov, Doctor of Social Science, Professor of Department of sociology, Financial University;

D.Z. Muzashvili, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, “Sociology and Political Science” Faculty, Financial University;

A.V. Novikov, Doctor of Social Sciences, Professor, the deputy manager of Department of sociology on scientific work, Financial University;

A.V. Pachkalov, Ph.D in History, Associate professor, Deputy Head of Department of the economic theory, Financial University;

D.V. Petrosyants, Ph.D in Economics, Assistant professor of Department of political science, Financial University, a Senior researcher at the Institute of Market Problems of Russian Academy of Science;

E.E. Pismennaya, Doctor of Social Science, Professor of Department of sociology, Financial University;

P.B. Salin, Ph.D in Law, director of the Center for Political Studies, Financial University;

P.S. Seleznev, Deputy Director for Human Resources, Financial University;

G.G. Sillaste, Doctor in Philosophy, Professor of Department of sociology, Financial University;

K.V. Simonov, Ph.D in Political Science, Associate Professor, the first vice-rector for external communications, Financial University;

A.N. Chumakov, Doctor of Philosophy, Professor of Department of political science, Financial University

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: РЕВОЛЮЦИЯ И РЕФОРМЫ

Аринин А.Н.	
Правящая элита в революциях 1917 года: современные уроки и задачи	6
Соловьев А.В.	
Вклад Алексиса де Токвиля в развитие теории революции	12
Милюков А.И.	
Опыт и уроки экономических реформ в СССР в 60-е – 80-е годы	17
Сересова У.И.	
Социальная политика и левая идеология в России: от революции и советского патернализма к современности	25
Бойко С.И.	
Политическая амбивалентность элиты как капитал революции	31
Зубец А.Н., Новиков А.В., Оборский А.Ю.	
Восприятие населением российских городов качества оказываемой медицинской помощи в системе здравоохранения страны	37
Тюриков А.Г.	
Социальные ресурсы и капитал: уроки и вызовы современности.	51

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Дронова С.Ю.	
Современность и перспективы российско-испанских отношений в политико-экономической сфере: точки соприкосновения и противоречия.	54
Яковлева А.Д.	
Мобильность населения как фактор стабильности общества: социальные лестницы и социальные лифты.	60
Пылова О.А.	
Идеи жертвенности в украинской политической мифологии: истоки и эволюция	65

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Cui Zheng	
The Evolution and Prospects of the Russian Strategy in the Asia-Pacific Region	72
Сургуладзе В.Ш.	
Мобилизационный потенциал региональной идентичности: вынужденный сепаратизм и закономерности его развития.	80
Мараховский Е.Л.	
К вопросу методологии исследования современной информационной политики	86
Просеков С.А.	
Особенности борьбы с антиобщественными явлениями в Китае	92

CONTENTS

COVER STORY: REVOLUTION AND REFORM

Arinin A.N.	
The Ruling Elite in the Revolution of 1917: Modern Lessons and Challenges	6
Soloviev A.V.	
The Contribution of Alexis de Tocqueville in the Development of the Theory of Revolution	12
Milyukov A.I.	
Experience and Lessons of Economic Reforms in the USSR in the 1960s and 1980s	17
Seresova U.I.	
Social Policy and Left Political Ideology in Russia: from Revolution and Soviet Paternalism to Contemporary Society.	25
Boyko S.I.	
Political Ambivalence of the Elite as the Capital of Revolution.	31
Zoubets A.N., Novikov A.V., Oborsky A.Y.	
The Perception of the Population of Russian Cities Meditsinskoi the Quality of Care in the Health System of the Country	37
Tyurikov A.G.	
Resources and Social Capital: Lessons and Challenges.	51

STARTUP OF THE YOUNG SCIENTIST

Dronova S. Yu.	
The Current State and the Prospects of the Russian-Spanish Relations in Politics and Economy: Commonalities and Variations.	54
Yakovleva A.D.	
Mobility of Population as a Factor of Stability of Society: Social Stars and Social Lifts.	60
Pylova O.A.	
The Roots and Evolution of Ukrainian National Idea of Victimhood in Ukrainian Political Mythology.	65

INTERNATIONAL POLITICS

Цуй Чжэн	
Эволюция и перспективы российской стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе	72
Surguladze V. Sh.	
The Mobilization Potential of Regional Identity: Forced Separatism and Patterns of its Development.	80
Marakhovskiy E.L.	
To the Question of Research Methodology of Modern Information Policy.	86
Prosekov S.A.	
Features of Fight with Antisocial Phenomena in China	92

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 8, № 2 (32), 2018

Главный редактор –
А.Б. Шатилов
Заведующий редакцией
научных журналов –
В.А. Шадрин
Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютина
Корректор – **С.Ф. Михайлова**
Верстка – **С.М. Ветров**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т,
53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки
в редакции
по тел.: **(499) 943-94-59**,
e-mail: ASOstrovskaya@fa.ru;
Островская А.С.

Подписано в печать 09.04.2018
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 11,39 усл.п. л.
Заказ № 328
Отпечатано в Отделе
полиграфии
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)
© *Финансовый университет*

Editor-in-Chief –
A.B. Shatilov
Head of Scientific Journals
Editorial Department –
V.A. Shadrin
Managing editor –
Yu.M. Anyutina
Proofreader – **S.F. Mihaylova**
Design, make up – **S.M. Vetrov**

Editorial address:
53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993
tel.: **+7 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office
tel.: +7 (499) 943-94-59
e-mail: ASOstrovskaya@fa.ru

Signed for press on 09.04.2018
Format 60 x 84 1/8.
Size 11,39 printer sheets.
Order № 328
Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt)
© *Financial University*

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-6-11
УДК 32

ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА В РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 ГОДА: СОВРЕМЕННЫЕ УРОКИ И ЗАДАЧИ

Александр Николаевич Аринин,
д-р полит. наук, академик РАН,
директор Института федерализма и гражданского общества,
Москва, Россия
arinin55@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль правящей элиты в судьбе страны. Раскрываются причины, по которым правящая элита оказалась не способна обеспечить поступательное развитие России и предотвратить революции в феврале и октябре 1917 г. Автор обобщает уроки, которые может извлечь российская правящая элита из революций 1917 г. для проведения необходимых преобразований в стране. Перед правящей элитой ставятся задачи по модернизации России на современном этапе.

Ключевые слова: правящая элита; Февральская и Октябрьская революции; модернизация России; эффективное государство; общественный контроль

THE RULING ELITE IN THE REVOLUTION OF 1917: MODERN LESSONS AND CHALLENGES

Arinin A.N.,
Doctor of Political Sciences, Academician of RANS,
Director of the Institute of Federalism and Civil Society,
Moscow, Russia
arinin55@mail.ru

Abstract. The article discusses the role of the ruling elite in the fate of the country. The article reveals the reasons why the ruling elite was unable to ensure the progressive development of Russia and prevent the revolution in February and October 1917. The author summarizes the lessons that the Russian ruling elite can learn from the 1917 revolutions to carry out the necessary reforms in the country. The ruling elite faces the task of modernizing Russia at the present stage.

Keywords: ruling elite; the February and October revolutions; modernization of Russia; effective government; public control

Мировой и отечественный опыт убедительно свидетельствует, что поступательное, успешное развитие страны зависит от эффективного государственного управления правящей элиты — определенного социального слоя, занимающего высшее место в обществе, который обладает государственной властью, крупными финансами и собственностью, контролирует средства массовой информации, что позволяет ему управлять государством и вести за собой страну. В этой связи Россия, на мой взгляд, имела исторический шанс предотвратить революции и в феврале, и в октябре 1917 г. Эта альтернатива состояла в качественном и своевременном проведении правящей элитой структурных и институциональных реформ, которые сняли бы политические и социально-экономические противоречия и тем самым укрепили Россию. Но этот выбор не был осуществлен, поэтому страна пережила огромные потрясения. В этой связи для современной российской правящей элиты представляется актуальным извлечь необходимые уроки из революций 1917 г. для решения насущных задач.

УРОКИ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ

Первый урок, который следует извлечь сегодня правящей элите из Февральской и Октябрьской революций 1917 г. состоит, прежде всего, в обеспечении эволюционного и поступательного развития России. Однако царь и элита своей некомпетентной внутренней и внешней политикой не обеспечили таких условий. В связи с этим Александр Солженицын отметил, что «...монархия — как бы заснула. После Столыпина она не имела ясной активной программы действий, закинула в сомнениях». В дремоте находился и правящий класс, который «потерял чувство долга и государственное сознание» [1].

Российская Февральская революция стала результатом неспособности царя и правящей элиты продуманно, своевременно и решительно ответить на вызовы, вставшие перед государством и обществом. По этому поводу Николай Бердяев пишет: «Разложение императорской России началось давно. Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. Война dokonчила процесс разложения. Нельзя даже сказать, что Февральская

революция свергла монархию в России, монархия в России сама пала, ее никто не защищал, она не имела сторонников» [2]. Как следствие, появилось несколько разрушительных движений, носивших форму плохо скрываемых заговоров, которые готовились в Государственной Думе, среде аристократии, в военных кругах, земских и городских общественных организациях, социалистических партиях.

Февральская революция поставила перед Временным правительством задачу модернизации всей страны, которую в силу своей некомпетентности, отсутствия воли и смелости не смогли решить Николай II и правящая элита. Чтобы приступить к осуществлению модернизации экономики, политической системы, государственного устройства, общественной жизни, духовной сферы Временное правительство должно было вначале решить ряд важнейших задач. В первую очередь оно должно было установить строгий правопорядок, поскольку народ в своем большинстве, как считал Георгий Федотов, «срывается с исторической почвы, теряет веру в Бога, в царя, теряет быт и нравственные устои» [3].

В этих условиях правящая элита обязана была учитывать менталитет, правосознание и морально-психологическое состояние основных социально-классовых групп. Ведь если бы политические силы, пришедшие к власти после свержения монархии, понимали, что «без царя не мыслит народ, — как писал Николай Бердяев, — никакого государства, никакого закона, никакого порядка, никакого подчинения общему и целому» [4], то они, чтобы проводить в жизнь необходимые преобразования, просто обязаны были установить строгий правопорядок и сильную власть. Однако этого не было сделано.

Временное правительство не решило также острый вопрос с выводом России из бессмысленной войны. По этому поводу Георгий Федотов отметил: «Самая глубокая и самая простая правда о 1917 г. состоит в том, что народные массы не пожелали продолжать непопулярную и ненавистную войну. Лозунг „Долой войну!“ все время был самым популярным, самым массовым, хотя и долго заглушался другими на него наброшенными благородными словами. Февральский переворот был произведен петроградским гарнизоном; октябрьский — самовольно демобилизованной армией» [3].

Временным правительством не были решены и другие неотложные задачи: о земле и о скором проведении всеобщих, равных и прямых выборов во Всероссийское Учредительное собрание. Все это открыло путь к власти левым радикалам — большевикам. Совершив государственный переворот 25 октября, разогнав Учредительное собрание, расстреляв мирные протестные демонстрации против своего беззакония, большевики развязали жесточайшую гражданскую войну, в которой погибли миллионы простых людей, в том числе Николай II, его семья, многочисленные представители царской элиты.

Итак, революции неизбежно ведут, с одной стороны, к политическому и финансовому крушению элиты, а подчас и к ее гибели, а с другой стороны, к расточительству народа, его разорению и истреблению. Следовательно, революция смертельно опасна и для элиты, и для народа. Не допустить революции можно, только гарантировав стабильность страны посредством эффективной внутренней и внешней политики.

Только в условиях политической и социально-экономической стабильности правящая элита сможет сохранить свою власть, высокое место в обществе, финансы и собственность. В настоящее время руководство страны — президент России В. В. Путин, министр иностранных дел С. В. Лавров много делают для обеспечения устойчивого развития России.

Другой мотивацией элиты сегодня является модернизация России, направленная на создание эффективного государства, призванного обеспечить строгое соблюдение Закона всеми без исключения. Следствием модернизации страны станет мощный рост экономики, повышающий материальную обеспеченность и качество жизни народа.

Второй урок связан с тем, что правящая элита должна быть национально ориентированной — защищать государственный суверенитет, строить эффективные вооруженные силы, способные дать отпор любому агрессору, отстаивать национальные интересы страны.

Царь и его ближайшее окружение, поставив интересы союзников (Англии и Франции) выше интересов России, втянули ее в Первую мировую войну, что противоречило национальным интересам страны, она не была готова к войне. В результате рабочие, крестьяне, интеллигенция не захотели терпеть социально-экономические

тяготы войны, мириться с гибелью кадровых частей армии из-за ошибок военного командования, отсутствия необходимого количества боеприпасов и вооружений. Потери на фронте усугубляло неумение жадной, эгоистичной и глупой царской элиты выстроить конструктивную обратную связь с обществом. Все это привело к политическому кризису и духовному надлому народа.

Кроме того, закрепощенность общества, незавершенность процесса формирования российской нации как надклассовой, социокультурной общности, острота социальных противоречий обусловили то обстоятельство, что элита и российское общество оказались не готовы к войне. В отличие от других воюющих стран, в России не существовало единых представлений об интересах и целях войны, которые бы обеспечили устойчивую морально-психологическую и идейно-политическую консолидацию общества, объединение его усилий в борьбе с внешними врагами.

Воспользовавшись тяготами войны и сложными социально-экономическими условиями, вожди-радикалы политических партий прервали эволюционный путь развития России. Организовав политический кризис, они привели страну к двум революциям — буржуазно-демократической в феврале и социалистической в октябре 1917 г. Первая из них сокрушила монархию, вторая — буржуазный строй страны. Россия была брошена в кровопролитную гражданскую войну, следствием которой стал распад государства. Радикализм сначала либералов, а затем большевиков был предательством национальных интересов страны, поскольку они покушались на труд и воинский подвиг своих предков, которые из поколения в поколение строили и собирали национальное Российское государство.

Таким образом, мы видим, что нельзя ради своих эгоистичных интересов предавать национальные интересы страны. Правящая элита и лидеры партий должны объединять граждан вокруг общих ценностей — государственного суверенитета России, вооруженных сил, социального мира, исторической памяти всех поколений россиян, национального бытия — языка, культуры, духовных основ.

Третий урок заключается в том, что для успешного проведения необходимых преобразований элите обязательно следует иметь

доверие и поддержку всего общества — легитимность.

Временное правительство и Советы, взявшие власть в результате государственного переворота в феврале-марте, не были легитимными. Не имели легитимность и большевики, совершившие государственный переворот 25 октября. Единственно легитимным в революциях 1917 г. было Всероссийское Учредительное собрание, избранное 12 ноября на всеобщих, равных и прямых выборах. Однако эти выборы прошли слишком поздно, когда большевики уже успели захватить власть. Они не стали мириться со своим поражением на выборах в Учредительное собрание и 6 января 1918 г. разогнали его. Демонстрации протеста избирателей против произвола большевиков в Петрограде 6 января и в Москве 9 января были расстреляны солдатами и матросами по приказу организаторов государственного переворота. Разгон большевиками легитимного Учредительного собрания и расстрел мирных демонстраций предопределили кровопролитную гражданскую войну.

Итак, правящей элите для получения доверия и поддержки общества при проведении насущных реформ необходимо организовывать и проводить легитимные выборы, с итогами которых будут согласны все их участники, в том числе оппозиция.

Четвертый урок заключается в том, что для успешного осуществления насущных реформ правящей элите необходимо опираться на крупный, средний и малый бизнес — социальную опору модернизации страны.

На рубеже XIX–XX вв. бизнес в России в лице торгово-промышленной элиты — главной силы модернизации на Западе — еще только складывался, поэтому оставался слабым классом. Кроме того, у предпринимателей отсутствовали политические права и государственно-властные возможности. Но при этом степень концентрации капитала, монополизация производства, накопления огромных финансовых ресурсов в руках крупнейших представителей бизнес-элиты превосходили все известные мировые аналоги. Все это предопределило, с одной стороны, жадность, эгоизм и предательство буржуазии, принявшей участие в свержении царского режима, а с другой — ее глупость и неспособность к установлению твердого правопорядка в стране, когда для этого были еще возможности — в марте — августе 1917 г.

В настоящее время в России сложился крупный бизнес, а также определенный социальный слой средних предпринимателей. Именно они являются движущей социальной силой модернизации, поэтому политической элите необходимо активно вовлекать их в структурные и институциональные реформы.

Пятый урок состоит в том, что для успешного проведения необходимых реформ правящей элите следует установить действенную обратную связь с обществом.

Царь обязан был наладить конструктивный диалог с обществом, привлечь на свою сторону авторитетных и просвещенных его представителей. Однако в условиях Первой мировой войны, когда народ не захотел терпеть социально-экономические тяготы, а аристократия, военная верхушка и политические представители буржуазии начали готовить заговор, перед Николаем II встала альтернатива — либо решительно установить диктатуру (что объяснимо в условиях войны), либо пойти на компромисс с общественностью и создать правительство, ответственное перед Государственной Думой, посредством введения в него представителей крупных предпринимателей и думских партий, входивших в «Прогрессивный блок».

Но царь не пошел на введение диктатуры, как это сделали в годы войны в Западной Европе, поскольку «в России таковая, — считал известный историк Сергей Мельгунов, — могла быть только диктатурой наперекор общественности» [5]. Николай не пошел также на компромисс с буржуазией и либералами и не ввел в правительство представителей партий кадетов и октябристов, общественных организаций от крупной буржуазии (военно-промышленных комитетов) и местного самоуправления (городов и земств). В итоге в обществе углубились отрицательное отношение к монарху. «Передовое русское общественное мнение, — говорил один из лидеров партии конституционных демократов Владимир Набоков, — изверилось в царе и постепенно пришло к сознанию, что нельзя одновременно быть с царем и с Россией» [6].

После февральской революции 1917 г. в условиях отсутствия сильного гражданского общества — широкого слоя среднего класса, низкого уровня правосознания, духовного одичания, порожденного жестокостями мировой войны, некомпетентность и разобщенность правящих политических сил в вопросе о стратегических

целях и способах их достижения неизбежно вели к диктатуре. Проблема состояла только в том, чья это будет диктатура — буржуазии или социалистов. После поражения генерала Лавра Корнилова, пытавшегося в конце августа 1917 г. установить строгий правопорядок и укрепить армию, путь к власти был открыт левым экстремистам, развязавшим после государственного переворота гражданскую войну [7].

Итак, чтобы успешно проводить насущные реформы, российской элите необходимо установить обратную связь с обществом, слышать его запросы, а главное — реализовывать его конструктивные предложения, приводить во власть просвещенных людей — тех, кто знает, что, как и в какой последовательности надо делать для осуществления необходимых реформ.

Рамки статьи не позволяют подробно раскрыть, что надо делать для решения всех вышеприведенных уроков, поэтому остановлюсь только на первом из них — проведении модернизации России для ее эффективного развития.

ЗАДАЧИ ЭЛИТЫ ПО МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

В настоящее время перед российской правящей элитой и гражданским обществом стоит неотложная задача модернизации страны. Ее решением явится переход Российской Федерации на эффективный путь развития, основанный на мотивации россиян к производительному труду, их ответственном отношении к свободному выбору своего жизненного пути, полной реализации их способностей благодаря неукоснительному соблюдению Закона всеми без исключения.

Следствием эффективного развития России станет создание мощной экономики, обеспечивающей существенный рост уровня жизни российского народа, достижение качественного образования и здравоохранения, развитие науки и культуры, строительство современных вооруженных сил, способных дать отпор любому агрессору, укрепление государственного суверенитета и национальной безопасности. Без эффективного развития страны невозможно также обеспечить продовольственную безопасность, качественное и бесплатное лечение больных в клиниках, свести на нет гибель десятков тысяч людей в дорожно-транспортных происшествиях, ликвидировать авиационные крушения и техногенные катастрофы, предот-

вратить смерть людей от спиртосодержащих суррогатов.

Однако созданию мощной экономики, благополучию народа и национальной безопасности России препятствуют повсеместное нарушение Закона, коррупция, хищение государственных средств, безответственность и некомпетентность должностных лиц и служащих органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также беззаконие и безответственность представителей бизнеса и самих граждан. Главным инструментом решения этих проблем — осуществления необходимой модернизации Российской Федерации — является эффективное государство, призванное обеспечить строгое соблюдение Закона всеми участниками общественных отношений, своевременно и качественно решать возникающие социально-экономические и гуманитарные вопросы.

Движущей силой создания и развития эффективного государства, призванного обеспечить неукоснительное соблюдение Закона всеми без исключения, выступает судебная власть. Собственно, судебная система — начало всех начал в государстве, поскольку, когда суды работают нормально, тогда рано или поздно работать начинают все. Именно судебная власть защищает права и свободы человека от любого произвола, причем как от произвола других граждан, так и от незаконных действий самого государства, его органов, должностных лиц.

В частности, обеспечение судебной властью соблюдения Закона в социально-экономических отношениях — свободу предпринимательства, равенство прав конкуренции, защиту частной собственности — мотивирует бизнес увеличивать рост производительности труда посредством новой организации труда, внедрения высоких технологий и инноваций. Следовательно, судебная власть выступает инструментом активного развития предпринимательства, полноценного функционирования рыночной экономики, стимулирующей граждан заниматься производительным трудом, обеспечивающим рост уровня жизни народа.

Судебная власть выступает также инструментом настройки правоохранительных органов — прокуратуры, следственного комитета полиции добросовестно исполнять свои обязанности по обеспечению верховенства права. Наконец, судебная власть оказывает существенное влияние

на формирование у граждан правовой культуры и правового сознания.

Однако из-за безответственности отдельных судей, коррупции, зависимости от групп влияния судебная власть в Российской Федерации не выполняет своей важнейшей роли — быть движущей силой создания и обеспечения функционирования эффективного государства. Правящая элита из-за своей малочисленности без гражданского общества не может осуществить контроль над всеми политическими, общественными, социально-экономическими процессами, происходящими в стране. Следовательно, она не в состоянии иметь полную информацию о соблюдении Закона на всех уровнях власти.

В этой связи необходимым инструментом создания правового государства выступает общественный контроль, осуществляемый с помощью механизма прозрачности деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц. Смысл общественного контроля состоит, с одной стороны, в принуждении этих органов и должностных лиц к ответственности по обеспечению неукоснительного соблюдения Закона всеми без исключения, компетентному регулированию экономических, социальных

и гуманитарных вопросов в стране. С другой стороны, общественный контроль поможет государственным и муниципальным служащим навести порядок в своих рядах — быть ответственными, неподкупными, компетентными.

Задачи российской правящей элиты состоят сегодня в том, чтобы обеспечить эффективное развитие общественного контроля, в том числе с помощью создания электронного портала, призванного вовлечь граждан в осуществление своего контроля от Камчатки до Калининграда. В настоящее время общественный контроль выступает одним из инструментов модернизации страны, следствием чего станет укрепление суверенитета, создание правового государства, экономически мощной и социально процветающей России. Именно сильное суверенное государство обеспечивает право российского народа на свободный и независимый от внешнего влияния политический, экономический и социальный курс, надежную защиту от любой военной агрессии. Правовое государство обеспечивает строгое соблюдение Закона всеми участниками общественных отношений, что позволяет людям достойно жить за счет своего труда, свободно раскрывать свои способности, быть здоровыми и счастливыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // Российская газета. 27.02.2007.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1994.
3. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. В 2 т. Т. 1. М., 1991.
4. Бердяев Н. А. Философия свободы. М., 2004.
5. Мельгунов С. П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006.
6. Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. М., 2007.
7. Ушаков А. И., Федюк В. П. Лавр Корнилов. М., 2006.

REFERENCES

1. Solzhenitsyn A. I. Reflections on the February Revolution. *Russian newspaper = Rossiyskaya Gazeta*, 27.02.2007. (In Russ.).
2. Berdyaev N. A. The origins and meaning of Russian communism. Moscow, 1994. (In Russ.).
3. Fedotov G. P. Fate and sins of Russia. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, 1991. (In Russ.).
4. Berdyaev N. A. Philosophy of freedom. Moscow, 2004. (In Russ.).
5. Melgunov S. P. The legend of a separate world. The eve of the revolution. Moscow, 2006. (In Russ.).
6. Melgunov S. P. On the way to the palace coup. Plots before the revolution of 1917. Moscow, 2007. (In Russ.).
7. Ushakov A. I., Fedyuk V. P. Laurus Kornilov. Moscow, 2006. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-12-16

УДК 321.01

ВКЛАД АЛЕКСИСА ДЕ ТОКВИЛЯ В РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Соловьев Алексей Васильевич,

канд. филос. наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
alexol.ross.msc@mail.ru

Аннотация. Обращение к творчеству Алексиса де Токвиля представляется актуальным, так как сегодня проблема соотношения революционного и эволюционного развития общества стоит на повестке дня во многих регионах мира. Противоречия внутри социумов вызывают протестные акции, которые при определенных условиях способны перерасти в революционные события. Целью данной статьи является анализ взглядов французского политического философа и политического деятеля XIX в. и определение его вклада в развитие теории революции. Внимательное прочтение текста его книги «Старый порядок и революция», а также работ французских и российских авторов о французской революции помогает реконструировать процесс созревания революции в недрах французского общества. В результате исследования выявлены оригинальные идеи французского автора, ставшие основой устоявшегося взгляда на французскую революцию и новейших интерпретаций описанного процесса в творчестве других авторов. Выводы, сделанные в заключение статьи, находятся в русле современных представлений о значении французской революции и ставят вопрос о значимости вклада А. де Токвиля в разработку теоретических основ изучения феномена революции. Осуществленное исследование является наброском к более фундаментальным исследованиям развития революционных процессов и роли трудов таких политических мыслителей, как А. де Токвиль, а также к их осмыслению.

Ключевые слова: Токвиль; Франция; революция; теория; старый порядок; политическая система; режим; внутренняя политика; деспотическое правление

THE CONTRIBUTION OF ALEXIS DE TOCQUEVILLE IN THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF REVOLUTION

Soloviev A.V.,

PhD in Philosophy, associate professor, Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow, Russia
alexol.ross.msc@mail.ru

Abstract. Appeal to the works of Alexis de Tocqueville's seems relevant, as today the problem of the relationship between revolutionary and evolutionary development of society is on the agenda in many regions of the world. The contradictions within societies cause of the protest action, which under certain conditions can develop into revolutionary events. The purpose of this article is to analyze the views of the French political philosopher and politician of the XIX century and the definition of his contribution to the development of the theory of revolution. A careful reading of the text of his book "The Old Regime and the Revolution", as well as works by French and Russian authors on the French revolution helps to reconstruct the process of maturation of the revolution in the bowels of French society. The study revealed the original ideas of the French author that became the basis of the established view on the French revolution and recent interpretations of the described process in the works of other authors. The findings, are in line with modern ideas about the significance of the French revolution put the question about the importance of the contribution of A. de Tocqueville in the development of theoretical bases of studying the phenomenon of revolution. The above study is outline for more basic research development of theoretical studies of the revolutionary process and the role of the writings of such political thinkers as A. de Tocqueville, as well as to their understanding.

Keywords: Tocqueville; France; revolution; theory; the political system; regime; domestic policy; despotic governance

ВВЕДЕНИЕ

100-летие Октябрьской социалистической революции 1917 г. в России притягивает внимание многих людей. Оценочные суждения по поводу этого факта истории в значительной степени отличаются друг от друга, но по масштабам последствий, вызванных им, несомненно, данное событие значительно повлияло на развитие многих процессов XX в.

Желание понять закономерности возникновения всякой революции как социального, политического и правового феномена невольно подталкивает к более широкому его осмыслению. В этом отношении весьма интересна история французской буржуазной революции, повлиявшей в свое время, по крайней мере, на ход европейской истории.

ОСМЫСЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Понятия «теория» и «революция» являются в статье основополагающими для раскрытия вклада Алексиса де Токвиля в развитие теоретических представлений о судьбоносном феномене для многих народов.

В большинстве справочных изданий слово «теория» (*от греч.* — рассмотрение, исследование) трактуется как состояние основных идей в той или иной отрасли знания; форма научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях действительности. Именно в таком смысле мы будем рассматривать его в данной работе.

Понятие «революция» появилось в XIV в. Его употребление в научном контексте связано с именем Н. Коперника, использовавшего данное понятие в своей работе «Об обращении небесных тел» (*“De revolutionibus orbium coelestium”*, 1543 г.). Этот термин имел естественнонаучный смысл и обозначал вращательное, круговое движение при описании траекторий небесных тел. Новое время закрепило за понятием независимость от Провидения и обретение автономии и постоянства в движении. Позднее, в XVII в., оно наполнилось политическим смыслом и имело в виду циклическую смену правителей. В таком понимании оно было употреблено в 1660 г. по поводу реставрации английской монархии — под этим подразумевался политический процесс, приведший к резкому и глубокому изменению в политической и социальной структуре государства.

В рамках размышлений о социальной революции привлекает внимание работа Алексиса де Токвиля «Старый порядок и революция», неоднократно переведенная на русский язык. Она не столь из-

вестна широкому кругу читателей, но представляет не меньший интерес, чем его более раннее исследование «О демократии в Америке». Важность произведения «Старый порядок и революция» для изучения процесса зарождения и осуществления революции можно оценить хотя бы потому, что известный французский историк Франсуа Фюре в своем исследовании о французской революции неоднократно обращался к указанной работе своего предшественника, которую он высоко оценил. В качестве характеристики этого исследования он приводит слова французского историка Жоржа Лефевра из введения, написанного тем к книге Токвиля, переизданной в 1952 г.: «..., «Старый порядок и революция» остается в моих глазах главной книгой во всей революционной историографии. Вот также, почему она всегда была, более века, бедной родственницей этой историографии, более цитируемой, чем читаемой, и более читаемой, чем понятой» [1, р. 35]. Кстати, во второй половине XIX столетия появление книги Алексиса де Токвиля в России вызвало острую общественную дискуссию. В нее были вовлечены представители разных политических взглядов, а поэтому оценки, данные ими этой книге, значительно отличались друг от друга [2, с. 19–22].

В 1835 г. он опубликовал эссе «Социальное и политическое состояние Франции до и после 1789 года», за которое получил орден Почетного Легиона (1837 г.). Оно послужило основой для написания «Старого порядка и революции» и открыло ему двери Академии моральных и политических наук (1838 г.), а также Французской академии (1841 г.). Не удивительно, что знания, накопленные в области права, ему захотелось применить в социальной и политической сфере. Приблизительно в это же время он начинает политическую карьеру.

В 1851 г. Алексис де Токвиль оставляет политическую деятельность, а в 1852 г. удаляется в свое владение, где начинает писать «Старый порядок и революция», вышедший в 1856 г.

В книге автор ставит вопросы социального, политического и правового характера. Он сразу же предупреждает читателя, что книга не является исключительно историей Революции. В предисловии А. де Токвиль раскрывает замысел своего сочинения: «Непосредственная задача сочинения, которое я предлагаю вниманию публики, состоит в том, чтобы объяснить, почему эта великая Революция, подготовлявшаяся одновременно почти на всей материке Европы, вспыхнула у нас раньше, чем в других местах; почему она как будто сама собой

вышла из общества, которое ей предстояло разрушить, и наконец, как могла старая монархия пасть так окончательно и так внезапно» [3, с. 18]. Анализ этих событий был бы не очень убедительным, если бы основывался только на умозрительных рассуждениях. Чтобы понять смысл происшедшего, Токвиль сосредоточил внимание на внутренней политике предреволюционной Франции. Он рассматривал саму эту форму власти как политическое явление. Показательно, что термин «режим», использованный Токвилем (и переведенный на русский язык как «порядок»), используется в современной политической науке наряду с понятием «политическая система».

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ РАССМОТРЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Как отмечают многие исследователи, Токвиль предложил оригинальное видение французской революции — не как разрыв, а как завершение процесса, начавшегося несколькими веками раньше, результатом которого явилась централизация государства. Поэтому для него революция не являлась случайным феноменом. Он показал, как Людовик XVI ускорил революционные преобразования своими действиями: «Из тех реформ, которые были совершены им самим, некоторые резко и без достаточной подготовки изменяли старые и пользовавшиеся уважением привычки и порой нарушали приобретенные права. Таким образом, они подготовляли Революцию не только ломкой того, что стояло на ее пути, но еще в большей мере указанием народу приемов для ее осуществления» [3, с. 224]. Токвиль говорит о том, что Революция мгновенно, судорожным и болезненным усилием, без постепенных переходов, без предосторожностей и без пощады положила конец тому, что позднее мало-помалу окончилось бы само собой [3, с. 44].

Токвиль полагал, что опыт Франции способен раскрыть общие механизмы исторического развития от реформаторского сценария к революционному [2, с. 20]. В исследовании французского философа присутствует не только описание «старого порядка», но и говорится о последствиях его крушения. Он упрекает Э. Берка в том, что тот «не замечает того, что перед глазами у него — Революция, которая именно должна уничтожить этот старый закон, общий всей Европе; он не видит, что все дело именно в этом и больше ни в чем» [3, с. 45]. Политико-правовой подход отличает рассмотрение Токвилем форм правления. Так, абсолютизм для него не производ, который характеризуется без-

действием законов, но деспотическое правление (он использовал также синонимы — всевластие, тирания), где власть правителя имеет ограничения. Это переходная форма политической организации общества от аристократии к демократии, опирающаяся на законы, но не учитывающая интересов общего блага.

На основании исследования исторической специфики предреволюционной Франции А. де Токвиль в первой главе книги говорит о парадоксе, согласно которому Франция оказалась первой страной, пережившей великую революцию, коренным образом изменившую общественный порядок, хотя страна в политическом отношении была наиболее развитой. Шестьдесят лет спустя В.И. Ульянов (Ленин) по поводу России выдвинул противоположное утверждение. Он говорил о возможности победы революции (социалистической) в одной, отдельно взятой стране, представлявшей собой «слабое звено в цепи империализма».

МЕТОДОЛОГИЯ ТОКВИЛЯ

Характеризуя работу де Токвиля над книгой, профессор Императорского Московского университета П.Г. Виноградов в предисловии к русскому переводу в 1896 г. писал: «...его книга является лучшим введением к предмету и лучшим суждением о причинах и направлении революции» [3, с. 11]. Там же он дал лестную характеристику исследовательских качеств автора. Он отметил примечательную особенность указанного произведения: «...законченный труд представляет, несмотря на свою историческую тему, образец политического рассуждения; в нем нет ничего лишнего и случайного, весь материал, предлагаемый читателю, использован для установления выводов» [3, с. 12]. Отметим, что выводы, сформулированные Токвилем в его книге, не являются отвлеченными, так как писатель «...был глубоко заинтересован не только теорией, но и практикой, демократического движения и политической свободы» [3, с. 12]. Он пришел к ним, ознакомившись с огромным числом документов, что придало его произведению уникальную ценность.

Основным методом исследования Токвиля был исторический метод, который дополнялся другими. В частности, он использовал метод сравнения, позволивший найти общие и частные черты прошлого и настоящего в жизни французского социума: «...я сознаю, что, изучая наше старое общество во всех его частях, я никогда вполне не терял из виду современное общество» [3, с. 20]. В его работе мы можем найти зачатки прогностического метода.

Использование названных методов дополнялось применением таких принципов, как объективность, аргументированность, тщательность и др. [3, с. 15–21].

Спустя некоторое время история (вернее, историография французской революции) была по-новому рассмотрена французским историком Франсуа Фюре в его трудах, в частности в предсмертном произведении, получившем в русском переводе название «Постижение французской революции» (“Penser la Révolution française”, 1978 г.). В ней он подверг критике ряд положений, выдвинутых Токвилем. Однако эта критика не столь бесспорна. Ф. Фюре значительно уступает А. де Токвилю в степени погружения в исторические источники, ссылаясь в своих произведениях на мнение других авторов [4, с. 176]. Вместе с тем он прозорливо отметил незавершенность исследования той революции, утверждая, что по-настоящему беспристрастная история французской революции еще не была написана, даже в самой Франции.

Наверное, аналогичное суждение можно сформулировать по поводу Октябрьской революции 1917 г. в России.

Изменения, постепенно происходящие в обществе и обусловленные его всесторонним развитием (техническим, экономическим, политическим, культурным, духовным и т.д.), имеют соответствующие регуляторы, соразмерные уровню и сложности проблем, требующих разрешения. Но эти решения далеко не всегда способны полностью снять противоречия, которые постепенно «зашлаковывают» социальный организм. Именно проблемы, возникающие в недрах старого общества, приводят к необходимости его радикального «очищения» от накопившихся препятствий через революцию, обеспечивающую динамичное развитие социума.

Социальная эволюция и социальная революция как формы общественного развития представляют собой единое целое, соответствующее потребностям конкретного общества на определенном этапе его развития. Оба понятия связаны с другими близкими понятиями, такими как «изменение», «развитие», «прогресс», «скачок» и др.

Одна из глав книги А. де Токвиля так и называется «О том, как все предшествующее само собой привело к Революции». Она имплицитно свидетельствует о наличии системного подхода в его исследовании. В указанной главе он подмечает одну из интересных черт французской революции: «Контраст между мягкостью теории и жесткостью действий, составляющий одну из самых странных

особенностей французской Революции, никого не удивит, если принять во внимание, что Революция эта была подготовлена наиболее цивилизованными классами наций, а совершена самыми необразованными и грубыми» [3, с. 243].

РЕВОЛЮЦИЯ: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Но, если «все предшествующее *само собой* привело к Революции», напрашивается вопрос: нужны ли революции вожди? Можно найти различные ответы на этот вопрос. Нам представляется, что в любом социальном процессе, наполняющимся политическим содержанием, на определенном этапе возникает необходимость в координации и руководстве. Как показывает исторический опыт, хаос постепенно уступает место порядку и согласованности. Токвиль так описывал ситуацию развития революции: «...когда это могучее поколение, начавшее революцию, было истреблено или обессилено, как бывает обыкновенно со всяким поколением, предпринимающим такие действия; когда, следуя естественному ходу подобных событий, любовь к свободе остыла и утомилась среди анархии и диктатуры черни и нация в смятении начала как бы ощупью искать себе господина, — тогда абсолютная власть нашла для своего возрождения и обоснования удивительно легкие пути, которые и были без труда открыты гением человека, ставшего в одно и то же время продолжателем Революции и разрушителем ее дела» [3, с. 245].

Вопрос о том, является революция случайным событием или закономерным, решается в пользу закономерности этого явления. Многие авторы склоняются именно к такой трактовке данной проблемы. Уже в начале Октябрьской революции 1917 г. французский автор Пьер Паскаль, находившийся в то время в Санкт-Петербурге, писал в своих дневниках, опубликованных позднее: «Русская революция, какова бы ни была последовавшая на нее реакция, будет иметь такой же огромный отклик, как революция 1789 г., и даже намного больший: это не случайность, это эпоха...» [5, р. 120]. Французский историк Альбер Собуль также настаивает на неизбежности французской революции, ссылаясь на своего именитого предшественника: «Токвиль, в свою очередь, со свойственной ему проницательностью показал неизбежность Революции. “Всего менее Революция была событием случайным. Правда, мир был застигнут ею врасплох, но, тем не менее, она была лишь завершением более продолжительной работы, стремительным и бурным окончанием

дела, над которым трудились десять человеческих поколений» [6, с. 168].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном небольшом эссе, посвященном вкладу Алексиса де Токвиля в развитие теории революции, был проведен краткий анализ его произведения «Старый порядок и революция» на предмет рассмотрения французским автором причинно-следственных связей в процессе созревания и осуществления революционных преобразований во французском обществе.

В результате анализа текста и высказываний соотечественников французского автора, а также российских исследователей можно утверждать, что А. де Токвиль:

- проделал большую работу по изучению документов и материалов, связанных со значительным историческим периодом французской истории;
- его книга «Старый порядок и революция» является комплексным исследованием событий предреволюционного периода развития Франции и событий 1789 г.;

- автор исследования разносторонне рассматривает причины революции и условия, приведшие к тому, что она произошла именно во Франции;

- он заложил основу историографии французской революции, дав образец глубокого изучения факторов, повлиявших на ход и исход революции;
- детальностью исследования феномена французской революции он создал возможность множественных интерпретаций этого события, распространения и переосмысления общих закономерностей революции применительно к другим странам.

Анализ теоретических идей А. де Токвиля позволяет нам сделать вывод о том, что французский политический мыслитель и историограф внес значительный вклад в развитие революционной теории в рамках существовавшей в то время исследовательской парадигмы. Его идеи помогают нам по-новому взглянуть на некоторые аспекты революционных событий во Франции конца XVIII столетия, сравнить их с революцией в России в начале XX в., лучше понимать события современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Furet François. *Penser la Révolution française*. Paris: Éditions Gallimard, 1989 (1978), 259 p.
2. Кочукова О.В. Из опыта осмысления истории Франции XVIII в. в контексте общественных дискуссий в России середины XIX в. (русские отклики на сочинение А. Токвиля) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 19–23.
3. Токвиль, Алексис де. *Старый порядок и революция*: пер. с франц. М.: Челябинск, 2017. 308 с.
4. Веремчук Л.П. Алексис де Токвиль о монархии Старого порядка (в контексте анализа исторических предпосылок Великой французской революции) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 324. С. 174–176.
5. Werth N. *Les révolutions russes*. Paris: PUF, 2017, 128 p.
6. Собуль А. Классическая историография французской революции. О нынешних спорах: пер. с франц. // Французский ежегодник 1976. М., 1978. С. 155–170. URL: http://istmat.info/files/uploads/29409/fe-76_soboul.pdf (дата обращения: 25.11.2017).

REFERENCES

1. Furet, François, *Penser la Révolution française*. Paris: Éditions Gallimard, 1989 (1978), 259 p. (In French).
2. Kochukova O.V. The understanding of the history of France of the 18th century in the context of public debates in Russia in the mid 19th century (Russian responses to the writing by A. de Tocqueville). *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk = Izvestiya of the Samara Science Center of the Russian Academy of Sciences*, 2013, vol. 15, no. 5, pp. 19–22. (In Russ.)
3. Tocqueville Alexis de. *The Old Regime and the Revolution*. Moscow: Chelyabinsk, 2017, 308 p. (In Russ.).
4. Veremchuk L.P. Alexis de Tocqueville about the Old Order Monarchy (In the Context of the Historical Prerequisites of the Great French Revolution). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk state University*, 2009, no. 324, pp. 174–176. (In Russ.).
5. Werth N. *Les révolutions russes*. Paris: PUF, 2017, 123 p. (In French).
6. Soboul A. Classic historiography of the French revolution. On the current debate. *Francuzskij ezhegodnik 1976 = Yearbook of French studies 1976*. Moscow, 1978, pp. 155–170. Available at: http://istmat.info/files/uploads/29409/fe-76_soboul.pdf (accessed 25 November 2017) (In Russ.)

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-17-24

УДК 338.24.021.8(045)

ОПЫТ И УРОКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ В СССР В 60–80-Е ГОДЫ

Милюков Анатолий Илларионович,

д-р экон. наук, профессор, Финансовый университет, Москва, Россия

amilukov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается опыт проведения экономических реформ в Советском Союзе, начиная с Косыгинской реформы в 1965 г. В эти годы шел поиск путей постепенного перехода к рыночной экономике. Автор статьи был активным участником разработки и проведения этих реформ. В статье анализируется содержание реформ, успехи и причины, сдерживавшие преобразования. Ряд выводов и предложений полезны в настоящее время при проведении мер по улучшению управления экономикой.

Ключевые слова: экономическая реформа; план; рынок; экономический рост; интересы; стимулы; фонды экономического стимулирования; конкуренция; инвестиции; капитал; стратегия экономического развития

EXPERIENCE AND LESSONS OF ECONOMIC REFORMS IN THE USSR IN THE 1960S AND 1980S

Milyukov A.I.,

Doctor of Economics, Professor of the Financial University, Moscow, Russia

amilukov@yandex.ru

Abstract. The author analyzes the experiences and lessons of economic reforms in 60–80-ies. The author was an active participant in the development of the Kosygin reforms which started in 1965 in the Soviet Union. The author makes suggestions for economic reform in the modern period.

Keywords: economic reform; plan; market; economic growth; interests; incentives; economic stimulus funds; competition; investment; capital; economic development strategy

Тема экономических реформ советского периода сегодня привлекает большое внимание по двум причинам.

Во-первых, это стремление широких кругов общественности глубже узнать историю страны, в том числе ее экономического развития.

Во-вторых, многие проблемы и пути их решения являются актуальными и сегодня. Их надо знать, чтобы использовать все лучшее и удачное и не повторить допущенных ошибок в дальнейшем.

Это особенно касается истории экономического развития советской экономики в 60-е — 80-е гг., когда шел активный поиск путей преобразования плановой экономики, новых стимулов и рычагов ее развития. В последнее время появился ряд работ по этим вопросам. Вышли книги «Упущенный

шанс или последний клапан?» под ред. Р.М. Нуриева и Ю.В. Латова [1] и «О чем не думают экономисты» Дмитрия Валового [2].

Автор данной статьи был активным участником событий того времени, работал в разных экономических и политических структурах: в Государственном Комитете по труду и социальным вопросам, в аппарате Правительства и ЦК КПСС, являлся руководителем Экономического отдела в аппарате Президента страны. Мы искали новые пути и методы управления экономикой страны.

Много усилий прилагалось при разработке методических основ Косыгинской реформы и подготовке предложений по ее совершенствованию в последующие годы. В современных условиях самой сложной задачей является коренное улучшение

экономического положения в стране, оживление экономической жизни. Сегодня предстоит определить стратегию и тактику поведения, скорректировать экономическую политику. Совершенно правомерно ставится задача сформировать своего рода дорожную карту проведения реформ.

КОСЫГИНСКАЯ РЕФОРМА: НЕОБХОДИМОСТЬ, ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ, ИТОГИ

В современных условиях, на наш взгляд, важно использовать лучший опыт проведения экономических реформ в советских условиях. Именно благодаря проведенной реформе восьмая пятилетка (1966–1970 гг.) оказалась весьма успешной — неслучайно она названа «золотой». За пять лет среднегодовые темпы роста национального дохода составили 6,1% (в развитых странах темпы роста были в 2–3 раза ниже). Рост производительности труда в годовом исчислении достиг 7,4%.

Эта реформа вызвала высокий патриотический подъем, она может служить примером мобилизации экономики. Поэтому полезно понять причины Косыгинской реформы, ее содержание, механизм и результаты.

В конце 50-х и начале 60-х гг. в стране сложилась чрезвычайно сложная обстановка. В связи с неоправданными и волюнтаристскими действиями Н. С. Хрущева в управлении экономикой темпы экономического роста замедлились, эффективность производства продолжала снижаться. Сдерживали развитие неопределенность целей и задач по экономике в целом и по отраслям, непрерывные реорганизации и, самое главное, неуверенность предприятий и населения в завтрашнем дне, отсутствие стимулов роста [3].

Характерно, что этот период в народе называют «хрущевской оттепелью». И это совсем не случайно — в политическом плане, действительно, была свобода: появилась возможность спорить, дискутировать, предлагать.

Я тогда после окончания Московского финансового института был направлен работать на крупный новый оборонный завод в городе Серпухове (теперь это завод «Металлист»). Действительно, в тот период, с одной стороны, мы участвовали в общественной жизни, в бурных общественных дискуссиях. Но, с другой стороны, экономическая жизнь на предприятиях шла своим чередом: занижение плановых заданий, завышение цен на свою продукцию и т.д. Реального интереса к повышению эффективности производства не было.

Необходимость перемен была очевидной. В это время в стране сменилось руководство. Правительство возглавил Алексей Николаевич Косыгин. Он обладал большим опытом хозяйственной работы, хорошо проявил себя в управлении экономикой в годы войны, способствовал развитию текстильной промышленности. В стране, по существу, была объявлена мобилизация — осуществлены решительные меры по улучшению управления экономикой. Было издано специальное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 04.10.1965 № 729 «О совершенствовании планирования и экономического стимулирования производства», которое определяло основные правила реформы, требования и условия ее проведения. В это время я был приглашен в Государственный Комитет Совета Министров СССР в качестве руководителя подразделения по стимулированию труда в новых условиях.

На мой взгляд, узловые моменты реформы являются актуальными и для современной ситуации. Поэтому рассмотрим ее основные принципы.

Первое. Трудовым коллективам за достижения по росту прибыли, рентабельности, производительности труда полагалось вознаграждение.

По экономике в целом и по отдельным отраслям были в короткие сроки выработаны и поставлены конкретные задачи. Ведущие отрасли получили четкие ориентиры роста. На их основе рассчитывались нормативы вознаграждения. Действующая система вознаграждения строго контролировалась.

В плановой системе добиться стабильности в механизме стимулирования было сложно, план определял конкретные задачи и показатели по каждому предприятию. Условия работы при этом, естественно, постоянно менялись. Заметим, что количество плановых показателей было резко сокращено, а все валовые показатели — отменены. За основу принимались в основном показатели реализации продукции и рентабельности.

Особая трудность была связана с определением нормативов поощрения. Нормативы определялись как отраслевые или групповые и должны были быть долгосрочными. По этим нормативам определялись три фонда экономического стимулирования. Соблюдать это было очень сложно, но эффект даже от не всегда соблюдаемой стабильности в поощрении был огромный.

В моей книге «Фонды поощрения» подробно анализируются методические основы системы стимулирования, заложенные в реформе [4].

Сегодня другие условия, но важен вывод: стабильные правила хозяйствования дают огромный

эффект. Обеспечить их — самая актуальная задача на сегодня.

Второе. Было налажено четкое и скоординированное управление реформой.

Созданная авторитетная правительственная Межведомственная комиссия получила широкие полномочия по формам и методам проведения реформы. Комиссию возглавил заместитель Председателя Правительства, а затем, в течение длительного времени, заместитель председателя Госплана СССР, профессор Александр Васильевич Бачурин. Но, по существу, деятельность Комиссии контролировал сам Алексей Николаевич Косыгин.

Работала Комиссия как своего рода штаб по проведению реформы. В ее состав входили заместители руководителей всех центральных экономических ведомств, как правило, специалисты в области управления экономикой. Но особенно мне хотелось бы выделить активную роль председателя Государственного Комитета по ценам профессора Владимира Ситнина, заместителя председателя Комитета по труду и заработной плате профессора Бориса Сухаревского, заместителя председателя правления Госбанка Виталия Воробьева.

По каждому направлению реформы действовали рабочие группы, в которые входили специалисты всех заинтересованных организаций. Их возглавляли ведущие руководители соответствующих экономических ведомств. Решения Комиссии оформлялись протоколами, которые подлежали обязательному исполнению всеми хозяйственными и государственными органами. По наиболее важным вопросам вносились предложения на рассмотрение Правительства. Таким образом, была создана обстановка согласованной работы всех экономических ведомств.

Третье. Реформа подкреплялась широкой организаторской и идеологической деятельностью. Была введена жесткая дисциплина выполнения поручений, обеспечивался строжайший контроль за всем ходом преобразований. Широко разъяснялась сущность реформы.

Главная идея, которая проводилась повсеместно, — падение темпов роста должно быть остановлено. Страна не должна терять позиции в мире — речь шла о судьбе великой державы.

Особую роль в успешной реализации реформы играл государственный аппарат на всех уровнях. Специалисты, занятые в государственном аппарате, были четко мотивированы. Они понимали, что их карьерный рост будет определяться успехом при проведении реформы. Других интересов не было.

Была также широко развернута экономическая учеба. Ведущие специалисты проводили занятия с трудящимися на предприятиях, среди руководителей в регионах, со студентами.

Правительству регулярно (примерно раз в квартал) представляли сведения о ходе экономической реформы, отмечались успехи, проблемы. На всех уровнях было организовано соревнование, что позволяло мобилизовать трудовые коллективы и регионы на достижение высоких результатов.

Ход реформы показывал, что основные направления работы являются правильными. Был обеспечен существенный рост экономических показателей и уровня жизни населения [5].

ПРИЧИНЫ СВЕРТЫВАНИЯ РЕФОРМЫ

К сожалению, в начале 70-х гг. многие положения реформы были свернуты. Почему?

Во-первых, усилилась дифференциация в доходах населения, а это противоречило догматическим установкам ряда лидеров партии о необходимости обеспечения при социализме равенства в уровне жизни всех слоев населения. Многие руководители предприятий и специалисты получали по итогам года премии в размере 10–12 окладов, хотя это не так уж и много, учитывая низкие оклады. На Политбюро ЦК КПСС было дано прямое указание не допускать такого положения вещей в дальнейшем.

Во-вторых, сталкивались два направления. С одной стороны, были рыночные стимулы, борьба за рост реализации продукции, прибыль. С другой стороны, требования выполнения плановых показателей сдерживали стимулы роста, не давали возможности развернуть механизм хозяйствования, внедрить реальные объективные экономические рычаги, стимулы. Ориентация на стабильные экономические нормативы, которые определялись в плановом порядке, создавала проблемы, было много сложных, не всегда обоснованных показателей.

В-третьих, можно утверждать, что недостаточно учитывались требования рынка. Необходимы были дальнейшие шаги в сторону рыночных методов управления. Надо было двигаться дальше, опираясь на прибыль, эффективность, постепенно, шаг за шагом, приближаться к рыночным методам управления. Именно по этому пути в дальнейшем пошел Китай.

ПОИСК НОВЫХ ПУТЕЙ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ В 70-Е ГОДЫ

По изложенным выше причинам был принят ряд общих и ведомственных решений, цель которых —

приблизить экономические нормативы стимулирования к выполнению пятилетних планов. Соответственно был перестроен весь механизм расчета нормативов и условия их применения. Определенный результат это дало. В системе поощрения усилилась ориентация на пятилетние планы предприятий, сократились различия в размерах оплаты, но в целом, конечно, требования рынка к предприятиям были снижены.

В начале 80-х гг. обстановка в стране была сложной. Темпы экономического роста снова упали до 3–4% в год, а при сложившемся уровне развития страны этого было явно недостаточно. Особенно много проблем было в легкой и пищевой промышленности. На рынке недоставало товаров, пользующихся массовым спросом у населения.

Система управления экономикой возвратилась к неоправданной централизации, стала крайне сложной, усилилось стремление все решать из центра. Многочисленные плановые показатели сковывали инициативу предприятий. При этом экспорт был ограничен, цены на нефть — крайне низкие (10–12 долл. США за баррель).

В это время в политическом руководстве страны произошли большие изменения — Центральный Комитет партии возглавил Ю.В. Андропов. Он понимал, что надо делать решительные шаги по изменению ситуации и навести элементарный порядок в стране: повысить дисциплину и ответственность каждого за порученное дело, выдвинуть на руководящие посты свежие, энергичные кадры. Особая система контроля вводилась по борьбе с коррупцией. Эти меры (организационные и административные), конечно, дали результат — многие коллективы заработали лучше и эффективнее.

Но Андропов понимал, что этого недостаточно, — в беседах, на совещаниях он подчеркивал: нужны радикальные меры. Надо изменить обстановку в стране, повысить интерес к труду, к его результатам. Развернулся поиск конкретных путей и методов перестройки хозяйственного механизма.

ПОИСК НОВЫХ РЕШЕНИЙ В НАЧАЛЕ 80-Х ГОДОВ

Были созданы рабочие команды, в которые входили ведущие специалисты Госплана СССР (активную роль играл С.А. Ситарян), ученые Академии наук (проф. Е.Г. Ясин, академики Н.Я. Петраков и Л.И. Абалкин, проф. Г.А. Явлинский и др.), известные специалисты министерств и ведомств. Я в тот период был заведующим сектором по совершенствованию управления народным хозяйством. Вместе

мы прикладывали все силы к отработке нового хозяйственного механизма. Были выработаны, на мой взгляд, неплохие предложения, резко расширяющие свободу предпринимательства. Нужна была политическая воля. Все ждали такого решения.

Работая рядом с Андроповым в его команде, я видел, что Юрий Владимирович был человеком творческим и при этом глубоко понимал проблемы страны. При подготовке различного рода крупных постановлений, докладов была принята такая система организации работы, когда формировались группы специалистов высокой квалификации, которые отрывались от своей повседневной деятельности и в режиме напряженной мозговой атаки готовили документы. От Ю.В. Андропова всегда поступали умные и деловые замечания по проектам документов, подготавливаемых нами. При этом он сам, своей рукой вносил принципиальные и важные правки и дополнения.

Он особенно внимательно относился к проблемам экономики: «Надо все менять. Но сможем ли мы сделать это сразу, не наломаем ли дров? Давайте проведем масштабные эксперименты, накопим опыт и постепенно будем все улучшать».

В какой-то мере Андропов был прав, надо было проявлять осторожность. Но осторожность была сильно преувеличена, гипертрофирована. В результате эксперименты затянулись, — они долго обсуждались, постепенно расширяясь, охватывали все новые и новые звенья и отрасли экономики. Мы теряли время.

Автор статьи сам участвовал в круговороте этих событий. Решением ЦК КПСС весной 1983 г. я был назначен начальником сектора управления народным хозяйством в Экономическом отделе ЦК. Мне было поручено координировать всю работу по перестройке управления, в том числе и по проведению экспериментов в экономике.

Мы разработали, с учетом указаний Андропова, концепцию по переходу на полный хозрасчет и самофинансирование отраслей бытового обслуживания населения, затем через год (с учетом положительных итогов первых экспериментов) применили эту систему в легкой и пищевой промышленности. За основу принимались идеи Косыгинской реформы: предлагалось установить число планируемых для предприятий показателей и свести их к минимуму (два-три вместо десятка, устанавливаемых ранее). В основу деятельности принималась прибыль и самофинансирование.

Конечно, это был гигантский шаг вперед. Расширялись возможности для предпринимательства

и инициативы. Естественно, резко улучшались показатели работы предприятий. Но надо признать, что это были полумеры. Сохранялся страх потерять управление экономикой — такие опасения были у многих руководителей в ЦК КПСС и, прежде всего, у ряда членов Политбюро ЦК.

По-прежнему тормозила реформирование экономики боязнь потерять социалистический принцип распределения по труду. В результате улучшения показателей работы в условиях эксперимента у многих руководителей предприятий (как и в ходе Косыгинской реформы) существенно увеличивалась заработная плата. Этого не хотели не только ряд партийных лидеров, но и многие руководители предприятий. Усилились требования сохранять «социалистическую скромность». В результате эксперименты затягивались.

ПОЧЕМУ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В НАЧАЛЕ 80-Х ГОДОВ НЕ ПОШЕЛ ПО ПУТИ КИТАЯ

В то же время жизнь требовала более энергичных действий. К этому подталкивали и события в Китае. Дэн Сяо Пин, стоявший во главе страны, проводил политику по переходу к «социализму с китайской спецификой». Речь, по существу, шла о переходе страны к рыночным отношениям.

У нас события разворачивались так. Шел 1983 год. Мы выработывали новые подходы к управлению экономикой. Однажды поздно вечером мне позвонил Н.И. Рыжков и попросил зайти к нему. «Мне только что позвонил Крючков (председатель КГБ) и сообщил, что состоявшийся сегодня Пленум ЦК Компартии Китая принял решение. Изучите».

Я получил пакет с решением 3-го Пленума ЦК КПК. Просидел с ним ночь и по результатам изучения написал свои выводы. Главное, к чему я пришел, состояло в следующем: нам в Советском Союзе надо незамедлительно приступить к масштабному реформированию экономики на рыночной основе. Иначе через 5–7 лет мы безнадежно отстанем.

Утром я отдал эту записку Николаю Ивановичу. Когда прошло несколько дней, я спросил его: «Что будем делать?» Он ответил, что будет еще раз беседовать с Андроповым. В ходе следующих обсуждений ситуации я понял, что политическое руководство страны не решается идти по такому решительному пути.

На мой взгляд, ряд членов Политбюро придерживались догматических взглядов. М.А. Суслов, В.В. Гришин не могли допустить переход экономической системы на рельсы, отличные от прежней плановой модели.

Мог ли Андропов преодолеть это сопротивление? Думаю, что мог. Но для этого нужна была экономическая и социальная концепция, план действий по перестройке управления экономикой, управленческая команда. Всего этого Андропов не имел и поэтому не стал рисковать. Он избрал другой путь — постепенного реформирования, но не успел это сделать.

После смерти Андропова во время правления К.У. Черненко начались годы неопределенности, а потом — длительный период суеты и половинчатых решений. Было понятно, что страна потеряла много времени, а Китай ушел далеко вперед. Один из лидеров руководства ЦК КПК сказал: «Если бы Советский Союз в 70–80-е годы продолжал проводить и развивать Косыгинскую реформу, то Китай сегодня учился бы у своего старшего брата». Лучше не скажешь.

УРОКИ РЕФОРМ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА ДЛЯ НЫНЕШНЕЙ СИТУАЦИИ

Какие уроки дает нам Косыгинская реформа и другие попытки реформировать экономику? Что мы можем сделать в первую очередь в нынешней обстановке?

На мой взгляд, первейшая задача на сегодня — наладить систему управления экономикой.

Главное при этом — координация сил и средств на основных направлениях экономического развития. Если для развитых стран замедление экономического роста во многом понятное явление (циклы экономического кризиса и другие факторы), то для России имеют значение и другие факторы. В стране огромные неиспользованные ресурсы, низкая производительность труда, большие масштабы внутреннего неудовлетворенного рынка, неиспользованный творческий потенциал — все это не позволяет России снижать темпы своего развития. Неслучайно поэтому в стране постоянно обсуждаются вопросы: как оживить Россию? как придать ей активность и динамику во всех сферах общественной и особенно экономической жизни?

Каким образом в этих условиях использовать уроки Косыгинской реформы? Конечно, сегодня другая ситуация, другие условия. В основном рынок, а не план определяет показатели работы предприятий и формы управления на всех уровнях.

Но многие формы и методы организации дела, оправдавшие себя ранее, способы мобилизации сил и средств можно использовать в нынешней ситуации. Более того, сегодня эти формы и методы управления будут более действенны, потому что

опираются на новые рыночные условия. Предложения, которые я излагаю, больше вытекают из нынешней ситуации, но в основе их во многом лежит опыт и итоги преобразований 60–80-х гг.

Назовем важнейшие конкретные направления этой работы [6].

1. В настоящее время нет взаимодействия организаций при проведении экономических разработок. Каждый сектор экономики работает над своими проблемами, иногда даже успешно, но нет должной координации действий. В результате годами обсуждаются, казалось бы, очевидные предложения, и нет никаких решений.

В качестве первого шага важно создать Правительственную комиссию по развитию (в какой-то мере это будет модернизированный Госплан). Основная задача этой Комиссии — определять показатели стратегии экономического развития экономики, а в современных условиях особое внимание уделять формированию точек экономического роста. Сегодня это крайне важно для всей системы управления.

Обязанность Комиссии — координировать все вопросы по разработке новых рычагов и стимулов роста экономики, а также контролировать ход выполнения принятых решений. Надо преодолеть крайне негативную ситуацию, когда многие правильные решения, принятые в Центре, не выполняются или искажаются при их применении на местах.

Сейчас в нашей стране появились предложения (в том числе руководящих работников и специалистов Министерства экономического развития) создать своего рода «цифровой Госплан». Эту идею важно развивать, нельзя терять время.

2. Большой эффект даст развертывание всех имеющихся рычагов и средств массовой информации в направлении анализа и поиска возможностей по развитию производства. От имени Президента, руководства страны важно призывать трудовые коллективы, предпринимателей, органы управления включиться в работу на всех участках и уровнях по неотложному поиску новых возможностей усиления экономического роста.

3. Управленческую работу целесообразно дополнить системой выявления и внедрения лучшего управленческого и трудового опыта. Все значительные достижения в управлении производством должны немедленно изучаться, обобщаться и насаждаться. На нынешнем этапе развития страны это крайне важно.

Определенная работа в этом направлении сейчас проводится Агентством стратегических инициатив,

но это лишь точечная, выборочная деятельность. Нужна система выявления и насаждения лучшей практики во всех отраслях народного хозяйства и в регионах.

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА

В нынешней ситуации тезис «управленческие кадры решают все» становится крайне актуальным. Здесь важными являются два момента.

Первое — это «выращивание» управленческих кадров. В советские времена в Центральном Комитете КПСС это была первейшая задача практически всех отделов ЦК. Их деятельность, да и результаты труда каждого сотрудника аппарата оценивались в первую очередь по наличию дееспособного резерва кадров.

Вырабатывались требования к каждому уровню управленческого звена: наличие производственного опыта, навыки управленческой деятельности, общая подготовка и т.п. При этом управленец «выращивался», и он знал об этом. Подобная работа трудная, но она сегодня необходима. И это задача, прежде всего, Администрации Президента. Проводимая сейчас деятельность по проведению конкурсов среди молодых управленцев — это часть большой и многоплановой работы.

Второе — это дисциплина управленческого труда и ответственность управленцев. Сложившееся положение в стране в этой сфере удручающее. Председатель Счетной палаты Т.А. Голикова пишет*: «Мы проверяли бюджет 2013 года... Программы не соответствуют стратегическим документам, большое число показателей не исполняется, программные показатели подгоняются под фактические... Никто не отслеживает решение проблемы в комплексе, не имеет контрольных полномочий». Назрела необходимость создать четкую систему подготовки кадров управления, их выдвижения и переподготовки.

ДРУГИЕ ПОЛЕЗНЫЕ ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ИЗ ОПЫТА СОВЕТСКИХ РЕФОРМ

На наш взгляд, необходимо использовать накопленный в советские времена опыт глубокого и действенного контроля за ходом общественного развития. Прежде всего — это общественный контроль. Многое из накопленного опыта потеряно. Не надо буквально переносить на современную ситуацию формы партийного влияния, хотя поиски в этом направлении должны идти. Но методы народного

* Газета «Ведомости». 18.06.2014.

контроля, которые были очень эффективными, надо изучать и применять.

Другая форма — ведомственный контроль. Каждое крупное ведомство, особенно государственное, должно иметь свое внутреннее контрольное подразделение. Оно служит наведению порядка.

Требуют серьезного улучшения и такие формы контроля, как финансовый, банковский, а также вся правовая система. Крайне важно восстановить практику профессионального обсуждения стратегических задач развития крупных народнохозяйственных комплексов силами авторитетных руководителей смежных отраслей и производств.

Но есть еще одна область — аналитическая деятельность для высших эшелонов власти. В 60–70-е и начале 80-х гг. в стране успешно работали комплексные аналитические группы, созданные по согласованному решению руководителей государства. Как правило, это делалось при подготовке серьезных государственных решений. В них включались самые высококвалифицированные специалисты разных направлений. В зависимости от поставленной задачи группы проводили «мозговую атаку», как правило, за городом на одной из государственных дач и готовили соответствующие предложения. Такой анализ необходим и сегодня для оценки ситуации и недопущения ошибок при принятии крупных решений.

Важно создать механизм решения неотложных вопросов по стратегическим направлениям развития экономики и ее ведущих звеньев. В сложившихся условиях в стране первоочередной задачей для обеспечения экономического роста является определение стратегии развития экономики в целом по народному хозяйству и по отдельным отраслям и производствам. Имеющиеся сейчас прогнозы крайне слабы, не системны, часто корректируются.

В ряде принятых решений очень своевременно и правильно определены общие направления предстоящей работы. Но для их выполнения нужна четкая организация всей работы, определение ответственных органов, расстановка сил и действенный контроль.

Первейшая задача — разработать и ввести систему определения прогнозов, содержания стратегических разработок, государственных программ и планов. Должны быть конкретно определены цели, ресурсы, источники поступления средств и ответственные за достижение поставленных целей.

Необходимо также в кратчайшие сроки четко определить ведущие звенья, обеспечивающие

ускорение экономического роста. Для построения эффективной системы стратегии надо знать, какие звенья в отраслях народного хозяйства необходимо развивать в первую очередь, имея в виду, что они «потянут» другие производства. Такие ориентиры должны быть определены и по регионам.

Эти плановые расчеты должны осуществляться при координирующей роли Комиссии по развитию. К этому процессу надо подключить самих лучших специалистов, владеющих основами организации управления экономикой, а также ведущих специалистов отраслей. Одной из основных задач Комиссии должно стать определение важнейших инвестиционных проектов и четкое отслеживание процесса их реализации. Для этого необходимо, чтобы «за один стол» сели представители производственных отраслей, руководители финансового блока, Министерства экономического развития и Центрального банка. Только при таком межведомственном согласованном подходе можно успешно решить эти сложнейшие вопросы.

НОВЫЕ СТИМУЛЫ РОСТА

Опираясь на опыт предшествующих реформ, сегодня крайне важно разработать и применить на всех уровнях хозяйствования систему стимулирования труда, при которой результаты успешной деятельности будут вознаграждены. Надо вселить уверенность в каждого участника общественного производства. Этому особенно должна способствовать поддержка местных органов власти. Необходимо, не теряя времени, создавать группы специалистов по этим вопросам и готовить конкретные, понятные людям законопроекты, включать новые рычаги и стимулы [7].

Это очень важно, потому что в современной России, по существу, нет серьезных стабильных стимулов роста. Связано это с тем, что в нынешних условиях в связи с ликвидацией системы директивного планирования отсутствует стимулирующая роль плана. Однако при этом не возникла новая система стимулов, создаваемая **конкуренцией**. Именно конкуренция является мощным двигателем прогресса, поэтому ее внедрение является первоочередной задачей.

Для решения этой проблемы нужна жесткая государственная политика. По меткому выражению одного японского экономиста, успехи Японии в развитии экономики в послевоенные годы вызваны, в том числе, и тем, что в стране применялась антимонопольная политика в режиме «чрезвычайной силы».

В нашей стране принимаемые меры по развитию конкуренции носят важный, но не системный характер. Сегодня важно сосредоточить усилия на следующих вопросах.

Во-первых, надо использовать принцип состязательности при разработке стратегических и тактических задач, ввести конкурсный отбор лучших вариантов развития.

Во-вторых, необходимо создать систему курсов и соревнований при оценке деятельности регионов.

В-третьих, особое значение имеет расширение межотраслевой и внутриотраслевой конкуренции, создание сети конкурирующих предприятий.

РАЗВИТИЕ КРЕДИТОВАНИЯ – ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА

В современных условиях развития экономики крайне важно определить роль и экономические границы различных источников ресурсов, обеспечивающих устойчивый рост. Этот вопрос в условиях Косыгинской и других реформ решался в основном в плановом порядке. Стабильность финансовых ресурсов, как правило, гарантировалась, и этим обеспечивалось выполнение плановых заданий. Сегодня картина другая — рыночные условия во

многом формируют наличие средств для развития. При этом резко возрастает роль кредита, особенно в российских условиях.

В то же время сейчас в России доля кредитов как источника для роста ВВП ниже, чем во многих странах мира, более чем в 2 раза. Это сдерживает стимулы роста производства. Цена кредита остается высокой и не соответствует требованиям по развитию производства. Увеличивается разрыв между величиной рентабельности в бизнесе и стоимостью банковского кредита (процентов за кредит): за последние три года эта разница увеличилась с 1 до 5–6 п.п. В результате использование кредитов для заемщиков многих отраслей стало невыгодным.

Сдерживает кредитование также неопределенность перспектив развития предприятий. Поэтому важнейшим требованием должна быть тесная увязка деятельности составителей программ по развитию производства с разработчиками гарантий и стимулов. А это, в свою очередь, может быть обеспечено при том же названном выше условии: если авторы программ «сядут за один стол» с представителями Министерства финансов, Центрального банка и др.

И, как уже говорилось выше, такая совместная, слаженная работа может быть реализована в рамках деятельности Комиссии по развитию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.): монография / коллектив авторов; под науч. ред. Р.М. Ну-реева. М.: КНОРУС, 2017. С. 1.
2. Валовой Д. О чем не думают экономисты. М.: Алгоритм, 2017. С. 1.
3. Яременко Ю.В. Об Экономике. М.: Макс Пресс, 2015. С. 3.
4. Милуков А.И. Поощрительные фонды на предприятии. М.: Экономика, 1974. С. 5.
5. Экономическая реформа: поиск решений: материалы Всесоюз. науч.— практ. конф. по проблемам радик. экон. реформы, 13–15 нояб. 1989 г. М.: Политиздат, 1990. С. 6.
6. Милуков А.И. Разговор с банкиром. М.: Bankir. Ru., 2015. С. 14.
7. Аганбегян А.Г. Финансы, бюджет и банки в новой России. М.: Издательский дом «Дело», 2018. С. 19.

REFERENCES

1. Missed chance or last valve? (to the 50th anniversary of the Kosygin reforms of 1965): a monograph / collective of authors; under the scientific / ed. R.M. Nu-Reyev. Moscow: KNORUS, 2017. P. 1. (In Russ.).
2. Valovoy D. What economists do not think about. Moscow: Algorithm, 2017. P. 1. (In Russ.).
3. Yaremenko Yu.V. On the Economy. Moscow: Max Press, 2015. P. 3. (In Russ.).
4. Milyukov A.I. Incentive funds in the enterprise. Moscow: Economics, 1974. P. 5. (In Russ.).
5. Economic reform: the search for solutions: materials All-Union. scientific-practical. Conf. on the problems of radic. econ. reforms, on November 13–15. 1989. Moscow: Politizdat, 1990. P. 6. (In Russ.).
6. Milyukov A.I. Conversation with the banker. Moscow: Bankir. Ru., 2015. P. 14. (In Russ.).
7. Aganbegyan A.G. Finance, budget and banks in the new Russia. Moscow: Publishing house “Delo”, 2018. P. 19. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-25-30

УДК 321.74+364.013

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ЛЕВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В РОССИИ: ОТ РЕВОЛЮЦИИ И СОВЕТСКОГО ПАТЕРНАЛИЗМА К СОВРЕМЕННОСТИ

Сересова Ульяна Игоревна,

канд. полит. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, ГБОУ ВО МО «Академия социального управления», Москва, Россия

seresova_ui@asou-mo.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние социалистической идеологии на содержание социальной политики в СССР и постсоветской России. Основные реформы в социальной сфере проанализированы в свете концепции социального государства и политической экономии. Многочисленные исследования социальных государств в Европе показывают, что преобладание левых партий во власти приводит к повышению бюджетных расходов на социальную сферу и разворачиванию социальных программ. Вопреки этому, доля социальных расходов в СССР, в котором социалистическая идеология была официальной, находилась на уровне либеральных социальных государств. Специфика «авторитарного социального государства» в СССР была связана с патернализмом, учетом политической лояльности и государственной монополией в социальной сфере. В постсоветской России наследие патерналистского подхода смешивается с либеральными реформами, однако реализация трансформирующегося идеологического «контракта» между оказывающим социальные услуги государством и демонстрирующими лояльность ему гражданами в условиях авторитарного политического режима в целом продолжается.

Ключевые слова: социальная политика; политическая идеология; социальное государство; социал-демократия; социализм

SOCIAL POLICY AND LEFT POLITICAL IDEOLOGY IN RUSSIA: FROM REVOLUTION AND SOVIET PATERNALISM TO CONTEMPORARY SOCIETY

Seresova U.I.,

Candidate of Political Sciences, Assistant Professor,

Department of social sciences and humanities,

Academy of Public Administration,

Moscow, Russia

seresova_ui@asou-mo.ru

Abstract. The influence of socialist ideology on the essence of social policy in the USSR & Post-Soviet Russia is described. The main reforms in the social sphere are analyzed from the viewpoint of political economy & welfare state concepts. The studies of European welfare states show that wide presence of left parties in parliaments & governments cause the increase of budget social expenses & the establishment of social programs. However, in spite of the fact that socialist ideology was official in the USSR, the percentage of social expenses was similar to liberal welfare states. The paternalistic approach, demand of loyalty to the official regime & state monopoly on social programs were characteristic of Soviet 'authoritarian welfare state'. That paternalistic ideology was mixed with some liberal reforms in Post-Soviet Russia, however the transforming ideological 'contract' between the people & the authorities with the symbolic change of social services provided by the state to the political loyalty of the citizens remain present.

Keywords: social policy; political ideology; welfare state; social democracy; socialism

Работа посвящена влиянию левой политической идеологии на социальную политику в России в советский и постсоветский период. Теоретической рамкой исследования послужили концепция социального государства и политико-экономическое направление анализа расходов на социальную сферу, сложившиеся в западной политологии во второй половине XX — начале XXI в. Эти теоретические подходы, разработанные на эмпирическом материале западных капиталистических государств, свидетельствуют о влиянии ценностей, характерных для идеологических течений левого спектра, на формирование социально-политического курса. Поскольку в СССР на уровне государства была официально закреплена социалистическая идеология, можно считать, что идеология была значимым фактором в формировании советской модели социальной политики. Ответу на вопрос, как социалистическая идеология повлияла на систему социальной политики в СССР, и посвящена работа. Особое внимание уделяется радикальной большевистской идеологии как фактору, определившему политический курс в области социальной политики Советской России после Октябрьской революции. Также в работе рассмотрены основные реформы социальной сферы после распада СССР и обозначено влияние советского наследия на современное состояние социальной политики.

ЛЕВАЯ ИДЕОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Говоря о влиянии идеологии на социальную политику, исследователи публичной политики указывают на важность социалистической или социал-демократической идеологии в процессе формирования моделей социального государства [1]. Так, например, на основе социал-демократии формируется северо-европейская модель социального государства [2]. Известная концепция Г. Эспинг-Андерсена предполагает три режима социального государства, названные по типам доминирующих политических идеологий (неолиберальный, социал-демократический, консервативно-корпоративный), хотя в ее основе лежит не

идеология, а сочетание факторов государственного управления (декоммодификация и вмешательство государства в рынок и общество) и масштабов социальной стратификации [3]. Социал-демократический режим социального государства, по Эспинг-Андерсену, распространен в Швеции, Дании, Норвегии, что соответствует североевропейской модели социального государства. Политической базой реализации социальной политики в рамках этой модели становятся социал-демократические рабочие партии и профсоюзные организации. Важным элементом становится и «сотрудничество между трудом и капиталом в форме социального диалога при активном государственном регулировании... и выполнении им роли посредников в переговорах...» [2]. С точки зрения организации социальной политики важно отметить высокий уровень декоммодификации, низкие показатели социальной стратификации, вмешательство государства в рынок и общество через финансирование обширных социальных программ для различных категорий населения. Идеи социал-демократии обуславливают в практике социальной политики не минимальные социальные гарантии для всех граждан, а равенство всех в получении социальных услуг высокого уровня: «Необходимо поднять уровень доходов и качество услуг до уровня, соизмеримого со стандартами нового среднего класса, ...рабочим слоям должно быть гарантировано такое же качество соблюдения прав, как и у более высоких слоев общества» [1].

В рамках политико-экономического подхода к изучению социальной политики рассматривается вопрос о влиянии правых и левых партий на содержание социально-политического курса и масштабы государственных социальных расходов [4, с. 571–575]. Общий тезис различных эмпирических исследований, основанных на статистическом анализе, сводится к тому, что «мобилизация рабочего класса посредством левых партий способствует ускорению процесса развития государства всеобщего благоденствия» [4, с. 573]. Работы, выполненные в рамках политико-экономического подхода, показывают, что, чем больше представителей левых партий в правительстве и парламенте, тем больше расходов на социальную сферу из государственного бюджета. Д. Брэйди, анализируя 30-летний опыт западных демократий

(1967–1997 гг.), пришел к выводу, что доминирование левых в парламенте и правительстве приводит к снижению уровня бедности и безработицы и связанных с ними эффектов [5]. Б. Киттел и Г. Обингер, рассматривая социальную политику в европейских государствах всеобщего благоденствия в 1980-е — 1990-е гг., в качестве значимых политических факторов, влияющих на государственные социальные расходы, называют политический курс левых и социал-христианских партий [6]. С. Борг и Ф. Кастлес, анализируя опыт 16 экономически развитых стран мира в период 1962–1972 гг., указывают на то, что доля мест и длительность нахождения в парламенте правых партий находятся в сильной отрицательной зависимости с долей бюджетных социальных расходов и показателями уровня жизни [7]. 1990-е — 2000-е гг. стали периодом сокращений государственных социальных программ во всех социальных государствах Европы и Америки, и появились свидетельства об уменьшении влияния фактора конфликта между левыми и правыми на социальную политику [8].

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИДЕИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Обратимся теперь к особенностям отечественной социальной политики. К моменту Октябрьской революции в России уже сложилась система государственного, общественного и частного призрения, направленная на помощь различным категориям населения. Радикальная смена политической системы в результате революции привела к значительным изменениям в социальной политике. Этап развития социальной политики в период 1917–1921 гг. называют «утопическим». В соответствии с идеологией большевизма в начале существования Советской власти государство опиралось на классовый подход — помощь рабочим, красноармейцам, их семьям, детям-сиротам. «Новое законодательство устанавливало основные виды социального обеспечения, на которые могло рассчитывать трудовое население: врачебная помощь, выдача пособий и пенсий (по старости, в связи с потерей трудоспособности, беременным и роженицам)» [9]. Фактически приоритет отдавался красноармейцам и семьям погибших на фронте: в 1920 г., например, 2/3 получавших пенсию были солдатами-красноармейцами и члена-

ми их семей, а 1/3 — рабочими и служащими [10]. Проводимая социальная политика, кроме прямого назначения — поддержки уязвимых слоев населения — выполняла также и сугубо политическую функцию — была направлена на «формирование нужной социальной структуры... и идентичности людей» [11, с. 7] и социальную эксклюзию бывших господствующих классов. К «лишенцам», не обладающим избирательными и социальными правами, относились лица, живущие на нетрудовые доходы, прибегающие к наемному труду, служители церквей, служащие бывшей полиции и другие.

Идеи большевизма, предполагавшие отмену частной собственности и пропаганду эгалитаризма, привели к тому, что все жилье в стране было национализировано. Жилой фонд перераспределялся в форме «уплотнения» квартир состоятельных граждан, в которые вселяли городскую бедноту.

Социалистическая идеология также радикально изменила содержание социальной политики в отношении женщин, семьи и детей. Она выражалась в пропаганде эмансипации, политического и экономического участия женщин, борьбе с бедностью и неграмотностью, формировании образа «трудящейся женщины-матери» [12]. Юридически этот политический курс выражался в узаконивании разводов, разрешении аборт, оплате отпуска по беременности и родам и по уходу за ребенком. При этом норма об оплате декретного отпуска в 1917 г. распространялась только на рабочих, и только с «принятием Конституции 1936 г. ... государственное страхование материнства распространилось на всех советских женщин» [10]. Таким образом, и семейная политика также была направлена на разделение общества и подкрепление ее классового характера.

Примечательно, что существовавшие в период Гражданской войны антибольшевистские правительства также проводили социальные и пенсионные выплаты, и они также становились маркером, обозначающим «своих» и «чужих»; только представления о «своих» и «чужих» были зеркально перевернуты [13].

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: АВТОРИТАРНОЕ «СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»

В советской модели социальной политики, закрепившейся после Великой Отечественной

войны, социалистическая идеология выражалась, прежде всего, в патернализме, декларировании подчеркнута скромных потребностей, государственной монополии в социальной сфере, четком контроле доходов населения со стороны государства [14, с. 7–22]. Как следствие, население было уверено в том, что «все социальные проблемы обязано решать государство (во многих случаях, особенно у старших поколений, такого рода патернализм сочетался с ударной работой и политической благонадежностью)» [14, с. 7].

Примечательно, что при декларировании целей повышения народного благосостояния расходы на социальную политику в СССР были довольно низкими — около 14% [15], что сопоставимо с либеральными социальными государствами. Обусловлено это было приоритетом развития оборонной промышленности и других направлений индустрии. Ядро всей системы социальной политики в СССР составляло социальное обеспечение, система которого отличалась широкой доступностью. Это пенсии и пособия по старости, временной нетрудоспособности, инвалидности, утере кормильца и др. для пожилых, инвалидов, детей-сирот; многочисленные льготы, охватывавшие так или иначе почти все население страны. Т. Ю. Сидорина полагает, что «в классификации Г. Эспинг-Андерсена систему социального обеспечения советского времени можно сопоставить с социально-демократическим режимом, который предполагает распространение социального страхования на всех граждан государства в равном объеме, независимо от нуждаемости и трудового вклада» [1, с. 350]. В. Н. Ярская также считает, что социальная политика позднего СССР «формально приближалась к социально-демократической модели» [16]. Однако качество доступных социальных услуг — медицинской помощи, жилья, образования — не было гарантированно высоким для всех. Факт принадлежности к номенклатуре обеспечивал «причастность к системе распределения благ» [11, с. 8]. «Антилиберальная направленность, иерархичность, статичность, смесь социалистических идей с консервативными элементами» [11, с. 13] — те идеологические характеристики, с которыми советская модель социальной политики подошла к своему концу. Строго говоря, опыт СССР нельзя называть социальным государством,

поскольку последнее, по определению, капиталистическое, рыночное, демократическое. Тем не менее за широкий набор социальных гарантий в условиях социалистической идеологии и авторитарного политического режима Н. Форрат называет советскую модель «авторитарным государством всеобщего благоденствия» [17].

ПОСТСОВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: МЕЖДУ СОЦИАЛИЗМОМ И ЛИБЕРАЛИЗМОМ

Крушение Советского Союза не привело к полному коллапсу системы социальной защиты, однако потребовались либеральные реформы. Это было связано с необходимостью рационализации социальных обязательств государства перед своими гражданами и более эффективным использованием ограниченных ресурсов в социальной сфере. В то же время, несмотря на дефицит бюджета и экономический кризис, государство не могло полностью отказаться от социальных обязательств в силу зависимости от прошлого — советского опыта социальной политики, инертности институтов социальной защиты и ориентации большинства граждан на помощь со стороны государства. Одна из первых реформ — становление системы обязательного медицинского страхования вместо госбюджетного финансирования (1991 г.); далее — формирование системы государственных учреждений социального обслуживания населения (1995 г.). Приобретает адресный характер социальная помощь (1999 г.), начинает действовать система профилактики безнадзорности (1999 г.).

Реформы начала 2000-х гг. также имеют ярко выраженный либеральный характер, они были нацелены на большую экономическую эффективность и передачу части полномочий от государства негосударственным акторам — введение накопительной пенсионной системы вместо перераспределительной (2001 г.), монетизация льгот (2005 г.), привлечение частных и благотворительных организаций к социальному обслуживанию (2013 г.). Новый вектор российской социальной политики со второй половины 2000-х гг. — приоритетные национальные проекты «Здоровье», «Образование», «Жилье» и «Сельское хозяйство»; программа материнского капитала, так называемые май-

ские указы 2012 г. о повышении заработной платы бюджетникам. Они, в противоположность общемировой тенденции, ярко продемонстрировали обратный тренд в российской социальной политике — в сторону расширения социальных программ государства.

Сейчас осуществляется трансформация идеологического «контракта» между государственным «аппаратом заботы» и человеком. Если в советское время осуществлялся обмен

государственного патернализма на самоотверженный труд и абсолютную политическую благонадежность, то сейчас — минимальных социальных гарантий на индивидуальную социальную ответственность граждан, консолидацию и общую лояльность власти. Реформы в области социальной политики в России представляют собой сплав элементов либеральной и социалистической идеологий, а также тенденций авторитарного политического режима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидорина Т. Ю. Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005. 442 с.
2. Антюшина Н. М. Сущность и перспективы североευропейской модели // Социальная Европа в XXI веке / под ред. М. В. Каргаловой. М.: Весь Мир, 2011. С. 299–320.
3. Esping-Andersen G. *The Tree Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity, 1990.
4. Хофферберт Р., Сингранелли Д. Л. Социальная политика и управление: сравнительный политический анализ // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна (науч. ред. рус. изд. Е. Б. Шестопал). М.: Вече, 1999. С. 571–575.
5. Brady D. *The Politics of Poverty: Left Political Institutions, the Welfare State and Poverty* // *Social Forces*, December 2003, vol. 82, no. 2. P. 557–588.
6. Kittel B., Obinger H. Political parties, institutions, and the dynamics of social expenditure in times of austerity // *Journal of European Public Policy*. 2003. February. No. 10. P. 20–45.
7. Borg S. G., Castles F. The Influence of the Political Right on Public Income Maintenance Expenditure and Equality // *Political Studies*. 1981. Vol. XXXIX. No. 4. P. 604–621.
8. Starke P. *The Politics of Welfare Retrenchment: a Literature Review* // *Social Policy and Administration*, February 2006. Vol. 40. No. 1. P. 104–120.
9. Фирсов М. В. История социальной работы в России: учеб. пособие. М.: ВЛАДОС, 1999. 256 с.
10. Лебина Н., Романов П., Ярская-Смирнова Е. Забота и контроль: социальная политика в советской действительности, 1917–1930-е годы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. С. 21–68.
11. Ярская-Смирнова Е., Романов П. Предисловие редакторов // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. С. 7–19.
12. Градскова Ю. Дискурс «социального материнства» и повседневные практики социальной работы в 1930–1950-е годы // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX век: Сб. науч. ст. / под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 298–313.
13. Рынков В. М. Индивидуальные социальные трансферты в Забайкалье и на Дальнем Востоке в 1920–1922 годы как элемент социальной политики и идеологии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2012. № 1. Т. 11. С. 78–83.
14. Гонтмахер Е. Социальная политика в России: эволюция 90-х и новый старт // *ProetContra*. 2001. Т. 6. № 3. С. 7–22.
15. Стребков А. И. Социальная политика: теория и практика. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000. С. 191.
16. Ярская В. Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 11–28.
17. Forrat N. *The Authoritarian Welfare State: a Marginalized Concept: Comparative Historical Social Science: Working Paper no. 12–005*. Chicago: Northwestern University, 2012.

REFERENCES

1. Sidorina T. Yu. Two centuries of social policy. Moscow: RGGU, 2005. 442 p. (In Russ.).
2. Antyushina N. M. The essence and perspectives of north European model // *Social Europe in XXI century* / Ed. M. V. Kargalova. Moscow: Ves' mir, 2011, pp. 299–320. (In Russ.).
3. Esping-Andersen G. *The Tree Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity, 1990.
4. Hofferbert R., Singranelli D. L. Public policy and administration: comparative policy analysis // *A new handbook of political science* / Ed. R. Goodin & H. D. Klingemann (Russian ed. E. B. Shectopal). Moscow: Veche, 1999, pp. 517–575. (In Russ.).
5. Brady D. The Politics of Poverty: Left Political Institutions, the Welfare State and Poverty. *Social Forces*, December 2003, vol. 82, no. 2, pp. 557–588.
6. Kittel B., Obinger H. Political parties, institutions, and the dynamics of social expenditure in times of austerity. *Journal of European Public Policy*. 2003, no. 10, February, pp. 20–45.
7. Borg S. G., Castles F. The Influence of the Political Right on Public Income Maintenance Expenditure and Equality. *Political Studies*, 1981, vol. XXXIX, no. 4, pp. 604–621.
8. Starke P. The Politics of Welfare Retrenchment: a Literature Review. *Social Policy and Administration*, 2006, vol. 40, no. 1, February, pp. 104–120.
9. Firsov M. V. History of social work in Russia. Moscow: VLADOS, 1999. 256 p. (In Russ.).
10. Lebina N., Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. Care and control: social policy in Soviet Russia, 1917–1930 // *Soviet social policy in 1920–1930: ideology and everyday life* / Ed. P. Romanov, E. Iarskaia-Smirnova. Moscow: Variant, CSPGI, 2007, pp. 21–68. (In Russ.).
11. Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. Editorial // *Soviet social policy in 1920–1930: ideology and everyday life* / Ed. P. Romanov, E. Iarskaia-Smirnova. Moscow: Variant, CSPGI, 2007, pp. 7–19. (In Russ.).
12. Gradszkova Ju. “Social maternity” discourse in everyday practices of social work in 1930–1950 // *Need and order: history of social work in Russia, XX century* / Ed. P. Romanov, E. Iarskaia-Smirnova. Saratov: Nauchnaja kniga: Centr social'noj politiki i gendernyh issledovanij, 2005, pp. 298–313. (In Russ.).
13. Rynkov V. M. Individual social transfers in Zabaikal'e and in the Far East in 1920–1922 as an element of social policy and ideology. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: istorija, filologija = The Bulletin of Novosibirsk State University. Series: history, philology*, 2012, vol. 11, no. 1, pp. 78–83. (In Russ.).
14. Gontmaher E. Social policy in Russia: evolution in 1990 and new start. *Pro et Contra*, 2001, vol. 6, no. 3, pp. 7–22. (In Russ.).
15. Strebkov A. I. Social policy: theory and practice. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshhestva, 2000, p. 191. (In Russ.).
16. Iarskaia V. N. Social policy, welfare state and social management: issues of analysis [Social'naja politika, social'noe gosudarstvo i social'nyj menedzhment: problemy analiza]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki = The Journal of social policy studies*, 2003, no. 1, pp. 11–28. (In Russ.).
17. Forrat N. *The Authoritarian Welfare State: a Marginalized Concept: Comparative Historical Social Science: Working Paper no. 12–005*. Chicago: Northwestern University, 2012.

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-31-36

УДК 323.272:327.8

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ЭЛИТЫ КАК КАПИТАЛ РЕВОЛЮЦИИ

Бойко Сергей Иванович,

канд. полит. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
bsi1952@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные причины политической амбивалентности национальной элиты и влияние политического поведения элиты, в первую очередь высших должностных лиц государственного управления, на динамическую устойчивость политического режима. Обоснована необходимость воспитания руководителей, национальной политической элиты. Исчез идеологический биполярный мир. Проект реализации теории конвергенции и равноправного встраивания постсоветской России в однополярный мир заканчивается без видимых успехов. Начинается проектирование многополярного мироустройства. У значительной части постсоветской российской элиты сложилось амбивалентное восприятие институтов государства и соответствующие форматы поведения. Объектом изучения, влияния, мотивации является потенциал элиты, которой принадлежит решающая роль в смене кадрового состава государственного управления (основная цель любой революции). Показано, что ориентация национальной элиты является целью геоэкономической и геополитической конкуренции в современном противоборстве за трансформацию международных отношений на справедливых принципах многополярного мира путем эволюционным, а не революционным.

Ключевые слова: политическая амбивалентность; элита; революция; геоэкономическая конкуренция; многополярный мир

POLITICAL AMBIVALENCE OF THE ELITE AS THE CAPITAL OF REVOLUTION

Boyko S.I.,

PhD in Political Sciences, lecturer of Department of Theoretical and Applied Political Sciences of Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
bsi1952@yandex.ru

Abstract. The article deals with the main reasons for the political ambivalence of the national elite and the influence of the political behavior of the elite, primarily the top officials of public administration, on the dynamic stability of the political regime. The necessity of educating leaders, the national political elite is grounded. The ideological bipolar world has disappeared. The project of implementation of the theory of convergence and equitable integration of post-Soviet Russia into a unipolar world ends without visible success. The design of a multipolar world order is beginning. A significant part of the post-Soviet Russian elite has developed an ambivalent perception of State institutions and corresponding formats of behavior. The object of study, influence, motivation is the potential of the elite, which plays a decisive role in changing the staff of public administration (the main goal of any revolution). It is shown that the orientation of the national elite is the goal of geo-economic and geopolitical competition in the modern confrontation for the transformation of international relations on the just principles of a multipolar world through evolutionary rather than revolutionary.

Keywords: political ambivalence; elite; revolution; geo-economic competition; multipolar world

Главное в политической амбивалентности в контексте темы исследования — внутренняя двойственность и противоречивость политического объекта (обусловленная противоположными составляющими его внутренней структуры, что, вообще говоря, следует считать типичным и нормальным для любого политического объекта или процесса), а двойственность переживания, неоднозначность мнений о происходящем (событии, объекте, процессе) заинтересованных современников — участников и наблюдателей. Неоднозначность, амбивалентность предопределена обычно разноплановыми и просто субъективными экспертными оценками. Рассматриваемый политический или государственный объект или процесс вызывают у человека, гражданина одновременно противоположные чувства: признание и неприязнь, лояльность и неприятие, согласие и протест и т. д. — в зависимости от воспитания и образования, социальной среды и самоидентификации, положения в социальной иерархии конкретного индивида. Причем одно из чувств, мнений или действий зачастую намеренно маскируется другим. Например, при социологических опросах избирателей, при получении должностей государственной службы и т. п., а также в целях получения личной выгоды в конкретных ситуациях.

В условиях демократического режима первостепенную значимость приобретает политическая амбивалентность высших должностных лиц государственного управления и представителей высших структур различных социальных групп общества — политической, финансово-экономической, научной, военной и культурной элит. Демократия как политический режим не может не быть управляемой по совершенно очевидной причине: наличие выделенного из общества профессионально подготовленного аппарата управления, государственных служащих — неотъемлемый признак государства как политического института.

Аппарат государственного управления во всех политических режимах, но разными инструментами и методами, организует совместное проживание сообществ людей на определенной территории. Это достаточно устойчивая социальная группа лиц — государственных служащих разных функционалов — выделена

из общества, она осуществляет на практике государственную власть и состоит из обученных и воспитанных профессионалов. Профессионально и нравственно подготовленные кадры обеспечивают преемственность и устойчивое функционирование институтов государства. Х. Ортега-и-Гассет сформулировал концепцию «лучших для нации» и утверждал, что цель и смысл совместного существования нации, идею государства формулирует не масса, но меньшинство, лучшие мыслители, политики, управленцы. «Государство, каким бы оно ни было — первобытным, античным, средневековым или современным, — это всегда приглашение группой людей других людских сообществ для совместного осуществления какого-то замысла. Замысел, каковы бы ни были его частности, в конечном счете заключается в организации нового типа общественной жизни. Государство и программа жизни, программа человеческой деятельности и поведения, — понятия неразделимые» [1]. В российской политической науке необходимости общенациональной консолидирующей программы управляемого демократического развития государства уделяется достаточно внимания. Например, профессор А. Б. Шатилов представил обоснование того, что «в начале 2000-х гг. новый глава государства предпринял попытки выработать пусть и временную, но объединяющую идею. Было поручено подобрать гибкую идеологическую схему, способную консолидировать общество и, что самое главное, — новую и старую элиту. Концептуально была избрана известная триада Ф. Гегеля „тезис-антитезис-синтез“. В качестве тезиса рассматривалась прежняя, советская идеология, которая после демократической революции 1991–1993 гг. была вытеснена антитезисом либерализма. Соответственно, компиляция двух идеологических проектов — советского и постсоветского (ельцинского) — была призвана преодолеть перегибы разных эпох и настроить граждан на строительство новой, политически компромиссной России» [2]. Кандидат в президенты РФ В. В. Путин в программном замысле в начале 2012 г. представил избирателям концепцию, в политической науке получившую название «национализация элит».

Председатель правительства Испании в 1990–2004 гг. Х. М. Аснар вспоминал: «В России в девяностые годы не было государства

в собственном смысле этого слова, и Путин столкнулся с задачей вернуться к строительству государства сверху вниз... Россия — страна, привыкшая к сильной центральной власти, и был открыт новый этап, когда не было известно, согласятся ли имеющие экономическую власть, многие из которых получили ее при прошлом режиме, подчиниться только что избранному президенту, пришедшему с новыми идеями... Россия должна была найти новый путь, новый смысл своей истории» [3].

Дж. Сартори, анализируя теории демократических режимов, приходит к аргументированному выводу, что соперничество на выборах не обеспечивает качества результатов, а ценность конечного результата зависит от качества руководства, что невозможно свободное от руководства общество, а «...наше нынешнее принижение элит или опасения перед ними представляют собой анахронизм, который не дает увидеть стоящие перед нами проблемы и грозящие опасности. Чем больше мы теряем из виду демократию как систему управления, тем больше осложняются наши затруднения и тем неотступнее они нас одолевают» [4].

В современной российской социально-политической действительности много фактов и примеров, порождающих амбивалентное отношение части российской элиты и политически активных граждан к государственным и политическим институтам и представителям политического истеблишмента. Результаты последних выборов в муниципальные органы власти Москвы в сентябре 2017 г., где второе место (более 17%) получили кандидаты политической партии «Яблоко» (партии, открыто не признавшей воссоединение Крыма с Россией), достаточно красноречивы.

Анализируя роль политической элиты в государственном управлении, следует упомянуть, что многие признанные авторитеты политической науки и известные государственные деятели неоднозначно и часто негативно оценивают роль «демократического большинства», граждан, в работе политических партий и в государственном управлении. Научные выводы российского политического философа М. Я. Острогорского, одного из создателей теории о взаимоотношениях политических партий, гражданского общества и институтов государства, о внутренних механизмах функционирования политических партий

и их влиянии на избирателей в демократической политической системе подтвердились на примере последних выборов президента США. Последовавшие после выборов турбулентные события в государственном управлении США показали актуальность сформулированной М. Я. Острогорским теории кокуса. Современные политические процессы в США подтверждают теорию кокуса: «Политическая функция масс в демократии не заключается в том, чтобы ею управлять; они, вероятно, никогда не будут на это способны. Если даже облечь их всеми правами народной инициативы, непосредственного законодательства и непосредственного управления, фактически управлять будет всегда небольшое меньшинство, при демократии так же, как и при самодержавии» [5].

В постсоветский период в России политическая элита прошла по крайней мере две точки политической бифуркации как внутри себя, так и в отношении векторов социально-политического и экономического развития государства. Сначала в первые постсоветские годы, получив поддержку большинства граждан, когда первенствовала концепция проектирования и строительства государства с политическим демократическим режимом, тождественным западным (европейской и англосаксонской) моделям демократии, являющимся примером успешного устойчивого продолжительного развития. На первом этапе для постсоветской элиты Запад стал эталоном успеха: в странах Запада организовывали бизнес, хранили денежные средства, учили детей, покупали недвижимость, отдыхали. Вторая — примерно после речи В. В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в 2007 г. К тому времени выяснилось, что Россия — не идеологический противник, а экономический и политический конкурент в объективном соперничестве за ресурсы планеты, необходимые для устойчивого развития национальных государств и комфортной жизни своих граждан. Тогда не поверили, что «Россия заявила о себе, как о стране, окончательно вышедшей из фарватера американской политики, стране независимой, собирающей под свое крыло всех тех, кто недоволен современным международным курсом Америки» [6]. Понадобилось «принуждение к миру» Грузии в 2008 г., события в Крыму и на Украине в 2014 г., демонстрация политической воли

и военного потенциала в Сирии. Давление со стороны США нарастало вплоть до санкций за итоги избирательной кампании Д. Трампа.

На Западе открыто заговорили об экономических войнах. Конфигурация экономических коалиций, политических и военно-политических блоков будет меняться, и не по идеологическим мотивам, а по причинам явного противодействия глобального политического истеблишмента многополярному мироустройству, которое пока не получило сколько-нибудь детерминированный проект или даже политический абрис.

Упорное отстаивание парадигмы однополярного мира, эмоциональность и нежелание объективно пересмотреть условия конкурентного сосуществования с постсоветской Россией — причины политических и экономических санкций США, втягивающих современную систему международных отношений в продолжительный период турбулентности и пертурбаций геоэкономического и геосоциального пространства. Попытки ограничения российского суверенитета угрозами снижения участия в международном разделении труда, срыва программ устойчивого экономического развития — свидетельство низкого уровня анализа и выводов о российской политической культуре и традициях. Подавляющая часть российской политической элиты отказалась от ориентации на западные модели развития при проектировании своего будущего и будущего российского государства.

В настоящее время почти забылось вызвавшее в свое время некоторое удивление утверждение А.А. Сахарова: «Именно КГБ оказался благодаря своей элитарности почти единственной силой, не затронутой коррупцией и поэтому противостоящей мафии» [7]. Хотя сейчас есть множество примеров коррупции в силовых и правоохранительных структурах, не оставшихся в стороне от процессов коммерциализации постсоветских общественных отношений, но, отчасти поэтому кадровые профессионалы специальных служб составляют существенную часть политической элиты и государственных управленцев современной России.

Попытки реализации теории конвергенции и встраивания постсоветской России в однополярную мировую политическую систему по американскому образцу будут продолжаться, однако успех их сомнителен. Был идеологи-

чески биполярный мир с так называемым третьим миром и соответствующими зонами социально-политической ориентации, сейчас заканчивается попытка строительства однополярного мира и начинается противоборство за проектирование основ формирования мира многополярного.

Следует признать, что у политиков США и западных проамериканских политиков есть существенные основания полагать, что Россия согласится «дружить» с позиций силы. Госсекретарь США Р. Тиллерсон неоднократно высказывал мысль, что если сделать России «больно» в экономическом и политическом отношении, то государственная и политическая элита России вновь согласится с однополярным доминированием, тем более что мировая финансовая система подконтрольна США. Множество бывших представителей российского истеблишмента и их потомков проживают в США и Западной Европе. Именно это и придает определенную «политическую наглость» функционерам политического и государственного менеджмента США. Политической элите США до сих пор кажется, что в Северной Америке построено эталонное государство, модель политического режима для остальной части человечества.

В США законодательно расширен список лиц, подвергающихся санкциям. Минфин США и спецслужбы обязаны информировать об экономической и финансовой деятельности, указывать источники и размеры доходов представителей и членов семей российского истеблишмента, близкого к Президенту РФ В.В. Путину и Администрации президента России. Чтобы использовать элиту в качестве капитала (потенциала, инициатора) революции и смены кадрового состава государственного управления Российской Федерации, провоцируется недовольство, политическая амбивалентность, «шатания и раскол» среди представителей российской элиты. О вероятности такого сценария внешне лояльно и индифферентно сообщала оппозиционная «Новая газета» [8].

Между тем, не прекращаются попытки перенести модель «цветных» революций на территорию России, влияя на российскую элиту и используя недовольство экономическим положением различных социальных групп, в первую очередь среди молодых профессионалов и студенчества. Проблема экономической эми-

рации не решена и представляет серьезную угрозу для экономического развития России.

Процесс смены политических элит не должен быть революционным. Национальные элиты вне зависимости от отраслевой принадлежности (бизнес, культура, наука, политика) должны быть настроены прогосударственно и патриотически. Амбивалентное отношение национальной элиты к государственным институтам — это политический потенциал революционных турбулентных опасностей для Российской Федерации.

Все государства в мире занимаются воспитанием национальной элиты, не только профессиональным, но и политическим, и идеологическим. Государственным служащим, отвечающим за кадровую политику в структурах государственного управления, следует перенимать зарубежный опыт при подготовке профессионалов государственного и муниципального управления в высшей школе.

Известен пример профессиональной подготовки будущего короля Испании Х. Карлоса как процесс воспитания руководителя национальной элиты, руководителя «лучших» и, соответственно, других социальных групп населения страны. Последовательное обучение в военных училищах, в университете, работа в министерстве позволили королю получить признание народных масс, а также политической, экономической и военной элиты Испании. Поэтому во время военного антиправительственного путча в 1981 г. король в мундире главнокомандующего публично выступил по телевидению, защищая единство государства и демократический политический режим, призывал к сохранению конституционного порядка и политической стабильности [9]. Политическая амбивалентность некоторых представителей военного и политического руководства Испании не была реализована как капитал контрреволюции.

В современной России среди практиков государственного управления не составит труда найти согласных с выводом Х. Ортега-и-Гассе-

та: «„Величие“, по которому мы бессознательно тоскуем, является не способностями или качествами личностей, а состоит из признаков, которыми народ, масса наделяет „избранных“... Значит, их „величие“ заключалось не в них, а в общественном мнении... Массы в них верили, превозносили их до небес, и могучая вера придала чёткие грани и внушительный облик их порядочной заурядности» [1].

В демократическом и многопартийном политическом режиме альтернативные и дискуссионные векторы развития имеются всегда. Но субъекты политики, национальная политическая элита не имеет права не понимать и не учитывать реальных и определяющих факторов тех или иных политических действий, быть не в состоянии соответствовать запросам общества в формулировании задач, поиске адекватных механизмов достижения целей устойчивого социально-экономического развития. Иначе возникает парадигма потенциала революции, резкого слома, разрушения государственного управления и институтов государства как эмоциональное отражение несоответствия политической элиты уровню компетенций, необходимых и достаточных для обеспечения организации комфортной и устойчивой эволюции социума в конкурентной среде современного мира.

В России идет эволюционный процесс возрастной смены национальной элиты. Естественным путем к руководству отраслями экономики в государственное управление приходит следующее поколение граждан, не имеющее опыта сознательной жизни в Советском Союзе. Второе поколение постсоветской элиты в условиях открытой геополитической и геоэкономической конкуренции должно быть способным преодолевать амбивалентное отношение к институтам государства, ставить национальные интересы выше личных, быть способным обеспечить выработку политической стратегической концепции устойчивого эволюционного постлиберального демократического социально-экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: сб.: пер. с исп. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 509 с.
2. Шатилов А. Б. Формирование концепта государственного патриотизма в России в период 2000–2017 гг.: Основные этапы и базовые идеологемы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 3 (27). С. 18–23.
3. Aznar X. M. Retratos y perfiles. De Fraga a Bush. Barcelona: Editorial Planeta, S.A., 2005.

4. Сартори Дж. Вертикальная демократия // Полис. 1993. № 2. С. 80–89.
5. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 645–646.
6. Злобин Н. В., Соловьев В. Противостояние: Россия — США. М.: Эксмо, 2009.
7. Сахаров А. А. Неизбежность перестройки / Иного не дано: Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему / под. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988. С. 122–134.
8. Панов А. Российская элита под законодательным колпаком // Новая газета. 26.07.2017. URL: www.novayagazeta.ru/articles/2017/07/26/73248 (дата обращения: 19.09.2017).
9. Prieto J. Golpe de Estado. Memorias de la Transición. Madrid: El País, 1995. P. 325.

REFERENCES

1. Ortega y Gasset J. La rebelión de las masas. Moscow: AST, 2001. (In Russ.).
2. Shatilov A. B. Formation of the concept of state patriotism in Russia in the period 2000–2017: Basic stages and basic ideologies. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities. Bulletin of the Financial University*, 2017, vol. 7, no. 3 (27), pp. 18–23. (In Russ.).
3. Aznar X. M. Retratos y perfiles. De Fraga a Bush. Barcelona: Editorial Planeta, S.A., 2005.
4. Sartori G. Vertical Democracy. *Polis = Polis*, 1993, no. 2, pp. 80–89. (In Russ.).
5. Ostrogorsky M. Ya. Democracy and political parties. Moscow: The Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2010. (In Russ.).
6. Zlobin N. V. Confrontation: Russia — USA. Moscow: Eksmo, 2009. (In Russ.).
7. Sakharov A. A. The inevitability of perestroika / No other is given: Destiny of perestroika. Looking into the past. Return to the future / Ed. Yu. N. Afanasyev. Moscow: Progress, 1988, pp. 122–134. (In Russ.).
8. Panov A. The Russian elite under the legislative hood. *Novaya Gazeta*. July 26, 2017. URL: www.novayagazeta.ru/articles/2017/07/26/73248 (accessed 19.09.2017). (In Russ.).
9. Prieto J. Golpe de Estado. Memorias de la Transición. Madrid: El País, 1995. P. 325.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Настоящий сборник содержит доклады участников научной конференции «„Экспорт демократии” и сетевые технологии в современном социально-политическом процессе», которая состоялась 18 мая 2017 г. в РГГУ. Среди авторов – ведущие специалисты-историки, политологи, социологи, общественные деятели из России, Франции, Великобритании, Испании, Израиля, Сербии, Беларуси, Украины, Молдовы, Армении, Азербайджана. В центре внимания авторов – проблемы, связанные с распространением цветных революций, мобилизационные возможности социальных сетей, электронных СМИ, а также другие актуальные вопросы практики «экспорта демократии» в рамках современных методов и технологий социальной коммуникации, ставших реалиями XXI столетия. Издание адресовано студентам, преподавателям, а также широкому кругу читателей.

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-37-50

УДК 316.334;304.3

ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ КАЧЕСТВА ОКАЗЫВАЕМОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СТРАНЫ*

Зубец Алексей Николаевич,

д-р экон. наук, доцент, проректор по стратегическому развитию и практико-ориентированному образованию, Финансовый университет, Москва, Россия

ANZubets@fa.ru

Новиков Алексей Викторович,

д-р социол. наук, профессор, профессор Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия

AVNovikov@fa.ru

Оборский Алексей Юрьевич,

канд. филос. наук, доцент, заместитель проректора по стратегическому развитию и практико-ориентированному образованию, Финансовый университет, Москва, Россия

AYOborskiy@fa.ru

Аннотация. Авторы статьи по материалам проведенного в 2017 г. социологического исследования анализируют восприятие населением российских городов качества оказываемой медицинской помощи в системе здравоохранения страны.

Делается акцент на изучении субъективных оценок населения российских городов качества оказанной медицинской помощи, так как, по мнению авторов, очень часто опубликованные объективные данные о состоянии сферы здравоохранения в регионах страны неточно отражают реальное состояние качества медицинского обслуживания населения.

Авторы в статье предлагают меры правового регулирования, необходимые для оказания населению доступной и качественной медицинской помощи в системе российского здравоохранения с обеспечением отзывчивости самой системы к ожиданиям населения.

Ключевые слова: здоровье населения; здравоохранение; качество жизни; социально-правовые изменения в обществе; качество оказания медицинской помощи населению; критерии качества оказания медицинской помощи; показатели качества оказания медицинской помощи

THE PERCEPTION OF THE POPULATION OF RUSSIAN CITIES MEDITSINSKOI THE QUALITY OF CARE IN THE HEALTH SYSTEM OF THE COUNTRY

Zoubets A.N.,

Doctor of Economic, Professor, Prorector for strategic development and practice-oriented education of the Financial University, Moscow, Russia

ANZubets@fa.ru

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на 2017 г.

Novikov A.V.,

*Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of sociology of the Financial University, Moscow, Russia
AVNovikov@fa.ru*

Oborsky A.Y.,

*PhD in Philosophy, associate Professor, Vice-rector for strategic development and practice-oriented education of the Financial University, Moscow, Russia
AYOborskiy@fa.ru*

Abstract. *The authors of the paper materials held in 2017 sociological studies analyze the perception of the population of Russian cities quality of medical care provided in the health system of the country.*

The emphasis is on the study of subjective estimates of the population of the Russian cities the quality of medical care provided, since, according to the authors, often-published objective data on the state of healthcare in the regions of the country do not accurately reflect the real state of the quality of medical care.

The authors of the article proposes measures of legal regulation required for providing the population with affordable and quality health care in the Russian health with ensuring the responsiveness of the system to the expectations of the population.

Keywords: *population health; public health; quality of life; socio-legal changes in society; the quality of provision of medical care; criteria for quality of medical care; indicators of quality of medical care*

В соответствии с частью 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Каждый гражданин Российской Федерации в соответствии с частью 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь, которая в государственных и муниципальных учреждениях системы российского здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов и других поступлений; иностранным гражданам, находящимся на территории Российской Федерации, гарантируется право на охрану здоровья в соответствии с международными договорами Российской Федерации, при этом оказание медицинской помощи иностранным гражданам, лицам без гражданства и беженцам определяется в установленном порядке Министерством здравоохранения Российской Федерации.

Охрана здоровья российского населения заключается в реализации федеральными органами власти Российской Федерации, органами власти субъектов Российской Федерации, муниципальными органами власти совокупности функций, закрепленных в правовых актах Российской Федерации (например, Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах здоровья гра-

ждан в Российской Федерации», Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» и др.).

При общем стремлении российского населения улучшить качество своей жизни — повысить свою социально-экономическую защищенность, увеличить свои реальные доходы, обеспечить для себя доступ к качественным высокотехнологичным медицинским и образовательным услугам и т.п. — возникающие препятствия активизировали развитие процессов социальной стратификации и дифференциации населения, вынужденной миграции из регионов с реально низким качеством жизни в регионы и города-мегаполисы с реально высоким качеством жизни, в том числе в области оказания высокотехнологических медицинских услуг населению в системе российского здравоохранения.

Оценка уровня реального качества жизни в регионах России постоянно производится самим населением. То есть население «голосует ногами» в ответ на все трансформационные изменения в социально-экономической сфере, вызывая, в свою очередь, напряженность в регионах с реально высоким качеством жизни из-за необходимости взаимной социальной адаптации мигрантов и коренного населения, вынужденных совместно участвовать в социально-экономи-

ческих процессах развития хозяйственной инфраструктуры.

Качество медицинской помощи, оказываемой населению, является неотъемлемой составляющей показателя качества жизни населения и важнейшим критерием эффективности проводимых в стране социально-экономических реформ. Однако при этом изучению мнения самого населения о качестве оказанных ему медицинских услуг со стороны органов управления системы здравоохранения уделяется сравнительно небольшое внимание. Возникает некий парадокс — развитие системы здравоохранения в современных социально-экономических условиях происходит на основе изучения различных статистических данных и прогнозных расчетов, но без учета мнения самого российского населения, являющегося конечным потребителем медицинской помощи, что несколько противоречит законам логики.

Результаты социологического опроса «О врачах и качестве медицинской помощи», проведенного Фондом «Общественное мнение» в июле 2015 г., выявили основные проблемы отечественной системы здравоохранения, в том числе плохую организацию приема пациентов в поликлиниках и больницах отметили 45% жителей городов с населением от 50 до 250 тыс. человек, а также жители городов с населением от 250 тыс. до 1 млн человек и жители-миллионеров (<http://fom.ru/posts/12346>).

Какова реакция органов власти на данную информацию? Какие меры приняты органами власти? Об этом ничего не известно. Можно ли доверять опубликованным результатам проведенного Фондом «Общественное мнение» в июле 2015 г. социологического исследования «О врачах и качестве медицинской помощи»? Трудно ответить, так как в России сегодня просто не существует единой системы критериев, единой системы показателей и единой методики для определения уровня оценки российским населением качества медицинских услуг, оказываемых в системе российского здравоохранения.

Авторы полагают, что высокое качество медицинской помощи, оказываемой населению системой здравоохранения страны, выраженное в обеспечении достаточной продолжительности здоровой жизни, поддержанной хорошим медицинским обслуживанием и безопасностью, является составляющей счастья — достижения высшего блага как завершенного, самоценного, самодостаточного состояния жизни, общепри-

занной конечной субъективной цели деятельности человека [1, 2].

В рамках проведенного исследования авторы рассматривают достижение человеком состояния счастья как один из показателей здоровой жизни, являющейся результатом оказания качественной медицинской помощи населению в системе здравоохранения страны.

Необходимо отметить, что выбор субъективных индикативных показателей (индикаторов) обследуемой совокупности по заданным параметрам квот (не менее 600 респондентов в каждом городе, в зависимости от количества жителей) осуществлялся по данным социологических опросов населения следующих российских городов: Астрахань, Барнаул, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Грозный, Екатеринбург, Ижевск, Иркутск, Кемерово, Казань, Краснодар, Красноярск, Липецк, Москва, Махачкала, Набережные Челны, Нижний Новгород, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Оренбург, Пенза, Пермь, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Самара, Саратов, Севастополь, Тольятти, Томск, Тюмень, Ульяновск, Уфа, Хабаровск, Челябинск, Ярославль. При этом основанием для выбора каждого из указанных городов явилось то, что их население превышает 500 тыс. человек, а регионы, в которых расположены города, суммарно дают более 75% ВВП страны, в силу чего оценка населением качества оказанных медицинских услуг в системе российского здравоохранения имеет важное практическое и социально-экономическое значение.

Для оценки российским населением качества медицинских услуг, оказываемых в системе российского здравоохранения, применена система следующих критериев:

- обеспеченность населения необходимыми видами медицинской помощи, оказываемыми в системе российского здравоохранения;
- отзывчивость системы российского здравоохранения к ожиданиям населения страны в вопросах качества оказания медицинской помощи;
- качество лекарственного обеспечения населения страны;
- ожидаемая продолжительность жизни при рождении.

Примечание: п. 1 Перечня показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14.11.2017 № 548, явля-

Таблица 1

Сводка объективных данных о состоянии системы медицинского обслуживания на последнюю доступную дату по городам, где проводилось исследование

Город	Число умерших на 1000 человек населения	Отношение числа умерших к численности населения старше трудоспособного возраста	Среднемесячная заработная плата работников организаций в разделе «Здравоохранение и предоставление социальных услуг», тыс. руб.	Численность врачей на 10 000 человек населения	Численность среднего медицинского персонала на 10 000 человек населения	Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 000 человек населения (посещений в смену)
	2016 г.	2016 г.	2016 г.	2015 г.	2015 г.	2015 г.
Астрахань	11,8	4,8%	24,1	91,3	162,1	293,6
Барнаул	11,1	4,8%	25,8	49,4	96,7	245,5
Владивосток	11,1	5,0%	40,8	89,5	98,4	258,9
Волгоград	13,2	5,0%	26,1	71,8	131,4	351,6
Воронеж	12,8	5,0%	24,8	86,7	147	276,1
Грозный	5,1	6,0%	22,2	82,8	161,5	397,6
Екатеринбург	11,2	5,0%	38,4	72,5	121,5	282,2
Ижевск	11,2	4,9%	25,8	78,6	131,7	318,9
Иркутск	11,2	5,6%	34,4	94,6	150,2	377,7
Казань	10,7	4,6%	28,6	72,9	134,2	288,0
Кемерово	12,1	5,3%	29,2	81,0	134	319,0
Краснодар	11,1	5,0%	32,4	85,9	141,2	293,4
Красноярск	10,2	5,2%	30,8	75,6	133,3	330,5
Липецк	12,7	5,0%	24,5	63,5	145,5	379,4
Махачкала	3,5	нет данных	нет данных	59,4	96,6	109,4
Москва	10,0	3,8%	нет данных	55,7	90,8	313,7
Набережные Челны	8,3	3,8%	26,4	36,2	109,5	221,0
Нижний Новгород	14,0	5,4%	27,6	76,7	137,5	312,1
Новокузнецк	13,8	5,8%	26,9	47,0	119	291,0
Новосибирск	11,7	5,1%	33,2	71,1	116,4	258,3
Омск	12,1	5,1%	24,7	71,2	146,6	253,3
Оренбург	11,1	5,2%	25,0	87,7	167,6	298,1
Пенза	12,4	4,7%	26,0	65,0	149,7	288,2
Пермь	12,0	5,2%	30,8	72,6	105,5	199,3
Ростов-на-Дону	11,8	4,8%	30,3	75,8	118,3	307,0
Рязань	13,5	5,1%	23,5	75,9	134	285,3
Самара	14,0	5,2%	28,7	76,2	119	277,8
Санкт-Петербург	11,8	4,4%	0,0	73,8	111,5	309,4
Саратов	13,3	5,1%	24,5	92,6	133,5	343,1
Севастополь	14,1	5,2%	нет данных	41,6	84,6	200,6
Тольятти	11,6	4,8%	24,0	34,8	88,2	189,6
Томск	9,3	4,7%	32,0	69,7	116,8	251,7
Тюмень	8,8	4,8%	35,8	69,9	111,6	288,4
Ульяновск	12,5	4,9%	20,8	54,9	159,8	315,3
Уфа	11,3	5,3%	31,7	73,7	137,4	361,7
Хабаровск	11,9	5,5%	40,4	81,1	118,7	364,8
Челябинск	11,9	5,1%	31,2	66,7	121	364,6
Ярославль	14,2	5,4%	нет данных	76,6	118,5	289,9

Мнение населения об обеспеченности медицинскими учреждениями

	Каких медицинских учреждений в вашем городе не хватает? (множественный ответ от общей численности респондентов)				
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
В городе хватает медицинских учреждений	17%	17%	27%	29%	33%
Не хватает поликлиник широкого профиля	28%	30%	25%	26%	26%
Больниц	12%	10%	9%	10%	8%
Специализированных клиник	18%	18%	14%	16%	14%
Диагностических центров	25%	27%	21%	23%	20%
Другое	1%	1%	4%	3%	5%

ется показатель «Ожидаемая продолжительность жизни при рождении».

В качестве вспомогательных критериев качества медицинского обслуживания можно использовать такие показатели, как обеспеченность медицинскими учреждениями на 1000 жителей города. Также применимы:

- число больничных коек на 1000 жителей;
- мощность амбулаторно-поликлинических учреждений;
- число бригад скорой медицинской помощи на 10 тыс. жителей;
- средняя заработная плата врачей и среднего медицинского персонала;
- численность врачей и среднего медицинского персонала на 1000 жителей, а также ряд других официальных показателей* (<http://www.gks.ru/dbscripts/munst/>) [3].

В табл. 1 представлены объективные данные о состоянии медицинского обслуживания за последний период по доступным городам России.

Однако сложность в использовании объективных показателей состоит в том, что мы не располагаем объективной и оперативной государственной статистикой, отражающей состояние медицинского хозяйства в городах России. Как правило, Росстат публикует ее с отставанием вплоть до года или даже более того. По многим, в том числе и крупным городам России информация публикуется со значительными пробелами.

* Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года. 2017. Стат. сб. / Росстат. М., 2017.

Эти же обстоятельства относятся и к такому показателю качества медицинского обслуживания, как ожидаемая продолжительность жизни.

К сожалению, сегодня Росстат не рассчитывает этот показатель применительно к городам России. В определенной степени его может заменить коэффициент смертности (отношение числа умерших к общей численности населения), однако он сильно зависит от возрастной структуры населения — доли молодежи среди жителей города.

С большей точностью ожидаемую продолжительность жизни можно заменить таким показателем, как отношение числа умерших к численности пожилых людей старше трудоспособного возраста — при наличии соответствующей оперативной статистики.

Необходимо отметить, что применяемая в исследовании усовершенствованная методика оценки российским населением качества оказываемых медицинских услуг в системе российского здравоохранения опирается в первую очередь на мнение населения по различным аспектам оказания медицинской помощи в системе здравоохранения страны (субъективные показатели).

Как показывает практика, субъективные показатели не менее важны, чем объективные характеристики качества медицинских услуг, оказываемых населению.

Существенные различия в восприятии качества медицинской помощи различными группами населения и оценка его соответствия существующим социальным стандартам качества жизни формируют у любого человека субъективные

Мнение россиян о достаточности медицинских учреждений по городам, где проводилось исследование

Город	Каких медицинских учреждений в вашем городе не хватает? (множественный ответ)					
	В городе хватает медицинских учреждений	Не хватает поликлиник широкого профиля	Больниц	Специализированных медицинских клиник	Диагностических центров	Другое
Астрахань	26%	20%	9%	19%	28%	4%
Барнаул	30%	28%	6%	11%	17%	10%
Владивосток	29%	24%	6%	20%	21%	5%
Волгоград	25%	32%	13%	16%	18%	9%
Воронеж	30%	32%	14%	19%	11%	5%
Грозный	49%	5%	2%	11%	15%	6%
Екатеринбург	29%	30%	5%	13%	19%	6%
Ижевск	19%	37%	14%	24%	22%	5%
Иркутск	34%	26%	5%	9%	17%	5%
Казань	33%	28%	11%	11%	15%	1%
Кемерово	42%	14%	4%	11%	15%	7%
Краснодар	24%	37%	13%	18%	19%	7%
Красноярск	33%	23%	4%	15%	17%	5%
Липецк	27%	31%	18%	16%	26%	8%
Махачкала	41%	22%	12%	19%	19%	3%
Москва	35%	29%	8%	14%	23%	4%
Набережные Челны	32%	17%	8%	15%	20%	10%
Нижний Новгород	37%	22%	11%	13%	22%	5%
Новокузнецк	20%	26%	8%	17%	22%	10%
Новосибирск	39%	29%	9%	14%	12%	7%
Омск	25%	24%	10%	12%	12%	8%
Оренбург	28%	22%	8%	13%	13%	13%
Пенза	30%	19%	8%	13%	12%	9%
Пермь	25%	37%	14%	21%	17%	6%
Ростов-на-Дону	30%	28%	4%	9%	16%	3%
Рязань	30%	33%	17%	14%	14%	3%
Самара	38%	20%	9%	13%	17%	8%
Санкт-Петербург	25%	27%	8%	15%	28%	4%
Саратов	33%	22%	9%	12%	15%	4%
Севастополь	9%	37%	18%	39%	28%	0%
Тольятти	21%	20%	5%	16%	34%	12%
Томск	31%	22%	9%	15%	12%	6%
Тюмень	44%	18%	6%	15%	19%	3%
Ульяновск	27%	24%	9%	17%	12%	12%
Уфа	35%	18%	10%	13%	23%	7%
Хабаровск	30%	24%	6%	10%	19%	9%
Челябинск	30%	22%	9%	16%	19%	6%
Ярославль	19%	30%	11%	15%	22%	7%

Таблица 4

Необходимость обращаться за медицинской помощью в другой регион, в Москву или за границу

	Были ли у вас, ваших близких или друзей случаи, когда приходилось обращаться за медицинской помощью в другой регион, в Москву или за границу? (от числа определившихся с ответом)		
	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Да	20%	23%	23%
Нет	80%	77%	77%

Таблица 5

Удовлетворенность населения качеством медицинского обслуживания по стране в целом

	Вы довольны работой здравоохранения в вашем городе?						
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Да, полностью довольны	12%	9%	9%	9%	12%	13%	9%
Да, скорее довольны	31%	25%	27%	30%	33%	32%	38%
Нет, скорее недовольны	35%	35%	32%	35%	35%	30%	29%
Полностью недовольны	21%	32%	33%	26%	20%	24%	24%
Доля тех, кто полностью или в основном доволен работой здравоохранения в своем городе	43%	34%	35%	39%	45%	45%	47%

представления о качестве оказанной ему или близким медицинской помощи.

Субъективные оценки, сделанные населением относительно качества медицинского обслуживания, могут существенно повлиять на восприятие населением результатов работы местных, региональных или федеральных властей, а также протестную активность граждан.

Одним из основных показателей, описывающих состояние медицинской инфраструктуры по городам России, является наличие полного спектра медицинских учреждений.

Сегодня 33% россиян говорят о том, что в их городе достаточно медицинских учреждений, тогда как в 2013 г. такого мнения придерживались 17% жителей крупных и средних российских городов (табл. 2).

Наиболее востребованными медицинскими учреждениями сегодня в крупных и средних городах России являются поликлиники широкого профиля и диагностические центры.

При этом уровень востребованности медицинских учреждений изменяется от города к городу (табл. 3).

В наибольшей степени достаточностью медицинской инфраструктуры удовлетворены жители следующих российских городов: Грозный, Тюмень, Кемерово, Махачкала, Новосибирск, Самара, Нижний Новгород, Уфа, Москва, Иркутск.

Одним из важнейших показателей достаточности медицинских учреждений в городе является доля тех, кому приходилось обращаться за врачебной помощью в медицинские учреждения в других городах, регионах или за границей (табл. 4).

Исследование показало, что за последнее время доля обращений в иные регионы за медицинской помощью остается на высоком уровне.

Самый высокий уровень обращений в иные регионы за медицинской помощью отмечен в следующих российских городах: Грозный, Махачкала, Ульяновск, Севастополь, Рязань, Пенза, Оренбург, Липецк, Астрахань, Ростов-на-Дону.

Исследование показало, что общий уровень удовлетворенности качеством медицинского обслуживания несколько увеличился по сравнению с прошлогодним показателем (табл. 5).

Уровень удовлетворенности качеством оказанной медицинской помощи по личной оценке респондентов

	Насколько вы удовлетворены качеством медицинского обслуживания, которым вы пользуетесь лично?		
	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Полностью удовлетворен(а)	16%	19%	14%
Скорее удовлетворен(а)	49%	46%	52%
Скорее не удовлетворен(а)	24%	23%	21%
Совершенно не удовлетворен(а)	9%	10%	11%
Не приходилось обращаться к врачу	1%	2%	3%
Доля тех, кто полностью или в основном доволен качеством медицинских услуг, которые он получает лично	65%	65%	65%

Сегодня полностью или в основном довольны качеством медицинского обслуживания 47% населения против 45% годом ранее.

Известно, что общие оценки качества работы здравоохранения, даваемые респондентами, часто основаны на сообщениях СМИ, рассказах родственников и знакомых, в которых много отрицательных суждений о качестве оказания медицинской помощи.

Наиболее адекватную оценку качества оказания медицинской помощи можно получить у респондентов после их взаимодействия с лечебными учреждениями. Сводные оценки такого опыта показывают, что сегодня около двух третей населения крупных и средних российских городов (65%) полностью или в основном удовлетворены качеством оказанной медицинской помощи (табл. 6).

В то же время надо отметить, что уровень качества медицинского обслуживания заметно изменяется от города к городу.

Самый высокий уровень удовлетворенности отмечен в следующих городах: Грозный, Казань, Тюмень, Барнаул, Краснодар, Самара, Уфа, Нижний Новгород, Хабаровск, Оренбург.

Сегодня жители крупных и средних городов пользуются услугами бесплатных медицинских учреждений, финансируемых в рамках системы

ОМС (74%), а также платных частных поликлиник и больниц (42%).

Сегмент платной медицины является самым быстрорастущим — доля потребителей платных медицинских услуг среди населения с 2011 г. выросла более чем на треть. Напротив, доля тех, кто платит за медицинские услуги в государственных лечебных учреждениях, заметно сократилась до 13% против 24% в 2012 г. Невысокой остается доля обладателей полисов добровольного медицинского страхования, приобретенных за собственный счет или предоставленных работодателем, — соответственно 3 и 8% (табл. 7).

Высокую оценку качества обслуживания населения заслужила страховая медицина — полностью или в основном ей довольны 85% жителей крупных и средних городов (табл. 8).

Если говорить об оценке качества работы лечебных учреждений по социально-демографическим группам, то самое высокое мнение о них характерно для среднего класса — тех, кто может себе позволить новый автомобиль, но не квартиру; молодежи — возрастной группы 18–30 лет, а также тех, кто посещает врача достаточно редко — несколько раз в год (табл. 9).

Одним из важнейших показателей качества медицинского обслуживания является готовность россиян подать в суд на врача или медицинское

Таблица 7

Пользование различными медицинскими услугами среди населения

	Какими видами медицинских услуг вы пользуетесь чаще всего, вы и члены вашей семьи? (множественный ответ от общей численности респондентов)						
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Услугами государственной поликлиники, клиники или больницы бесплатно (в рамках обязательного медицинского страхования)	67%	61%	56%	60%	70%	72%	74%
Медицинскими услугами по страховке, которую вы приобрели за свой счет	2%	3%	3%	2%	3%	2%	3%
Медицинскими услугами по страховке, которую оплачивает ваш работодатель	9%	9%	7%	8%	6%	7%	8%
Услугами бесплатной поликлиники/медсанчасти при предприятии	6%	6%	5%	4%	4%	4%	4%
Платными медицинскими услугами в частных поликлиниках или больницах	30%	37%	33%	36%	35%	40%	42%
Платными медицинскими услугами в государственных поликлиниках или больницах за наличный расчет	20%	24%	17%	18%	13%	15%	13%
Не пользуюсь медицинскими услугами	3%	4%		4%	3%	3%	3%

Таблица 8

Оценка населением качества разных видов медицинского обслуживания

	Доля респондентов, полностью или в основном довольных качеством медицинского обслуживания, которое они получают лично		
	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Бесплатная медицина (государственные поликлиники, клиники или больницы, бесплатные поликлиники/медсанчасти на предприятиях)	63%	63%	64%
Страховая медицина по полису ДМС, приобретенному самостоятельно или предоставленному работодателем	69%	76%	85%
Платная медицина в частных поликлиниках или больницах, а также в государственных поликлиниках или больницах – за наличный расчет	65%	65%	68%

Таблица 9

**Удовлетворенность населения качеством медицинского обслуживания
в 2017 г. по социально-демографическим группам**

Доля респондентов, полностью или в основном довольных качеством того медицинского обслуживания, которое они получают лично (по социально-демографическим группам)		
Пол	Мужской	69%
	Женский	62%
Возраст	18–30 лет	77%
	30–40 лет	65%
	40–50 лет	64%
	50–60 лет	60%
	Более 60 лет	57%
Образование	Среднее и неполное среднее	69%
	Среднее техническое	64%
	Высшее и послевузовское	65%
	Незаконченное высшее	70%
Самооценка уровня дохода	Денег с трудом хватает на питание	48%
	Питаемся хорошо, можем приобрести предметы первой необходимости	66%
	Можем купить крупную бытовую технику, но не новый автомобиль	71%
	Могу купить новый автомобиль, но не квартиру	77%
	Могу купить квартиру или новый дом	65%
Частота обращений за медицинской помощью	Несколько раз в месяц	62%
	Раз в несколько месяцев	68%
	Несколько раз в год	71%
	Реже, чем раз в год	58%

Таблица 10

Готовность подать в суд на врачей и медицинские учреждения за ошибки и халатность

	Были ли в вашей жизни случаи, когда у вас были повод и желание подать судебный иск на врача или медицинское учреждение за халатность, ошибки и иные упущения?		
	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Да	23%	25%	25%
Сам не сталкивался, но среди моих знакомых были такие случаи	6%	8%	9%
Нет, и среди моих знакомых таких ситуаций не было	70%	67%	66%

Таблица 11

Частота приобретения лекарственных средств населением

	Как часто вы покупаете лекарства?		
	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Несколько раз в месяц	47%	50%	49%
Раз в несколько месяцев	24%	22%	22%
Несколько раз в год	22%	20%	22%
Реже, чем раз в год	7%	8%	7%

Таблица 12

Нехватка средств на лекарства у населения

	Сталкивались ли вы за последний год с ситуацией, когда не могли купить необходимое лекарство по причине его дороговизны?		
	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Да, было несколько таких случаев	25%	25%	26%
Да, был такой случай	14%	13%	10%
Нет, не сталкивался с такой проблемой	61%	62%	64%

учреждение за халатность или иные упущения, которые привели к снижению качества оказанной медицинской помощи и поставили под угрозу жизнь или здоровье пациента. Исследование показало, что доля людей, готовых подать в суд на врачей и медицинские учреждения, растет (табл. 10), что говорит о росте правового сознания пациентов.

Наивысшие значения этого показателя отмечены в следующих городах: Челябинск, Махачкала, Новосибирск, Красноярск, Астрахань, Набережные Челны, Волгоград, Кемерово, Екатеринбург, Пермь.

В качестве дополнительного объективного показателя качества медицинского обслуживания используется отношение количества судебных решений по искам в части ненадлежащего качества медицинских услуг, вынесенных судами первой инстанции, к численности населения города.

В качестве источника исходных данных использовалась База данных по судебной практике «Росправосудие» (<https://rospravosudie.com/>).

За период 2007–2017 гг. вынесено всего 24 209 судебных решений, связанных с ненадлежащим

оказанием медицинской помощи/услуг. Больше всего решений по искам вынесено по гражданским делам — 22 081 ед. (91,2%), уголовные и административные дела составили только 1286 ед. (5,32%) и 842 (3,48%) единиц.

Анализ по годам показывает, что наибольшее количество судебных дел пришлось на 2015 г. и составило 4674 ед.

Больше всего готовы к подаче судебного иска жители Барнаула, Красноярска, Саратова, Томска, Ростова-на-Дону, Екатеринбурга, Липецка, Хабаровска, Ульяновска, Астрахани.

Одной из основных составляющих качества медицинского обслуживания населения является обеспеченность лекарственными средствами.

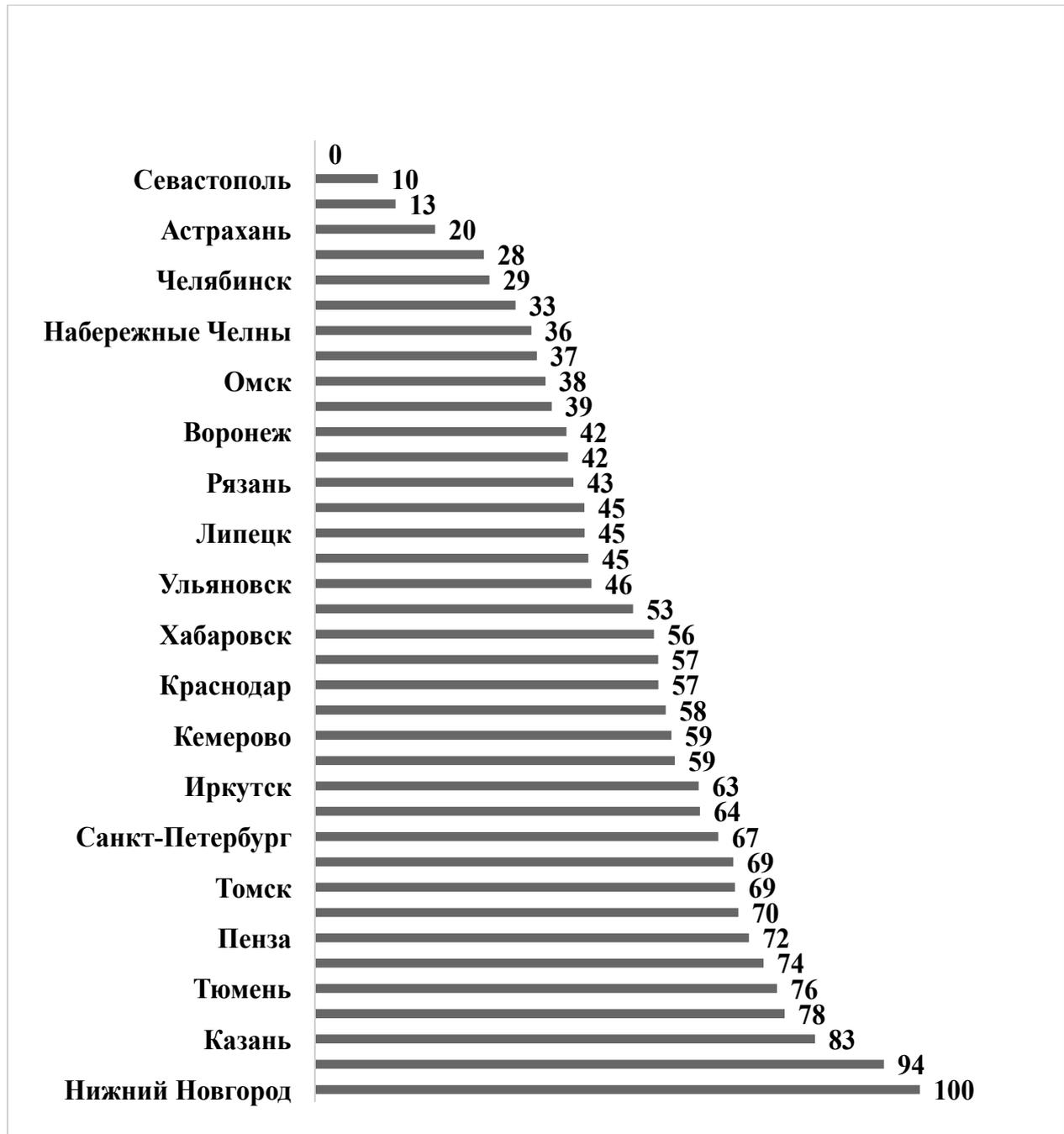
Половина населения сильно зависима от лекарств и приобретает их несколько раз в месяц (табл. 11).

Важно отметить, что в последние годы снижается доля россиян, которым не хватает денег на лекарства.

По итогам исследования 64% респондентов заявили о том, что за последний год у них не

Индексные значения отдельных показателей и итоговый Индекс оценки населением качества медицинского обслуживания

	Индексные значения показателей					Итоговый индекс качества медицинского обслуживания
	Доля тех, кому хватает медицинских учреждений	Доля жителей городов, полностью или в основном довольных качеством медицинского обслуживания, которое они лично получают	Доля жителей городов, которым самим (или их друзьям и знакомым) приходилось обращаться за медицинской помощью в другой регион, в Москву или за границу	Доля жителей городов, у которых (или у их друзей и знакомых) были повод и желание подать в суд на врача или медучреждение за халатность, ошибки и иные упущения	Доля жителей города, которые хотя бы раз за последний год не могли купить необходимое лекарство по причине его дороговизны	
Астрахань	41%	29%	73%	22%	21%	20
Барнаул	52%	81%	78%	32%	40%	57
Владивосток	50%	37%	81%	36%	68%	53
Волгоград	39%	0%	77%	22%	30%	13
Воронеж	52%	41%	80%	29%	40%	42
Грозный	100%	100%	0%	82%	100%	94
Екатеринбург	50%	57%	97%	29%	69%	64
Ижевск	25%	16%	84%	59%	23%	28
Иркутск	62%	60%	82%	81%	16%	63
Казань	59%	88%	100%	95%	9%	83
Кемерово	84%	49%	94%	28%	35%	59
Краснодар	37%	74%	89%	72%	11%	57
Красноярск	60%	63%	95%	20%	49%	58
Липецк	46%	35%	73%	61%	37%	45
Махачкала	80%	13%	8%	4%	28%	0
Москва	64%	21%	88%	31%	49%	45
Набережные Челны	58%	35%	81%	22%	32%	36
Нижний Новгород	70%	69%	100%	100%	59%	100
Новокузнецк	26%	65%	88%	50%	61%	59
Новосибирск	76%	35%	88%	9%	23%	37
Омск	40%	51%	84%	58%	0%	38
Оренбург	48%	67%	72%	68%	64%	70
Пенза	52%	51%	71%	63%	85%	72
Пермь	38%	53%	83%	29%	18%	33
Ростов-на-Дону	52%	61%	76%	44%	4%	39
Рязань	53%	23%	63%	82%	25%	43
Самара	72%	71%	78%	40%	54%	69
Санкт-Петербург	39%	66%	91%	35%	79%	67
Саратов	61%	62%	83%	77%	47%	74
Севастополь	0%	14%	60%	46%	40%	10
Тольятти	29%	59%	82%	58%	23%	45
Томск	54%	38%	83%	53%	87%	69
Тюмень	88%	87%	96%	51%	13%	76
Ульяновск	45%	59%	59%	53%	37%	46
Уфа	65%	70%	97%	67%	39%	78
Хабаровск	52%	68%	81%	32%	48%	56
Челябинск	52%	59%	90%	0%	7%	29
Ярославль	25%	42%	87%	42%	48%	42

**Итоговый индекс качества
медицинского обслуживания населения**

было случаев, когда им не хватало средств на приобретение лекарственных средств (табл. 12).

Городами, где население чаще всего сталкивается с дороговизной лекарств, являются: Омск, Ростов-на-Дону, Челябинск, Казань, Краснодар, Тюмень, Иркутск, Пермь, Астрахань, Новосибирск.

Целью НИР была разработка усовершенствованной авторской методики по определению оценки российским населением качества оказываемых медицинских услуг в системе

российского здравоохранения. Для этого выбраны показатели:

- Доля тех, кому хватает медицинских учреждений в своем городе.
- Доля жителей городов, которым лично (или их друзьям и знакомым) приходилось обращаться за медицинской помощью в другой регион, Москву или за границу.
- Доля жителей городов, полностью или в основном довольных качеством медицинского обслуживания, которое они лично получают.

- Доля жителей городов, у которых (или у их друзей и знакомых) был повод и желание подать в суд на врача или медучреждение за халатность, ошибки и иные упущения.

- Доля жителей города, которые хотя бы раз за последний год не могли купить необходимое лекарство по причине его дороговизны.

В методике для построения сводного рейтинга показатели для каждого из городов пересчитаны в индексное значение, вычисляемое по следующей формуле:

$$I_{ij} = (Z_{ij} - Z_{i \min}) / (Z_{i \max} - Z_{i \min}), \quad (1)$$

где I_{ij} — индексное значение показателя i для города j ; Z_{ij} — значение показателя i для города j ; $Z_{i \min}$ и $Z_{i \max}$ — минимальное и максимальное значения показателя i .

Для индексных значений показателей 3–5 используется другая формула (2):

$$I_{ij} = 1 - (Z_{ij} - Z_{i \min}) / (Z_{i \max} - Z_{i \min}), \quad (2)$$

где I_{ij} — индексное значение показателя i для города j ; Z_{ij} — значение показателя i для города j ; $Z_{i \min}$ и $Z_{i \max}$ — минимальное и максимальное значения показателя i .

Итоговое значение Индекса оценки населением качества медицинского обслуживания рассчитывается как среднее значение индексных значений, перечисленных выше показателей (табл. 13).

Далее Индекс пересчитывается по городам, участвующим в исследовании, на шкалу от 0 (худшее качество медицинского обслуживания) до 100 (лучшее качество) в соответствии с формулой (1).

Ранжирование городов по итоговому Индексу качества медицинского обслуживания приведено на рисунке.

По рисунку видно, что самый низкий уровень качества медицинского обслуживания отмечен в следующих городах: Махачкала, Севастополь, Волгоград, Астрахань, Ижевск.

А самый высокий уровень качества медицинского обслуживания отмечен в городах: Нижний Новгород, Грозный, Казань, Уфа, Тюмень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубец А. Н. Истоки и история экономического роста. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2014. С. 19.
2. Новая философская энциклопедия в четырех томах. Т. 3. М.: МЫСЛЬ, 2001. С. 686–687.
3. Бугакова Н. С., Гельвановский М. И., Глисин Ф. Ф., Горячева И. П., Гохберг Л. М., Житков В. Б., Климанов В. В., Кузнецова О. В., Скатерщикова Е. Е., Струкова В. Е., Харламова И. В. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. 442 с.

REFERENCES

1. Zoubets A. N. The origins and history of economic growth. Moscow: ZAO "Publisher "Economy", 2014, p. 19. (In Russ.).
2. The new philosophical encyclopedia in four volumes. Vol. 3. Moscow: MYSL, 2001, pp. 686–687. (In Russ.).
3. Bugakova N. S., Gelvanovsky M. I., Glisin F. F., Goryacheva I. P., Gokhberg L. M., Zhitkov V. B., Klimanov V. V., Kuznetsova A. V., Skaterschikov Was E. E., Strukov V. E., Kharlamov I. V. The Regions Of Russia. The main socio-economic indicators of cities. 2016: Stat. sb. / Rosstat. Moscow, 2016, 442 p. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-51-53
УДК 316.422.6

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ И КАПИТАЛ: УРОКИ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Тюриков Александр Георгиевич,

д-р соц. наук, профессор, руководитель Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
agtyurikov@fa.ru

Аннотация. Статья посвящена ретроспективному и сравнительному анализу социальных ресурсов и социального капитала революции 1917 г. и настоящего времени. Цель работы – раскрыть и описать взаимосвязь социальных преобразований в социалистической и современной России. В данной статье дается анализ того, что произошло с социальным капиталом России в период 1917–2017 гг. Выявлено, что сложившаяся отечественная традиция дискретности исторического и социально-культурного развития усложняет процессы социализации целых поколений россиян. Обоснована объективная потребность включения социальных ресурсов и капитала в стратегические замыслы развития России.

Ключевые слова: социальные ресурсы; социальный капитал; прочные и транзитные отношения

RESOURCES AND SOCIAL CAPITAL: LESSONS AND CHALLENGES

Tyurikov A. G.,

Doctor of Sociology sciences, Professor, head of the Department of sociology of the Financial University Moscow, Russia
agtyurikov@fa.ru

Abstract. The article presents a retrospective and comparative analysis of the social resources and social capital the revolution of 1917 and the present time. The work purpose – to reveal and describe the relationship of social change in socialist and modern Russia. The objective of this article is an analysis of what happened to social capital in Russia and Russia in the period from 1917 to 2017. Revealed that the Patriotic tradition of the discontinuity of the historical and socio-cultural development complicates the processes of socialization of generations of Russians. It proves the objective necessity of integration of social resources and capital in strategic plans of Russia's development.

Keywords: social resources; social capital; strong and transit relations

Ретроспективный взгляд на уроки и последствия революции 1917 г. в России представляется крайне важным и интересным как с точки зрения анализа последствий планетарного характера, так и анализа последствий преобразования российского общества и государства. Во-первых, автор разделяет точку зрения тех исследователей, которые утверждают, что революция в России послужила «локомотивом» прогрессивного развития в мире в первой половине XX в. В раздираемом противоречиями и Первой мировой войной мире новая социалистическая модель построения и функционирования общества на принципах социального равенства и справедливости явилась привлекательным образцом для многих стран и народов. При этом часть стран

переняла опыт СССР, а другая (большинство капиталистических стран) была вынуждена вступить в жесткую конкуренцию с новой моделью.

Во-вторых, по прошествии ста лет в российском обществе не сложилось однозначного понимания как значения, так и оценки итогов социалистической революции. Более того, зародившаяся в октябре 1917 г. асоциальная традиция дискретности исторического и социально-культурного развития жива и сегодня. Современная Россия поспешила в 90-е гг. «откреститься» от социалистического прошлого: исчезла советская государственная символика, ряд революционных праздников получил новый статус и значение и т.д., и наоборот — нелегитимным православным праздникам возвращен статус официальных. Это наглядно демонстрирует историческую

преимущество между царской империей и современной Россией, но, таким образом, вычеркивается более чем 70-летний советский период.

Ровно то же самое произошло в 1917 г., когда складывающиеся веками социокультурные российские традиции были вычеркнуты новой властью «до основания, а затем...». И почти целое столетие россияне боялись вспоминать и не хотели знать, к какому «роду-племени» они относятся. Другими словами, социокультурная память получала невозполнимые для социального здоровья общества искусственные травмы. Такие травмы усложняли и продолжают усложнять процессы социализации целых поколений россиян. Поэтому когда мы говорим о драматичности экономических и политических процессов смены одного социального строя другим, мы почему-то не отдаем себе отчета в том, что процессы социализации, изменения социокультурных «картинок», смыслов, образов в голове у человека и отношений в обществе еще более драматичны.

Задачей данной статьи является анализ того, что произошло с социальным капиталом России в период с 1917 по 2017 г. В самом общем смысле социальный капитал — это преимущество, создаваемое положением индивида в структуре отношений [1]. П. Бурдье дает социальному капиталу определение «...совокупности реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью (*durable networks*) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала (*collectively-owned capital*), «репутации» (*credential*), позволяющей им получать кредиты во всех смыслах этого слова» [2].

Но имеет смысла говорить о двух принципиально различных подходах к социальному капиталу. Первый представлен П. Бурдье, согласно которому социальный капитал произведен от экономического и при этом является капиталом лишь постольку, поскольку конвертируется в прибыль, кредиты и т.п.

Другой подход мы свяжем с категорией прочных отношений (П. Слотердаjk) [3]. Речь идет о прочных отношениях с другими людьми, малой родиной, отечеством, профессией, предприятием и т.д. Согласно П. Слотердаjку, прочные отношения образуют сферы (миры, локальные онтологии) бытия людьми. При этом сами по себе прочные отношения не являются капиталом, они представляют собой жизненный ресурс, актив. Но они могут быть капитализированы. Например, люди могут оказывать

друг другу поддержку по национальному признаку. Прочным отношениям противостоят транзитные [4]. Чем более «транзитны» отношения, чем ниже уровень социального капитала.

В контексте концепта прочных отношений важными являются работы «коммунитаристов» [5–7], показывающих, что такие феномены, как солидарность, доверие, единство возможны только в онтологии, предусматривающей существование «непосредственно общих благ» (т.е. приобретаемых не посредством обмена, а коренящихся в общежитии людей, в совместности действий), «общей судьбы». С этой точки зрения понятно, почему экономическое неравенство разрушительно для социального капитала: оно проблематизирует и элиминирует концепты общей судьбы и общего блага [8].

Конечно, и П. Бурдье связывает социальный капитал со своеобразными прочными отношениями, которые он определяет, как «эффект клуба» и «эффект гетто». «Помимо экономического и культурного капиталов, некоторые пространства, в частности наиболее закрытые, наиболее „избранные“, требуют также и социального капитала. Они могут обеспечить себе социальный и символический капиталы лишь с помощью „эффекта клуба“. „Эффект гетто“ есть полная противоположность „эффекту клуба“: «...гетто символически разлагает своих обитателей, объединяя в некоторой резервации совокупность агентов...» [9]. Но отношения, о которых говорит Бурдье, являются условно-прочными, квазипрочными. По сути, это симулякры прочных отношений. Основное их отличие от собственно прочных отношений в том, что они прагматически опосредствованы и развеиваются как туман.

Есть основания полагать, что к 1917 г. Россия обладала огромным запасом прочности отношений с отечеством. Так, например, существуют данные, свидетельствующие, что во время Первой мировой войны русские значительно реже сдавались в плен, чаще бежали из плена, бунтовали в плену, чем представители других европейских наций (т.е. вследствие прочных отношений с отечеством не принимали для себя сепаратизма). В период Великой Отечественной войны наблюдалось то же самое, но в меньшей степени. Иногда это объясняют «обидами», нанесенными советской властью. Но поучителен ответ деревенской бабушки, прошедшей вместе с детьми раскулачивание, высылку, ссылку и прочие ужасы советского строя, на вопрос, почему же ее дети героически воевали за Родину: «Воевали, чтобы выжить русскими». Не просто выжить, а именно русскими, а за это можно и жизнь отдать!

Причина некоторого снижения прочности отношений с отечеством, на наш взгляд, в том, что после 1917 г. последовательным атакам подвергались традиционные основы прочных отношений: коллективизация разрушала общину, третировалось православие и т.д. И сегодня ностальгия по СССР в значительной мере является именно ностальгией по прочным отношениям (людей друг с другом, граждан с отечеством и др.).

В 90-х гг. прочные отношения были подвергнуты более беспощадной и системной атаке. Во-первых, они были атакованы с таких позиций, как: «История Нового времени... есть не что иное, как история революционного преобразования пространства во внешнее..., где все ...трансформируются в транзитные пункты неограниченного движения (людей, капиталов)...» [4]. Происходит тотальное замещение прочных отношений транзитными (аналогично современности описывает З. Бауман [10]). В итоге возник беспримечный для России дефицит прочных

отношений. Но вот что парадоксально. Вопреки этим атакам уровень прочности отношений граждан России с отечеством остается значительно более высоким, чем у европейских народов. Об этом свидетельствуют результаты различных опросов европейских организаций, после которых возникает очередная паника: «русские выиграют третью мировую», «европейские армии разбегутся после первого столкновения с русскими» и т.п.

Таким образом, с одной стороны, уровень прочности отношений с отечеством, вопреки событиям 90-х гг., остается в России значительно более высоким, чем в западных странах. С другой стороны, уровень прочности отношений для самой России является сегодня беспрецедентно низким (в сравнении с другими периодами отечественной истории). И с этим надо что-то делать. По нашему убеждению, дальнейшее развитие России должно опираться на прочные и солидарные отношения, «основанные на самых высших нравственных началах» [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Красилова А.Н. Социальный капитал как инструмент анализа неравенства в российском обществе // Мир России. 2007. № 4.
2. Бурдые П. Формы капитала. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf.
3. Слотердайк П. Сферы: Микросферология. Т. I. Пузыри. СПб.: Наука, 2005. 653 с.
4. Слотердайк П. Сферы: Макросферология. Т. II. Глобусы. СПб.: Наука, 2007. С. 833.
5. Сэндел М. Либерализм и пределы справедливости. URL: <http://www.peter-club.spb.ru/sandel.html>
6. Сэндел М. Справедливость как поступать правильно? М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 352 с.
7. Тейлор Ч. Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами. URL: <http://kant.narod.ru/taylor.htm>.
8. Richard Wilkinson and Kate Pickett. The Spirit Level. Why Greater Equality Makes Societies Stronger. New York, Berlin, London: Bloomsbury Press, 2011.
9. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетея, 2007. С. 61.
10. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
11. Хомьяков А.С. О юридических вопросах. Письмо издателю «Русской беседы». В кн.: В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М.: Логос, 1997.

REFERENCES

1. Krasilova A.N. Social capital as a tool for the analysis of inequality in the Russian society. *Mir Rossii = the World of Russia*, 2007, no. 4.
2. Bourdieu P. Forms of capital. *Economic sociology*. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf.
3. Sloterdijk P. Spheres: Micropedology. T. I. Bubbles. St. Petersburg: Science, 2005. 653 p.
4. Sloterdijk P. Spheres: Microsporangia. T. II. Globes. St. Petersburg: Science, 2007. p. 833.
5. Sandell M. Liberalism and the limits of justice. URL: <http://www.peter-club.spb.ru/sandel.html>.
6. Sandell M. Justice as the right thing to do? Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. 352 p.
7. Taylor H. Crossing goals: the dispute between liberals and communitarists. URL: <http://kant.narod.ru/taylor.htm>.
8. Richard Wilkinson and Kate Pickett. The Spirit Level. Why Greater Equality Makes Societies Stronger. New York, Berlin, London: Bloomsbury Press, 2011.
9. Bourdieu P. Sociology of social space. Moscow: St. Petersburg: Institute of experimental sociology; Aletheia, 2007. p. 61.
10. Bauman Z. liquid modernity. St. Petersburg: Peter, 2008. 240 p.
11. Khomyakov A.S. Legal matters. A letter to the publisher of "Russian conversation". In the book: In search of its way: Russia between Europe and Asia. Moscow: Logos, 1997.

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-54-59
УДК 327

СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-ИСПАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Дронова Светлана Юрьевна,

старший преподаватель Департамента языковой подготовки,
Финансовый университет, Москва, Россия
sydronova@fa.ru

Аннотация. Данная статья посвящена современным отношениям между Россией и Испанией в политической и экономической сферах. Современные политико-экономические отношения между Россией и Испанией во многом обусловлены общеевропейскими тенденциями, но в то же время они отличаются стремлением к сближению.

Между двумя странами установлены достаточно прочные торгово-экономические связи, находящиеся сейчас в стадии восстановления докризисных объемов. Автор приводит данные по объемам товарооборота, экономического сотрудничества в различных сферах, анализирует существующие стратегии сохранения торговых потоков после введения санкций.

Для Испании важно правильно расставлять приоритеты и в политической стороне наших отношений. Будущее российско-испанских отношений зиждется на умелом сочетании европейских и российско-испанских интересов и постоянном дипломатическом диалоге двух стран. Исторические параллели и отсутствие крупных политических конфликтов в отношениях между Россией и Испанией способствуют двустороннему сотрудничеству. Испания относится к тем странам Евросоюза, которые хорошо настроены по отношению к России и призывает к установлению и поддержанию открытого диалога, также Испания выступает за облегчение визового режима между Россией и ЕС. Автор оценивает будущее российско-испанских отношений в целом положительно, отмечая тенденцию к нарастанию товарооборота, увеличению количества испанских предприятий на нашей территории и укреплению дипломатических отношений.

Ключевые слова: российско-испанские отношения; санкции; ЕС; Испания; экономическое сотрудничество; Российско-Испанский деловой совет

THE CURRENT STATE AND THE PROSPECTS OF THE RUSSIAN-SPANISH RELATIONS IN POLITICS AND ECONOMY: COMMONALITIES AND VARIATIONS

Dronova S. Yu.,

lecturer at the Department of Language Training, Financial University,
Moscow, Russia
sydronova@fa.ru

Abstract. The article reviews the current relationship between Russia and Spain in the sphere of politics and economy. The modern political and economic relations between Russia and Spain have resulted largely from the

general European trends, but at the same time they are distinguished by the desire to build closer partnership. The trade relations between Russia and Spain are quite strong. Now the two countries are returning the pre-crisis levels. The author provides the volume of trade and the economic cooperation in different spheres data and analyzes the existing strategies of trade flows preserving after the imposition of sanctions.

In the politics it is also important for Spain to prioritize. The future of the relations between Russia and Spain are based on the ability to accommodate the interest of both countries and to maintain political dialogue. The historical parallels and the absence of major political incidents between Russia and Spain contribute to the bilateral cooperation between them. Spain is one of those EU countries that have positive attitude towards Russia and want to build and maintain dialogue. Also Spain supports simplification of visa regulations between Russia and the EU. The author considers the future of Russia-Spain relations to be positive and having tendencies for trade flows and number of Spanish businesses increase and the consolidation of diplomatic relations.

Keywords: *Russia-Spain relations; sanctions; EU; Spain; economic cooperation; Russia-Spain Business Council*

9 февраля 2017 г. Россия и Испания отмечали 40-летие восстановления дипломатических отношений, приостановленных на долгое время из-за диктаторского режима Франсиско Франко. Первые контакты между странами относятся еще к 1519 г., в то время как стабильные дипломатические отношения были установлены после приезда в Испанию с официальным визитом российского дипломата Петра Потемкина. Постоянные послы России в Испании и Испании в России были назначены в 1722 и 1727 гг. соответственно. Первым российским постоянным дипломатическим представителем в Испании стал князь Голицын, его коллега с испанской стороны — герцог де Лириа. Дипломатические отношения между Россией и Испанией были прерваны в 1939 г. после прихода к власти Ф. Франко и восстановлены спустя два года после смерти диктатора (<https://mundo.sputniknews.com/politica/201702091066825693-moscu-madrid-aniversario/>).

Важно отметить, что в данный момент Испания не только старается налаживать двустороннее сотрудничество с Россией, но и выступает за развитие отношений между Евросоюзом и Россией, что позволило бы Испании действовать более уверенно в отношениях между нашими странами и избавило бы ее от необходимости маневрирования, о которой будет сказано ниже. По мнению министра иностранных дел Испании Альфонсо Дастиса, «Испания убеждена в том, что Евросоюзу необходимо вести диалог с Россией, которая является стратегическим партнером в решении глобальных проблем, затрагивающих всех нас и решить которые без России не удастся» (<http://inosmi.ru/politic/20170608/239545784.html>).

Альфонсо Дастис также выступил с предложением проводить в отношении России политику «двойного подхода», которая заключалась бы в установлении диалога с нашей страной при одновременном выполнении обязательств и сохранении солидарности с членами Евросоюза. Можно сказать, что именно политика «двойного подхода» сейчас определяет взаимоотношения между нашими странами, что находит свое отражение в достаточно противоречивом поведении Испанского королевства, но рассматривается им в качестве едва ли не единственно возможного пути выстраивания отношений в сложившемся европейском контексте.

Отношение Испании к России может показаться довольно неоднозначным: сближение с Москвой сопутствует поддержке санкций ЕС, меры по смягчению антироссийских настроений в ОБСЕ идут параллельно с политикой агрессии НАТО. В рамках Североатлантического союза Испания также выступает за возобновление работы Совета Россия-НАТО. Такая политика королевства в отношении нашей страны вызывает немало вопросов, в особенности у государств ЕС и у США при нарушении баланса в сторону сближения с Россией. Тем не менее Испания продолжает сохранять политический нейтралитет, стараясь не противоречить общему курсу ЕС и НАТО, но и не портить отношения со своим северным политическим и экономическим партнером, умело балансируя и преследуя свои общенациональные цели. Франсиско дэ Борха Лашерас, директор мадридского офиса Европейского совета по международным отношениям, называет испанскую политику в отношении России отчасти «политикой двуликого Януса» (http://www.ecfr.eu/madrid/post/perspectivas_desde_madrid_la_actual_politica_espanola_hacia_rusia_o_las_mul).

В отношении украинского конфликта и последовавших за ним европейских антироссийских санкций Испания заняла позицию, близкую к позиции Германии, резко осудив якобы имевшее место российское вмешательство и в особенности возвращение Крыма России. Сейчас этот вопрос снова приобрел свою актуальность в связи с каталонским кризисом. 10 ноября 2017 г. Иньиго Мэндес дэ Виго, официальный представитель правительства Испании, и Мария Долорес дэ Коспедаль, министр обороны, заявили, что имеют информацию о вмешательстве хакеров с российской и с венесуэльской территорий в ситуацию в Каталонии (<http://www.elmundo.es/espana/2017/11/16/5a0d4f1fe5fdeae40e8b46f1.html>). Российская сторона затребовала доказательств, а министр иностранных дел РФ Сергей Лавров охарактеризовал данные обвинения как «жареную сенсационную истерику» со стороны «соответствующих столиц», в которых «полно нерешенных внутренних проблем», призванную «отвлечь внимание своих избирателей от неспособности эти внутренние проблемы решить» (<http://www.interfax.ru/world/587446>).

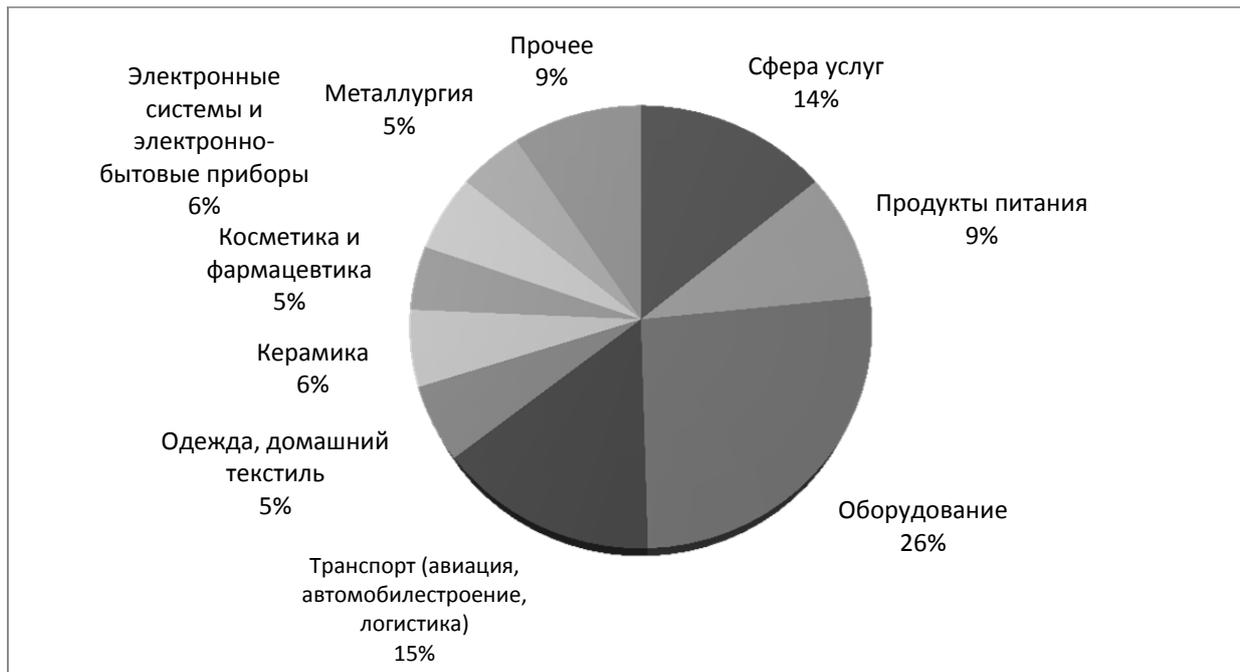
В то же время Испания как союзник НАТО приняла активное участие в операциях в Балтийском море, участвовала в перехвате российских истребителей и стала одной из баз Объединенной оперативной группы повышенной готовности НАТО.

Данные примеры показывают, с одной стороны, верность Испании международным организациям, в состав которых она входит, и боязнь потерять международную поддержку в контексте экономического кризиса, не оставляющего Испанию до сих пор. Но, с другой стороны, это сочетается в целом с положительной динамикой политико-экономических отношений между странами. Так, по данным Федеральной таможенной службы России, за последний год заметно вырос объем товарооборота между нашими странами: если с января по август 2016 г. российский экспорт в Испанию составил 1375 млрд долл. США, то за тот же период 2017 г. было экспортировано товаров на 1480,1 млрд долл. США, т.е. на 7,6% больше. Испания же ввезла в Россию товаров на 2002 млрд долл. США в 2017 г., что на 24,7% больше, чем в предыдущем (в 2016 г. речь шла о 1 605,2 млрд долл. США). Доля Испании в российском экспорте все также составляет 1% (<https://mundo.sputniknews.com/economia/201710121073123073-economia-relaciones-europa-madrid-moscu/>).

Но надо понимать, что сейчас, в любом случае, речь идет о восстановлении стабильного товарооборота: до введения антироссийских санкций и последовавших за ними ответных санкций с нашей стороны товарооборот между странами был на порядок выше: так, в 2011 г. он составлял чуть больше 10 млрд долл. США, а в 2014 г. снизился до 8900 млрд.

По мнению известного российского дипломата Алексея Мешкова, уменьшение объема отношений между Испанией и Россией связано в первую очередь с испанским правительственным кризисом, а не с санкциями (<https://mundo.sputniknews.com/espana/201701121066178869-rusia-espana-colaboracion-foro-gaidar/>). При этом он признает, что сейчас оба государства находятся на этапе политической стабильности, что позволяет ожидать активизации политических и экономических контактов между странами. Тем не менее Геннадий Иванов, заведующий кафедрой торговой политики Российского экономического университета им. Плеханова, оценивает торговые отношения между нашими странами за последние 10–15 лет как позитивные (https://es.rbth.com/internacional/espana/2017/03/16/las-sanciones-afectan-al-comercio-entre-espana-y-rusia_721023). Россия экспортирует в Испанию в основном топливо, нефть и продукты нефтепереработки. Больше половины (54%) испанского экспорта в Россию составляет машинное оборудование, механизмы, станки и транспорт, 31% испанских товаров — это продукты химической промышленности, и на третьем месте продовольственные товары (17%). При этом надо отметить, что по определенным позициям Испания занимает первые места в списке наших поставщиков, например, по поставке вагонов, буксирных судов, оливкового масла, консервированных овощей и варенья. Однако надо отметить, что поставки машинного оборудования, строительных материалов и мебели из Испании в Россию уменьшаются год от года в связи с высокой стоимостью транспортных расходов.

Несмотря на то что с введением продовольственного эмбарго у испанских поставщиков значительно ограничился ассортимент предоставляемого в Россию товара, по словам торгового представителя России в Испании Галины Курочкиной, испанские предприниматели, пе-

Сферы деятельности испанских компаний, зарегистрированных в России

ренаправив сельскохозяйственные и продовольственные товары на экспорт в другие регионы, не намерены прекращать сотрудничество с Россией и начинают открывать свои производства на российской территории (https://es.rbth.com/internacional/espana/2017/03/16/las-sanciones-afectan-al-comercio-entre-espana-y-rusia_721023).

По данным Департамента инвестиционной информации и координации Экономического и торгового отдела МИД Испании, на конец 2017 г. в России зарегистрировано 107 испанских предприятий. Из них 86 находятся на территории Москвы и Московской области (Красногорск, Мытищи, Химки, Наро-Фоминский, Одинцовский и Подольский районы), 10 — на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области (Гатчина, Тосно, Всеволожский район), а также испанские предприятия расположены в Тольятти, Нижнем Новгороде, Чебоксарах, Калуге, Новосибирске и Азове*. На рисунке можно видеть распределение этих испанских компаний по секторам. Большинство испанских компаний специализируется на выпуске различного оборудования: для производственных процессов, строительства, автомобилестроения, нефтяной и газовой отраслей, транспорта, телекомму-

никаций и пр. Значительная часть компаний работает в сфере транспорта и услуг: транспортные перевозчики, автомобиле- и авиастроение, логистика, коммерческие и консалтинговые компании, банки, компании по управлению проектами. Под пунктом «прочее» понимаются компании, являющиеся единственными представителями своей сферы: производитель мебели и сантехники, ювелирных украшений, строительного инструмента и сырья для производства пластика, дизайнерская фирма и сельскохозяйственное предприятие.

Еще одним действенным инструментом в борьбе за сохранение российского рынка у испанских производителей можно считать стремление к диверсификации, что уже становится заметно по сферам деятельности компаний, отраженных на рисунке. «Есть очень много областей, которых не коснулись санкции, где, как мы видим, другие европейские страны развивают экономическое сотрудничество. Мы видели, как год от года сокращался экспорт испанской продукции в Россию и российской продукции в Испанию. С обеих сторон было желание изменить эту тенденцию. Экономическая ситуация как в России, так и в Испании улучшилась, что позволило начать год с хороших показателей», — считает Игнасио Ибаньес, посол Испании в РФ (<https://ria.ru/economy/20170529/1495268408.html>).

* Directorio de empresas españolas establecidas en Rusia // Oficina Económica y Comercial. Departamento de Información de Inversiones y Coordinación (ICEX), Madrid: ICEX España Exportación e Inversiones, 2017.

Для установления прочных отношений в различных сферах между Россией и Испанией была создана Межправительственная смешанная Российско-Испанская комиссия по экономическому и промышленному сотрудничеству, которая состоит из пяти рабочих групп:

- рабочая группа по сотрудничеству в области экономики и инвестиций;
- рабочая группа по сотрудничеству в сфере космоса;
- рабочая группа по сотрудничеству в сфере энергетики;
- рабочая группа по сотрудничеству в сфере транспорта;
- рабочая группа по сотрудничеству в сфере туризма.

Также следует отметить обновленный в 2016 г. Российско-Испанский деловой совет, во главе которого встали председатель правления компании «Новатэк» Леонид Михельсон — с российской стороны и президент компании «Техникас Реунидас» Хосе Льядо — с испанской стороны.

Особо перспективны отношения между нашими странами в газовой сфере. Первые переговоры между российской компанией «Новатэк» и испанской Газ Натураль Феноса (Gas Natural Fenosa) состоялись еще в 2013 г., когда был подписан договор на ежегодную поставку 3,2 млрд кубометров газа в Испанию, что составляет 10% испанского потребления. Более того, Россия готова увеличить данный объем до 4,8 млрд кубометров. По словам министра энергетики РФ Александра Новака, Испания может стать газовым хабом, пунктом перераспределения российского сжиженного природного газа в Латинскую Америку.

Александр Новак заявил, что Россия и Испания обсуждают также участие российских компаний в строительстве ветровых и солнечных электростанций: «Что касается энергетики, мы подробно обсудили сотрудничество в области возобновляемой энергии, участие российских компаний в реализации масштабных программ строительства солнечной и ветровой генерации в Испании», — сказал Новак (https://www.gazeta.ru/business/news/2017/05/29/n_10106999.shtml).

В 2016 г. объем испанских инвестиций в российскую экономику составил 43,5 млн евро, а российские инвестиции в испанские компании — 65,5 млн евро. В 2015 г. испанские инвестиции в российскую экономику составля-

ли 64,32 млн евро, а в 2014 г. — 123,5 млн евро. Самая значительная за последние годы сумма инвестиций из Испании в Россию была зафиксирована в докризисном 2007 г. — 335,1 млн евро, однако это сравнительно небольшая доля от всех испанских инвестиций в иностранные компании: всего 0,49% от общей суммы инвестиций. В 2013, 2014 и 2015 гг. испанские инвестиции были направлены на поддержание химической промышленности (31%), в металлургию (27%), нефтедобычу (12%), производство транспортных средств (10%), производство металлических вещей, в том числе деталей механизмов (8%) и др. В 2014 г. Испания занимала 24-е место среди иностранных инвесторов в России, испанские инвестиции составляли 0,98% всех иностранных инвестиций в нашей стране.

Согласно последним данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) Россия занимает 15-е место в рейтинге стран-инвесторов с 27,271 млрд долл. США в 2016 г., что чуть больше, чем в 2015 г. (27,090 млрд долл. США), однако далеко от тех 70,685 млрд долл. США, что Россия инвестировала в иностранные компании в 2013 г. ЮНКТАД также отмечает, что Россия занимает 12-е место по входящим прямым иностранным инвестициям с 37,668 млрд долл. США иностранного капитала в 2016 г., что составляет более 200% полученного в 2015 г. (<https://www.icex.es/icex/es/navegacion-principal/todos-nuestros-servicios/informacion-de-mercados/paises/navegacion-principal/el-pais/relaciones-bilaterales/index.html?idPais=RU>). Это свидетельствует об увеличении доверия иностранных вкладчиков к российской экономике. Испания — одна из стран, которые больше других пострадали от экономического кризиса, поэтому период ее восстановления длится до сих пор, и мы можем ожидать большей инвестиционной активности по отношению к российским предприятиям в перспективе ближайших 3–5 лет.

Очень важное значение для двусторонних отношений между нашими странами имеет туризм, причем не только Испания является традиционно популярной дестинацией для русских туристов, но и Россия стремится повысить свою привлекательность в глазах испанских туристов: период 2015–2016 гг. был объявлен годом русского языка в Испании и испанского языка в России, а период 2016–2017 гг. стал перекрестным годом туризма Россия-Испания.

Прошел ряд мероприятий, повышающих имидж наших стран для потенциальных туристов. По словам Хосе Мануэля Сории, «Россия для Испании — приоритетный рынок и играет очень важную роль при планировании туристской политики». В январе 2017 г. в Мадриде открылся национальный офис по туризму Visit Russia.

Испания продолжает привлекать российских туристов, в первую очередь качеством обслуживания. Отчасти на приток российских туристов в Испанию влияет также нестабильность таких популярных среди наших соотечественников направлений, как Египет и Турция. По данным Национального Института Статистики (НИС), в 2016 г. Испанию посетили 1 007 709 российских туристов, (что на 2,2% больше, чем в 2015 г.), которые провели в стране на 7,7% больше дней, чем в 2015 г.: в 2016 г. средняя продолжительность отдыха составила 11,4 дня. В основном российские туристы выбрали в качестве дестинации Каталонию (55,46%), Валенсию (10,2%), Канарские острова (8,39%) и Мадрид (8,1%). НИС также приводит данные по тратам российских туристов: в среднем в Испании российский турист оставлял чуть более 1600 евро, средняя же сумма ежедневных покупок — 146 евро. Российский туризм в Испании составляет 2,2% от всего въездного туризма в стране (<https://www.icex.es/icex/es/navegacion-principal/todos-nuestros-servicios/informacion-de-mercados/paises/navegacion-principal/el-pais/relaciones-bilaterales/index.html?idPais=RU#10>).

Как мы видим, между Испанией и Россией установлены достаточно прочные торгово-экономические связи, находящиеся сейчас в стадии восстановления докризисных объемов. Но для Испании сейчас важно правильно расставить приоритеты и в политических отношениях между нашими странами. Будущее российско-испанских отношений зиждется на умелом сочетании европейских и российско-испанских интересов и постоянном дипломатическом диалоге двух стран. По мнению Эмилио Ламо дэ Эспиноса, известного испанского социолога и президента Королевского института международных и стратегических исследований Элькано (Испания), исторические параллели и отсутствие крупных политических конфликтов в отношениях между Россией и Испанией способствуют двустороннему сотрудничеству между нашими странами: «Мы на одной волне, потому что между нами никогда в истории

не возникало конфликтов, на волне взаимной симпатии и понимания, что, конечно же, можно использовать и что заметно облегчает и способствует нашему сотрудничеству» (<https://mundo.sputniknews.com/politica/201701131066203432-rusia-espana-politica-relaciones>).

С другой стороны, он отмечает и то, о чем мы писали ранее: членство Испании в НАТО и ЕС значительно осложняет выстраивание более тесных отношений между Москвой и Мадридом и «создает напряженность и проблемы в отношении России».

Однако во время своего выступления на Гайдаровском форуме 9 января 2018 г. сеньор Ламо дал ясно понять, что Испания относится к тем странам Евросоюза, которые хорошо настроены по отношению к России и призывают к установлению и поддержанию открытого диалога. В том числе Испания выступает за облегчение визового режима между Россией и ЕС. При этом, по словам эксперта, ЕС и Россия на данном этапе «находятся в худших отношениях со времен холодной войны, характеризующихся взаимным разочарованием и недоверием», но Россия является важным коммерческим партнером для Евросоюза, а также «есть сферы, в которых сотрудничество между РФ и ЕС просто необходимо и было бы неразумно пренебрегать им». Речь идет в первую очередь о борьбе с терроризмом, о нераспространении ядерного оружия, поддержании мира на Ближнем Востоке и включении Китая в международный политический диалог по вопросам безопасности и торговли.

Таким образом, мы снова возвращаемся к упомянутой ранее «политике двуликого Януса», столь характерной для современной Испании в отношении России. Однако в контексте нынешнего достаточно ощутимого кризиса в Европе, который из глобального экономического кризиса перешел в кризис евро и еврозоны, а теперь сменяет свой фокус с экономики на политику и переходит в кризис Европейского союза, развитие двусторонних дипломатических и экономических отношений между Испанией и Россией становится стратегически важным вопросом. Мы оцениваем будущее российско-испанских отношений в целом положительно, с тенденцией к нарастанию товарооборота, увеличению количества испанских предприятий на нашей территории и укреплению дипломатических отношений.

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-60-64

УДК 316

МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНЫЕ ЛЕСТНИЦЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЛИФТЫ

Яковлева Анастасия Дмитриевна,

студентка 4-го курса факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
yakovlevaanastasiad@gmail.com

Аннотация. Социально-экономическое неравенство присуще любому обществу. С одной стороны, оно открывает возможности для конкуренции и прогресса, а с другой – создает напряженность и враждебность менее успешных индивидов по отношению к более успешным. Одним из первых, кто заговорил о стратификации и социальной мобильности, существующих в обществе, был русский ученый Питирим Сорокин. Он же ввел в науку такие понятия, как «социальная лестница» и «социальный лифт». В результате работы этих механизмов индивид может повысить или понизить свой социальный статус. Однако новое положение индивида не всегда одобряется и принимается обществом. Люди, в большинстве своем, принимают и уважают приобретенный человеком высокий статус только тогда, когда он был заработан долгим и упорным трудом. Быстрое и стремительное восхождение человека сопровождается подозрениями и презрением со стороны социума. В статье представлен анализ необходимости разграничения понятий «социальная лестница» и «социальный лифт». Путь по социальной лестнице долог и тернист, но одобряем и уважаем обществом. В то время как социальный лифт способен быстро вознести человека на «Олимп», однако это яркое восхождение у людей ассоциируется с нечестными и незаслуженными способами достижения цели. В статье выявлены причины такого восприятия терминов социальной мобильности большинством населения РФ, а также обоснованы критерии разделения понятий «социальная лестница» и «социальный лифт».

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство; мобильность населения; социальные лестницы; социальные лифты

MOBILITY OF POPULATION AS A FACTOR OF STABILITY OF SOCIETY: SOCIAL STAIRS AND SOCIAL LIFTS

Yakovleva A.D.,

Student at 4th course Faculty of Sociology and Political Science, Financial University, Moscow, Russia
yakovlevaanastasiad@gmail.com

Abstract. Socio-economic inequality is inherent to any society. On the one hand, it opens up opportunities for competition and progress, on the other hand, it creates tension and hostility between less successful individuals towards more successful. One of the first people to talk about stratification and social mobility that exist in society, was a Russian scholar Pitirim Sorokin. He introduced to the science such concepts as “social ladder” and “social lifting”. As a result of this mechanisms, the individual can raise or lower his status. However, the new position of the individual is not always approved and accepted by society. People, for the most part, accept and respect the high status acquired by a person only when it was earned by long and hard work. The fast and rapid ascent of a person is accompanied by suspicion and contempt by the great part of society. The article presents an analysis of the necessity to distinguish the concepts of “social ladder” and “social lifting”. The way up the “social ladder” is long and thorny, but welcome and respected by society. At the same time, as a social lifting is able to raise a man to the Olympus quickly, however, this bright ascent is associated by many of us with an unfair and undeserved ways to achieve the goal. The article reveals the reasons of such perception of social mobility terms by the majority of the Russian population, also the criteria of separation of the concepts of “social ladder” and “social lifting” is identified in this work.

Keywords: socio-economic inequalities; social mobility; social ladders; social lift

Экономическое и социальное неравенство, существующее в современном мире, с одной стороны, порождает социальное недовольство и напряжение, с другой — служит стимулом для развития экономики и прогресса, ведь именно неравенство заставляет людей бороться за улучшение своих позиций в обществе. Возможность улучшить свое положение доступна благодаря наличию таких механизмов, как «социальные лестницы» или «социальные лифты». Впервые к теме социальной мобильности обратился известный русский социолог Питирим Сорокин, который определял ее как любой переход от одной социальной позиции к другой посредством какой-либо деятельности [1]. Сегодня социальная мобильность осуществляется именно с помощью так называемых социальных лифтов и социальных лестниц. Однако говорить о таких актуальных проблемах, как социально-экономическое неравенство, социальная стабильность и качество жизни общества невозможно, не понимая тех механизмов, которые участвуют в этих процессах. Поэтому следует разграничить понятия «социальный лифт» и «социальная лестница» для того, чтобы появилась возможность глубже проанализировать феномен социальной мобильности [2].

Согласно теории П. Сорокина, социальная мобильность бывает горизонтальной и вертикальной. Под горизонтальной социальной мобильностью подразумевается переход индивида из одной социальной группы в другую, расположенную на том же уровне. Под вертикальной социальной мобильностью подразумеваются отношения, возникающие при перемещении индивида из одного социального слоя в другой [2]. В зависимости от направления перемещения существует, согласно П. Сорокину, два типа вертикальной мобильности: восходящая и нисходящая, т. е. социальный подъем и социальный спуск (http://pidruchniki.com/1237011035989/sotsiologiya/teoriya_sotsialnoy_mobilnosti). Изменение социального статуса возможно благодаря агентам социальной мобильности — социальным лифтам и социальным лестницам. А в роли механизмов мобильности выступают социальные институты или конкретные индивиды. Именно через них приводятся в действие «лифты» и «лестницы».

Социальный лифт — это социальный институт, помогающий изменить свое положение в обществе. В результате работы социальных

лифтов люди могут вознестись даже на самую вершину политической и экономической власти за очень короткий период, минуя промежуточные «этажи». Как показывает опыт, особенно интенсивно социальные лифты начинают работать в периоды революций, войн, глубоких и быстрых структурных реформ, которые, в свою очередь, вызваны предшествующим кризисом. История знает немало примеров, когда ничем не примечательный человек в одночасье становился значимой в обществе фигурой. Максимилиан Робеспьер — один из наиболее известных и влиятельных политических деятелей Великой французской революции — в 34 года фактически возглавил правительство Французской Республики. Интересно, что за 3 года до этого, накануне революционных действий, он был ничем не примечательным адвокатом в провинции. Другим примером может служить известная всем судьба Александра Меньшикова, который был простым слугой Петра Первого, а после его воцарения стал вторым человеком в стране. После смерти Петра I некоторое время Меньшиков был фактическим правителем России, хотя при этом так толком и не научился грамоте. Современная РФ также знает примеры работы социальных лифтов в эпоху структурных перемен и реформ: Анатолий Чубайс, попав в нужное русло в период перемен в стране в 1991 г., уже в 36 лет стал идеологом и куратором ваучерной приватизации, а позже занимал различные ключевые посты в российском государстве и государственных компаниях.

Самым характерным на сегодняшний день примером является быстрый взлет военных и политических деятелей в постмайданной Украине. Так, российский доброволец Арсен Павлов по прозвищу Моторола, работавший на автомойке в Ростове-на-Дону, за короткое время стал полковником вооруженных сил, получил высшую государственную награду героя ДНР, известность и признание миллионов жителей республики.

Таким образом, можно говорить о том, что социальный лифт, подобно обычному лифту, возносит человека вверх, минуя промежуточные этапы и «этажи». То, что другим людям кажется недостижимым или требует долгого карьерного роста и труда, оказывается вполне доступным простому гражданину, достаточно только сесть в «правильный лифт» или воспользоваться «правильным» агентом социальной мобильности, связи, которого приведут к успеху. Для социальных лифтов также характерно влияние субъек-

тивных факторов. Зачастую именно способность индивида к коммуникации, удачные знакомства и договоренности позволяют ему попасть в социальный лифт.

Несмотря на возможность быстрого «взлета» с помощью социального лифта, стоит отметить, что в глазах большинства людей такие «счастливчики» имеют сомнительную легитимность, что, в свою очередь, создает массу проблем для тех, кому удалось подняться. Со стороны подъем человека через социальный лифт выглядит как ничем не заслуженное получение престижного социального статуса. Большинство людей воспринимают получение человеком определенной должности или благосостояния через социальные лифты как удачу, блат, коррупцию и не видят в этом персональных заслуг. Так, например, широкие слои населения России весьма негативно относятся к российским миллиардерам, появившимся в стране в 1990-е гг. За короткое время они заработали такие состояния, на которые при других экономических условиях потребовалось бы труда нескольких поколений. Та нестабильность и отсутствие жестких законов, которые помогли некоторым из них «вырваться наверх», в то же время сформировали в сознании обычных людей прочную ассоциативную связь богатства не с трудом, а с бандитизмом и мошенничеством. Эти стереотипы существуют и по сей день. Хотя никто доподлинно не знает о способах и социальных агентах, с помощью которых тот или иной олигарх стал таковым, сам факт его быстрого восхождения играет решающую роль, формируя негатив в обществе. Этот же стереотип распространяется и на тех бизнесменов, которые честно достигли своего статуса и состояния собственным трудом.

Это подтверждают социологические опросы. Несмотря на то что социологи не часто проводят опросы, выявляющие отношение россиян к богатым людям, такие опросы все же есть. Так, ВЦИОМ в 2002 и 2003 гг. проводил исследование по теме «Массовые чувства к сверхбогатым россиянам» [3]. Во многом это было вызвано запросом власти на «равноудаление» олигархов. В ходе опроса выяснилось, что хотя безразличное отношение к сверхбогатым согражданам составляет 38%, в ряду равнодушных отношений преобладало возмущение и даже ненависть. У каждого второго (49%) — негативные чувства, из них чувство ненависти по отношению к сверхбогатым возникало у 28% опрошенных. В ходе социологического

исследования в 2003 г. ситуация оставалась аналогичной, без существенных подвижек. Интересен также опрос «Левада-Центра», проведенный в 2005 г. по теме «Отношение россиян к богатым людям» (http://pidruchniki.com/1237011035989/sotsiologiya/teoriya_sotsialnoy_mobilnosti). Интересно, что в исследовании была приведена градация позитивного (уважение, интерес, сочувствие), негативного (раздражение презрение, ненависть) и нейтрального отношения граждан по социально-демографическим группам. Согласно опросу наиболее позитивно к богатым людям относится молодежь (18–24 года) — 46% (41% молодежи к богатым относится нейтрально). С возрастом отношение к богатым смещается в сторону отрицательного и резко негативно: представители поколения от 55 лет и старше воспринимают разбогатевших людей с раздражением, ненавистью и презрением (44%). В 2016 г. ВЦИОМ провел исследование, посвященное социальным противоречиям в современной России (<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115947>). В ходе исследования выяснилось, что большинство опрошенных (86%) считают, что в российском обществе существует взаимная неприязнь богатых и бедных, что также косвенно подтверждает факт существования устойчивых общественных стереотипов по отношению к успешным людям, которые «выбились наверх». Помимо этого, хочется также уделить внимание опросу Фонда «Общественное мнение» по теме: «Богатство и богатые», опубликованному в феврале 2015 г. (<http://fom.ru/TSennosti/12055>). Так, согласно данным опроса 45% россиян считают, что разбогатеть им не дано, однако такие настроения преобладают у пожилого населения, в то время как молодые люди и представители среднего возраста (31–45 лет) считают возможность разбогатеть в стране весьма вероятной (30% молодых и 18% граждан в возрасте 31–45 лет). Желание разбогатеть и вера в то, что этого можно достичь взаимосвязаны. Основываясь на этих данных, можно сказать, что присутствует положительная тенденция: существование социальных лифтов придает молодежи веры в возможность разбогатеть и перейти на другой социальный уровень, в то время как люди среднего возраста такую возможность также не исключают, ведь благодаря существованию социальных лестниц у них есть время сделать успешную карьеру. Помимо этого, в ходе опроса был задан вопрос: «Кто, какие люди, на ваш взгляд, имеют больше всего шансов стать

богатыми?», что позволяет выявить образ богатого человека в массовом сознании. Так, несмотря на то, что многие (19%) считают, что богатыми становятся целеустремленные, активные, настойчивые, пробивные люди, 13% по-прежнему отмечают, что богатыми становятся люди бессовестные, наглые, вороватые, с криминальными наклонностями, которым присущи жестокость, беспринципность, хитрость, а 7% утверждают, что главное в достижении богатства — удача, «путеводная звезда», появление в нужное время в нужном месте. Довольно часто люди отмечали сопутствующие факторы как основную причину богатства (6%): «у кого есть блат сверху», «люди со связями», «у кого больше знакомств». Таким образом, данные исследования подтверждают существование ряда установок по отношению к богатству и достижению успеха в обществе. Несмотря на существование ассоциации богатства с целеустремленностью и настойчивостью, россияне связывают достижение данного социального уровня со связями, удачей и мошенническими методами.

Как показывает практика, на социальных лифтах могут «возноситься» люди харизматичные, амбициозные, предприимчивые и зачастую умные, однако необремененные опытом. Примечательно, что социальные лифты характерны подъемом преимущественно вверх. Вниз социальный лифт может опуститься, только если «оборвался трос», т.е. если человек в одночасье потерял все, что имел из-за структурных качественных сдвигов в обществе или собственных тактических и стратегических ошибок. Ярким примером может служить ситуация с экс-президентом Украины Виктором Януковичем, который в определенный момент неправильно расставил приоритеты и допустил ряд существенных ошибок. В итоге цветной революции на Украине он был свергнут со своего поста и вынужден бежать в Россию. В этой связи стоит подчеркнуть, что активизация социальных лифтов зачастую порождается нестабильностью и определенной смутой в обществе, временем кардинального слома сложившихся до этого социальных и экономических отношений. Когда в обществе происходит отрицание всего предыдущего накопленного опыта, формируется требование чего-то абсолютно нового, что позволяет некоторым представителям социума сделать быструю, а нередко головокружительную карьеру.

Что же касается социальных лестниц, хочется отметить, что, в отличие от лифтов, они требуют

накопления и самостоятельного применения практического опыта. Социальные лестницы — это легальная возможность смены социальной роли или статуса, возможность улучшения (ухудшения) своего положения в обществе, способствующая и восходящей, и нисходящей социальной мобильности. Если в случае с социальными лифтами во многом решающие факторы — субъективные, то в случае с социальными лестницами они более объективны. Подъем по социальным лестницам осуществляется в основном через традиционные социальные институты, именно они являются агентами социальной мобильности. Можно выявить факторы, на которых базируется доступность социальных лестниц:

- Возможность получения качественного образования, что позволяет молодым людям приобрести высокую квалификацию и быть конкурентоспособными на рынке труда.
- Рост экономики — этот фактор делает молодых людей востребованными на рынке труда.
- Конкуренция на политическом и экономическом полях всех уровней, ведь наличие реальной конкуренции не позволяет отдельным группам или кланам монополизировать экономическую и политическую власть, что дает возможность молодежи продвигаться по карьерной лестнице.

Помимо достижения чисто практических целей, социальные лестницы несут еще и важную психологическую нагрузку — они создают ощущение надежды и движения вперед. Сама возможность легального и доступного подъема делает мир в глазах людей более справедливым, несмотря на присутствующее экономическое неравенство, даже если этой возможностью они не воспользовались. Наличие в обществе социальных лестниц способствует социальной стабильности, порождает мысль: «не получилось у меня, получится у детей или внуков». В отличие от социальных лифтов, восхождение человека по социальным лестницам воспринимается в обществе с уважением и почетом. Человек, достигший должности или звания, например, в течение 10 лет делая карьеру в одной и той же организации, у общественности будет ассоциироваться с трудом и справедливостью, даже если на самом деле свою работу все 10 лет он выполнял не слишком эффективно. Примечательно, что даже то движение по социальной лестнице, которое не привело к успеху или существенному изменению социального статуса, а может и вовсе было провальным, в глазах общества все равно заслужи-

вает уважения. Так, в случае, когда человек имел цель стать начальником отдела в компании и взял на вооружение тактику поэтапного карьерного роста, но не достиг цели и за всю свою карьеру продвинулся в целом не высоко, его выслуга лет и опыт в глазах общества все равно сыграют ему в плюс. В это же время, если молодой специалист, с аналогичной целью приходя в компанию, оперируется с нужными людьми и, единожды выступив с успешным проектом, тут же взмывает вверх и занимает должность начальника отдела, в глазах коллектива обретает репутацию «везунчика», но не уважаемого специалиста. Общество не обращает внимания на те качества, которые позволили человеку попасть в социальный лифт, в основном люди концентрируются на затраченном человеком времени и усилиях и на самом факте скоротечности его карьерного роста. При прочих равных условиях они больше уважают не умение с наименьшими затратами достигать своих целей, а трудолюбие и стабильность, даже если это не приводит к высоким результатам.

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что отсутствие социальных лестниц и социальных лифтов в обществе указывает на его кризисное, тяжелое состояние. В таком обществе назрели перемены, так как отсутствуют социальная справедливость и мобильность, возможность для непривилегированных категорий граждан улучшить свое положение. В обществе с доступом исключительно к социальным лестницам возможность быстро построить состояние или занять высокий пост стремится к нулю, однако такое общество является достаточно стабильным. В свою очередь, присутствие большого количества социальных лифтов свидетельствует о глубоких, острых и в основном болезненных

структурных трансформациях, которые происходят в общественной жизни. В таком обществе социальное напряжение находится на высоком уровне и в зависимости от числа тех, кто будет «вырываться вверх» посредством социальных лифтов, это напряжение либо со временем спадет, либо разгорится с новой силой.

Для поддержания стабильного общества необходимо расширять социальные лестницы и те каналы, которые способствуют подъему по этим лестницам. Прежде всего, это доступность качественного образования, понятная структура кадровой иерархии на предприятиях и в организациях, отсутствие системы блага в государственных социальных институтах. В здоровом обществе необходимо активное «строительство» социальных лестниц для того, чтобы у людей была возможность и стимул постепенно и поэтапно продвигаться вверх. Однако наличие социальных лифтов в инновационном обществе также необходимо и также может приносить пользу, ведь примеры яркого и быстрого восхождения могут служить хорошим стимулом к действию и дерзанию для молодых поколений. Социальные лифты — надежда для амбициозной молодежи, которая стремится внедрять инновации, изобретать новые способы заработка, не боится предлагать свои идеи и активно участвует в новых проектах, так как в этом плане появляется шанс быстро и качественно сменить свой социальный статус и достичь успеха уже в молодом возрасте. Тем не менее количество социальных лифтов необходимо ограничивать для сохранения общей стабильности и спокойствия социума, так как большинство населения выбирает и, соответственно, уважает стабильность и поэтапное достижение каких-либо целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 302–373.
2. Романова К. С. Социальные лифты как средство социальной мобильности // Дискурс-Пи. 2015. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-lifty-kak-sredstvo-sotsialnoy-mobilnosti> (дата обращения: 28.09.2017).
3. Голов А. А. Массовые чувства к сверхбогатым россиянам: спокойствие и ненависть. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=199> (дата обращения: 01.11.2017).

REFERENCES

1. Sorokin P. Human. Civilization. Society. Moscow, 1992, pp. 302–373. (In Russ.).
2. Romanova K. S. Social lifts as a means of social mobility // Discourse-Pi. 2015. No. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-lifty-kak-sredstvo-sotsialnoy-mobilnosti> (accessed 28.09.2017). (In Russ.).
3. Golov A. A. Mass feelings for the super-rich Russians: peace and hatred. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=199> (accessed 01.11.2017). (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-65-71

УДК 32

ИДЕИ ЖЕРТВЕННОСТИ В УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ: ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ

Пылова Ольга Андреевна,

студентка факультета международных отношений и зарубежного регионоведения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Olga.pylova@yandex.ru

Аннотация. Сложившаяся на Украине политическая ситуация и перспективы ее развития уже долгое время представляют интерес как для ее ближайших соседей, так и для международного сообщества. Однако сегодняшнее положение дел не может быть рассмотрено в отрыве от истории становления украинской национальной идентичности. Ключевую роль в становлении нации и формировании ее основных интересов играет национальная идея. Исходя из этого, важно понимать, какую национальную идею выдвигают на первый план современные украинские политические элиты для того, чтобы консолидировать народ. В статье описаны основные исторические этапы формирования национального самосознания украинцев и, соответственно, национальной идеи. Анализируется, насколько естественно формировалась идея жертвенности и ущемленности украинского народа, которая нередко используется в качестве национальной идеи современными украинскими идеологами и политиками. Процесс ее становления занял несколько столетий – примерно с начала XVII в. и прошел целый ряд этапов в своем становлении.

Ключевые слова: национальная идея; политическая мифология; Украина; идея жертвенности; независимость

THE ROOTS AND EVOLUTION OF UKRAINIAN NATIONAL IDEA OF VICTIMHOOD IN UKRAINIAN POLITICAL MYTHOLOGY

Pylova O.A.,

student of Faculty of International Relations and Regional Studies,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Olga.pylova@yandex.ru

Abstract. Modern political crisis in Ukraine and possible ways out of it attract attention of Ukraine's neighbors and the whole international community. However, today's situation cannot be analyzed without referring to the history of Ukraine's national identity idea formation. A national idea plays the main role in the process of the development of the nation. According to this fact, that is essential to realize which national idea is used by Ukrainian political elite today to consolidate the whole nation.

The main historical stages of Ukrainians' national self-consciousness formation are described in the article. It is also analyzed how naturally the idea of "victimhood" was formed in Ukrainian society. The process of its establishment took several centuries (circa since the beginning of XVII century) and experienced a number of stages on its way to what we can witness now. Today the idea of "victimhood" is often presented as Ukrainian national idea by most of Ukrainian politicians.

Keywords: victimhood; national idea; self-consciousness; Ukraine

Украинские политики в последние годы все чаще оперируют терминами «антиукраинская агрессия», «ущемление прав украинского народа» и «унижение Украины» (<https://www.youtube.com/watch?v=eNQUXrEPXMo>). Создается впечатление, что украинские государственные деятели специально сгущают краски для того, чтобы их страна казалась как можно более несчастной и обиженной, своего рода «жертвой» других государств и самых разных обстоятельств. Но в то же время очевидно, что такой образ Украины формировался не последние 30 лет и далеко не одним поколением политиков и общественных деятелей. Нынешняя украинская политическая мифология в целом и история идеи «Украины-жертвы» в частности уходит корнями в события многовековой давности. Однако вопрос еще и в том, как эта идея использовалась и трансформировалась за время своего существования, и, самое главное, в том, кому и зачем нужно поддерживать такой образ Украины сегодня?

Идея ущемленности и жертвенности украинского народа возникает (хотя еще четко не формулируется) в начале XVII в. В этот период территории современной Украины в своем большинстве входили в состав Речи Посполитой, испытывали гнет со стороны польского правительства — полонизацию, окатоличивание и разного рода ограничения прав украинского казачества. В 1648 г. недовольство жизнью «под гнетом польского ига» вылилось в восстание, а затем и в освободительную войну Богдана Хмельницкого. Война, завершившаяся получением украинскими территориями широкой автономии в составе Российского государства, однако, не решила проблемы.

Вопрос принадлежности украинских земель и прав украинцев был фактически решен, но после смерти Б. Хмельницкого украинские правящие круги поспешили позаботиться о собственных интересах и попытались наладить отношения с Польшей, правительство которой обещало украинскому гетману и его ближайшему окружению титул, земли и широкую власть [1]. Как известно, эта история закончилась утратой доверия со стороны Москвы, а также почти веком перехода украинских земель под власть то одного, то другого государства. Важно заметить, что все три государства, в состав которых входили тогда территории нынешней

Украины, имели совершенно разную культуру и религию. При этом были попытки властей этих государств распространить свои обычаи на украинские земли. На мой взгляд, именно в этот момент идея «Украины-жертвы» получила свое развитие. Во-первых, эти территории находились в перманентном мобилизационном режиме. Более того, они переходили под власть того или иного государства с завидной регулярностью. Вдобавок к этому, в большинстве случаев масштаб автономии Гетманщины не устраивал ее власти — стремление местных элит к независимости было основополагающим. Относительная стабильность в этом вопросе наступила только к 1764 г. — Гетманщина фактически перестала существовать после упразднения Екатериной II титула гетмана, а территории Правобережной Украины остались под властью Речи Посполитой и потеряли всякую автономию.

Существует еще одна причина того, почему среди украинцев того времени была так популярна идея жертвенности и несправедливого к ним отношения. Исторически сложилось так, что неэлитные украинцы чаще всего относились к крестьянскому сословию, занимались сельским хозяйством. Тому причиной явились плодородность здешних земель, близость рек и мягкий климат. Но крестьянство того времени (не имеет значения, проживало ли оно на территории Украины, современной России или Беларуси) подвергалось эксплуатации как со стороны помещиков, так и государства (панщина, барщина и закрепощение). Возможно, именно на этом фоне зародилась и стала развиваться идея ущемления прав украинцев как нации, хотя фактически происходившие процессы являлись социальным, а не национальным угнетением. Этот период истории Украины ярко описывал Иван Котляревский. В своей пьесе «Наталка Полтавка» он говорит «...всякий, кто выше, тот низшего гнет. Сильный бессильного давит и жмет. Бедный богатому верный слуга, корчится, гнется пред ним, как дуга» [2]. Едва ли здесь прослеживается вопрос национального угнетения, скорее поднимается проблема социального неравенства. Если идея национальной ущемленности и существовала в тот период в Малороссии, она не была четко сформулирована даже в литературе. У И. Котляревского в одном из самых знаменитых его произведений «Энеида» речь идет об оптимизи-

стичном, отважном, верном, честном и добром козаке [3] — пессимизм и хроническое недовольство жизнью появилось несколько позже.

У истоков уже сформулированной идеи «Украина-жертва» стоят такие видные деятели XIX в. и члены знаменитого Кирилло-Мефодиевского братства, как Пантелеймон Кулиш и Николай Костомаров. Именно в их «Книзі буття українського народу» впервые была выдвинута мысль о том, что украинцы — единственная славянская нация, которая не приемлет угнетения одних слоев населения другими [4].

Главная цель украинского народа, по мнению составителя «Книги буття», — жить в мире с другими славянскими народами без «панов и царей». Автор страдает из-за того, что Польша и Россия Украину разделили по Днепру и казачество ликвидировали, но уверен, что Украина однажды поднимется, панство исчезнет, а будет единая славянская держава. Здесь уже прослеживается идея не независимости, а, наоборот, создания славянской федерации, но в которой все будут иметь равные права. Идея жертвенности в это время имела оттенок недовольства не соседними странами, а правящими в них режимами, но в любом случае она была официально сформулирована. То есть под «жертвой» подразумевалось не только украинское крестьянство, но и российское, и польское, а в качестве врагов фигурировали не польский и российский народ, а паны и цари. В целом же можно говорить о том, что украинская творческая элита поддерживала идею жертвенности и выступала за независимость.

Ситуация несколько изменилась уже во второй половине XIX в. Кирилло-Мефодиевское братство распалось, а его члены подверглись тюремному заключению или были сосланы. Но, вернувшись из ссылки, многие из его деятелей стали заниматься созданием громад — полугальных либеральных культурно-просветительских организаций украинской интеллигенции. Первая громада появилась в 1859 г., вскоре их насчитывалось уже около сотни в Киеве, Харькове, Полтаве, Чернигове и других городах. Члены громад занимались изучением всего украинского — истории, культуры, традиций. В особенности это касалось истории казачества на Украине — этой теме уделялось особое внимание, казачество прославлялось, ставилось в пример как образец свободолюбия и стремления к независимости.

Начало XX в. оказалось серьезным испытанием для Украины. Создававшиеся одна за другой партии часто расходились в ключевых вопросах. Идею «Украины-жертвы» в то время активно продвигали члены Революционной украинской партии (создана в 1900 г.) — они ставили целью обретение Украиной независимости, а среди прочих лозунгов особую популярность имел лозунг «Украина для украинцев» — как знак того, что уже многие годы Украина стремилась избавиться от любого зарубежного вмешательства и негативного влияния со стороны поляков или русских*. Интересной представляется деятельность созданной в 1907 г. Украинской партии социалистов-революционеров. Одним из главных положений их программы было уничтожение национального гнета.

В 1914 г. во Львове было опубликовано знаменитое заявление Главной украинской рады (ГУР). Согласно манифесту войны, в которой страдает, в том числе, украинский народ, хочет российский царь; Россия — это исторический враг Украины; российские цари нарушили Переяславский договор и пытались отобрать у поработенной Украины ее душу; победа Австро-Венгерской империи в войне будет победой украинского народа [5]. То есть на Западной Украине идея притеснения со стороны Российской империи была весьма популярна среди правящих кругов, в отличие от идеи притеснения украинского народа Польшей. В то же время адепты украинских идей поддерживали австро-венгерский террор против пророссийских сил и русского меньшинства. Ярким тому примером служат существовавшие в начале XX в. концентрационные лагеря для русских Талергоф и Терезин.

На восточных и западных землях сформировались абсолютно разные социокультурные поля, которые и препятствовали объединению. Большая часть украинского народа проживала на территории Российской империи, где рост национального самосознания был замедлен из-за проводившейся политики русификации, а также вписанности местной элиты в имперскую жизнь. Западные украинцы, в свою очередь, долгие годы принадлежали Австро-Венгрии, внутреннюю политику которой едва ли

* Политические партии России: конец XIX — первая треть XX века. М., 1996.

можно назвать поощряющей развитие украинской культуры.

В результате несовпадение политических и социокультурных взглядов, разрозненность взглядов западных и восточных украинских правящих кругов и отсутствие единения среди простых граждан помешали созданию единого государства в период Первой мировой войны и революций. Ответственность за это в украинской научной литературе обычно возлагается на Россию, которая не позволила Украинской народной республике (УНР) просуществовать долгое время и старалась подчинить себе все украинские земли. Однако об этом канадский историк украинского происхождения Орест Субтельный писал: «...УЦР (Украинская центральная рада) потратила массу времени на бесконечные споры о пределах своей власти, одновременно игнорируя такие наболевшие вопросы, как сохранение правопорядка» [6].

То есть историк подчеркивает, что, даже получив определенную самостоятельность, украинские элиты не смогли ее удержать, задумываясь больше об увеличении своих владений, чем о грамотном управлении теми землями, которые уже оказались под их властью. То есть УНР и ЗУНР не смогли просуществовать дольше во многом из-за влияния не только внешних факторов (зависимость от Германии, непризнание мировым сообществом), но и из-за проблем, уничтоживших их изнутри. Несовершенство системы власти и ее несинхронизированность привели к ее скорому падению.

Вскоре после того, как большевики провозгласили Украинскую советскую республику, УЦР издала свой IV и последний Универсал, в котором обвиняла Совет народных комиссаров РСФСР в агрессии против УНР. И снова возникает вопрос: настолько ли этнических украинцев волновали вопросы притеснения их нации поляками или русскими? Партии и движения, возникавшие на территории УНР и ЗУНР (Западно-Украинская Народная Республика) в начале XX в., делали ставку в основном на «национальное самосознание» украинцев и на этом фоне пытались объединить страну, чтобы потом привести ее к независимости. Здесь уместно вспомнить слова из обращения Центральной Рады к украинскому народу 22 марта 1917 года: «...сорваны вековые цепи, пришла воля ко всем угнетенным людям, ко всем поработанным нациям России» ([http://studbooks.](http://studbooks.net/44767/istoriya/istoricheskie_istochniki)

[net/44767/istoriya/istoricheskie_istochniki](http://studbooks.net/44767/istoriya/istoricheskie_istochniki)). Но большевики сделали свою ставку на классовое самосознание. А проблема классового неравенства и притеснений оказалась гораздо более близкой для населения Украины.

Именно под этой идеей удалось собрать земли пусть и не совсем в независимое, но уже в единое государство. В 1919 г. председатель Совнаркома Украины Х. Раковский заявил «...и ребенку понятно, что без торжества Советской России не было бы и Советской власти на Украине» [6]. В похожем русле высказался и Л. Троцкий в 1920 г.: «Советская власть на Украине продержалась... в основном силой Москвы, великорусских коммунистов и Красной Армии» [6]. Получается, создание территориально-политического проекта Украины удалось во многом благодаря России, но политика украинских лидеров вот уже несколько лет направлена на отрицание этого факта любыми возможными способами.

Объединение украинских земель в начале XX в. не решило социальных проблем внутри страны. Коллективизация и репрессии в рамках УССР в 1926–1930-е гг. послужили толчком к созданию подпольной Организации украинских националистов (ОУН), ставившей своей целью борьбу против советского режима и за независимость Украины. Основанная в 1929 г. в Вене ОУН поддерживала «состояние постоянного революционного брожения» среди западных украинцев для того, чтобы в любой удобный момент население было готово выступить и добиться независимости Украины. То есть таким путем австро-венгерский генеральный штаб создавал идею недовольства и антироссийские настроения на этих территориях. Изначально созданная для борьбы с Российской империей позднее ОУН боролась уже и с Польшей. Но и в этой ситуации, несмотря на общие идеи, слишком разными оказались мнения верхушки Организации по поводу методов достижения цели. Одна часть ОУН (ОУН-Б под руководством Степана Бандеры) провозгласила независимость Украины вскоре после нападения Германии на СССР, а ОУН-М (под руководством Андрея Мельника) решила поддержать Гитлера в «крестовом походе против большевистского варварства». Однако Гитлер был категорическим противником возникновения нового независимого государства на оккупированных территориях, поэтому

С. Бандера и его соратники были арестованы, а идея украинской независимости и «Украины-жертвы» в руках Мельника переродилась в идею выбора новой зависимости — в данной ситуации от нацистской Германии. Через некоторое время идея независимости Украины и ее жертвенности все-таки восторжествовала, в связи с чем в 1943 г. была создана Украинская повстанческая армия (УПА), которая боролась одновременно против нескольких врагов. Фактически шла борьба с советскими войсками и партизанами, а также с поляками — по мнению лидеров УПА необходимо было избавиться от поляков, населявших «исконно украинские земли» и в течение стольких лет притеснявших украинцев. Борьба против нацистов была менее масштабной, это было связано с надеждой лидеров УПА на то, что в случае победы Гитлер учтет настроения украинцев и подарит Украине независимость. Таким образом, во время Великой Отечественной войны украинские националисты боролись против ущемлявших их веками поляков, против ненавистной Советской власти, но при этом выбрали себе новых «кураторов» в лице гитлеровской Германии с надеждой на то, что именно с ее помощью у украинской независимости появится шанс, наконец, стать реальностью.

После 1945 г. украинские националисты нашли союзников опять же на Западе. Благодаря работе советских спецслужб ОУН не имела возможности полноценно функционировать на территориях современных Украины и Польши. Именно поэтому в своей деятельности лидеры движения сфокусировались на работе с эмигрантской средой, а также на укреплении связей с британскими и американскими спецслужбами. Также ОУН вела активную партизанскую борьбу, в основном на Западной Украине. До 1955 г. украинские националисты собирали информацию о положении дел в СССР и отправляли ее в США и Великобританию в надежде, что после победы в холодной войне лидеры этих государств обеспечат Украине независимость. После 1955 г. зарубежные части ОУН стали активно сотрудничать с разведкой ФРГ и Италии. Полулегально вернуться в СССР членам организации удалось только в середине 1980-х гг., а сейчас наследниками ОУН себя считают члены организации «Правый сектор».

Что касается идеи выхода УССР из состава СССР, то после провала бандеровского дви-

жения она вновь возникла в конце 1950-х гг. В это время на территории Советского Союза набирало популярность движение диссидентов. В 1959 г. украинский националист Л. Лукьяненко организовал Украинский рабоче-крестьянский союз, который просуществовал только до 1961 г. Главной целью этого союза был выход УССР из состава СССР, а ссылались его активисты на статью Конституции СССР «о праве наций на самоопределение» [7]. Идея жертвенности Украины стала активно развиваться в 1976 г., когда была организована Украинская Хельсинкская группа (УХГ). Создавший ее в Киеве писатель М. Руденко ставил целью познакомить украинское общество с Декларацией прав человека ООН, собрать доказательства нарушения советскими властями прав человека, национальных прав в УССР, применения политики этно- и лингвоцида и насильственной русификации. Однако и эта организация не просуществовала долго — уже к 1980 г. больше половины ее членов были осуждены на сроки от 10 до 15 лет за антисоветскую деятельность. Таким образом, можно говорить о том, что притеснение национальных меньшинств и национального самосознания в Украинской ССР если и происходило, то ровно в тех же масштабах, что и в других союзных республиках. Стремление людей (тогда преимущественно интеллигенции) получить свободу слова и попрощаться с «железным занавесом» было свойственно не только Украине. Кстати, в УССР украинский язык использовался во всех сферах деятельности, открывались университеты и школы, в русскоязычных регионах республики проходила украинизация, и при всем этом УССР была одной из самых экономически развитых республик в СССР. Правда, можно говорить о слабом развитии украинской идентичности — подтверждением этому служит тот факт, что Украинская ССР была третьей республикой Советского Союза по количеству голосов за сохранение Советского Союза на референдуме 17.03.1991 г. Более того, два руководителя СССР — Н. Хрущев и Л. Брежнев были этническими украинцами.

После распада СССР и с началом периода независимости Украины идея украинской жертвенности становилась все более популярной у украинской элиты. Началом возрождения этой идеи можно считать события 22 августа 1992 г., когда в Киеве последний президент

УНР в изгнании Николай Плавыюк передал президенту Украины Леониду Кравчуку все государственные регалии Украинской народной республики и грамоту о том, что Украина является правопреемницей УНР. Попытки как можно быстрее откеститься от советского прошлого (как от очередного «пана», ограничивавшего права украинцев), заявить о том, что лучшим временем в истории страны была недолгая независимость в виде УНР — вот то, что означал такой шаг со стороны властей Украины в первые месяцы ее независимости.

Одним из самых ярких заявлений об украинской жертвенности за всю ее историю стал выход книги Леонида Кучмы «Украина — не Россия» в 2003 г. Громкое название быстро привлекло внимание общественности, а книга за считанные недели стала бестселлером. В своей работе Кучма подробно описывал, в каких именно областях Украина и Россия так сильно отличаются. Бывший президент страны особенно акцентирует внимание на том, что у России и Украины мало общего. То есть, по его мнению, многие годы страна находилась под давлением со стороны России, а теперь, наконец, появилась возможность восстановить свое «украинство», как выразился Кучма. Именно об этом Л. Кучма сказал и на презентации книги: «У нас на повестке дня стоит задача, о которой в этой книге я сказал, перефразируя выражение известного итальянца: создать украинца. Опасность не вернуться к своему украинству актуальна для миллионов граждан Украины. Российские интеллигенты делятся на тех, кто желает нам удачи в восстановлении и развитии украинства, и на тех, кто не желает нам этого. О таких было когда-то сказано, что русский демократ кончается там, где начинается разговор об Украине» (http://news.bbc.co.uk/hi/russian/news/newsid_3079000/3079010.stm). Таким образом, идея «Украины-жертвы», наконец завоевавшей свою независимость, окончательно сформировалась и по инициативе украинской элиты стала активно продвигаться в массы.

Далее ситуация развивалась уже фактически по сценарию книги Л. Кучмы. Пришедший к власти в результате «оранжевой революции» в 2004 г. Виктор Ющенко начал политику отказа от всего российского, что было на Украине: от обучения на русском языке практически во всех регионах страны, русскоязычных передач на телевидении, фильмов на русском

языке в кинотеатрах и др. Целью было углубить и расширить «украинство» в головах украинцев и подчеркнуть, что современная независимая Украина самодостаточна и не нуждается ни в чем русском. Тогда же укрепилась идея переориентации Украины на Запад — на вступление в ЕС и НАТО, установились особые отношения с США.

Сменивший В. Ющенко В. Янукович несколько изменил вектор, не сделав акцент на идее украинской жертвенности. Он пришел к власти благодаря пророссийскому электорату, и идея ущемления Украины Россией в годы его правления перестала быть официальной. Маневры В. Януковича и его попытки одновременно получить поддержку и от западных стран, и от России дали дополнительные козыри приверженцам идеи украинской жертвенности. У местных политических элит снова возникли мысли о том, что Украину и ее интересы ущемляют, а власть в стране принадлежит не украинцам, а российским ставленникам. Но ситуация вновь кардинально изменилась в результате известных событий 2014 г., когда произошел переворот в Киеве, а к власти пришли люди, которые делали ставку как раз на идею мононациональной державы — правопреемницы не СССР, а УНР. Такая концепция стала фактически национальной в последние годы, в результате чего продолжилась политика ухода от всего, что может напоминать о «советской оккупации» или о вмешательстве России во внутренние дела Украины. Но создается впечатление, что история повторяется — жалуясь на ущемление одной соседней страны, Украина ищет поддержки у другой в надежде, что именно там ее ждет свобода и процветание.

Таким образом, идея украинской жертвенности возникла несколько веков назад, но возникновение это было не стихийным, а вполне рукотворным. На мой взгляд, ситуация складывается таким образом, что идея корнями уходит не в настроения народных масс, а формируется правящими элитами. Прежде всего, это выражается в том, что изначально украинцы позиционировали себя как народ щедрый, оптимистичный, работающий, — подтверждением тому служат многочисленные произведения украинских писателей. Из этих же произведений следует, что ущемления если и существовали, то точно не были критичными и не могли подорвать веру народа в лучшее. Но идея

о том, что какой-то внешний агрессор мешает украинцам, была искусственно сконструирована национальными элитами, чтобы получить поддержку народа в борьбе за лучшее «внешнее управление». То есть когда украинские правящие элиты стремились к получению прав и привилегий польской шляхты, они внушали народу мысль, что Российское государство и его правящий режим губительны для украинского народа. А когда российские власти обещали местным лидерам особое отношение и регалии, выгодно было иметь население, лояльное к Российской империи, поэтому в обществе распространялись идеи «обиженности» поля-

ками. Геополитически Украина находится на стратегически важных территориях и лояльность со стороны ее правящих кругов интересует сразу несколько великих держав. Таким образом, идея украинской жертвенности — это проверенный годами инструмент для обеспечения поддержки личных целей украинских правящих элит народными массами. То есть своего рода способ политической мобилизации украинского общества через поиск украинской идентичности. Вопрос только в том, что именно из-за метаний и исканий украинских правящих элит страна продолжает быть крайне несамостоятельной и несинхронизированной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. X. Р. III. Київ, 1936. С. 131–138.
2. Котляревський І. П. Наталка Полтавка; Солдат-чародей. Українська класическа комедія. М.: Искусство, 1954. С. 1–67.
3. Котляревський І. П. Енеїда / пер. с укр. І. Бражнина. М.: Гослитиздат, 1953.
4. Глизь І. І. Книга буття українського народу / пер. с укр. І. Бражнина. Т. 4. Київ: Наукова думка, 2007. С. 358.
5. Левицький К. Історія політичної думки галицьких українців 1848–1914, Львів, ч. 1–2, 1926–1927.
6. Субтельний О. Історія України. Київ: Либідь, 1993. С. 720.
7. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 — ноябрь 1958 г. / под ред. к. ю. н. Мандельштам Ю. И. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1959.

REFERENCES

1. Hrushevsky M. History of Ukraine-Rus, vol. X, p. III. Kiev, 1936, pp. 131–138.
2. Kotlyarevsky I. Natalka Poltavka, The Witch-Soldier, Ukrainian classical comedy. Moscow: Iskusstvo, 1954, pp. 1–67.
3. Kotlyarevsky I. Eneyida, Trans. from the Ukrainian I. Brazhnin, Moscow: Goslitizdat, 1953.
4. Glyz I. Books of the Genesis of the Ukrainian people, Trans. from the Ukrainian I. Brazhnin. Vol. 4. Kiev: Naukova dumka, 2007, p. 358.
5. Levitsky K. The history of political thought of the Galician Ukrainians. L'vov, p. 1–2, 1926–1927.
6. Subtelny O. Ukraine: the history. Kiev: Lebed', 1993, p. 720.
7. Collection of laws and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR / ed. Yu. I. Mandelstam. Moscow: State Publishing House of Legal Literature, 1959.

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-72-79
УДК 327(045)

THE EVOLUTION AND PROSPECTS OF THE RUSSIAN STRATEGY IN THE ASIA-PACIFIC REGION *

Cui Zheng,

*Doctor of Political Science, Assistant Professor of Research Center for the Economies and Politics of Transitional Countries in Liaoning University, Shenyang, China
cz197897@sina.com*

Abstract. *The understanding of Russia to develop the eastern area and to carry out Asia-Pacific cooperation has changed distinctly after the Ukrainian crisis. It no longer looks at the Asian-Pacific region from the previous perspective of the East and West balanced development and the Eurasian balanced diplomacy, whereas it regards cooperation with the Asia-Pacific countries as an important support for itself to get rid of the economic crisis and diplomatic isolation, and realize modernization, and as a battleground to pursue the great national aspirations. Arms sales and energy are two important levers for Russia's involvement in the Asian-Pacific region. Actively deepening the relations with China is a key element of Russia's Asia-Pacific strategy. However, Russia's "Turn to the East" is not only for China. Cooperation and balance are two means for Russia to construct the Asia-Pacific diplomatic diversity. It is a controversial issue whether Russia's foreign strategy, "Turn to the East", is a passive act or an active behavior. In fact, Russia's "integration" with Asian-Pacific area faces many problems and challenges.*

Keywords: *Asia-Pacific regional strategy; Ukrainian crisis; Turn to the East; balanced diplomacy*

ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Цуй Чжэн,

*д-р полит. наук, доцент Исследовательского центра экономики и политики переходных стран, Ляонинский университет, Шэньян, Китай
cz197897@sina.com*

Аннотация. *После «украинского кризиса» для России стало очень важным развитие восточного региона и расширение Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества. Россия теперь рассматривает сотрудничество со странами АТР как важную поддержку в борьбе с экономическим кризисом и дипломатической изоляцией, необходимую для осуществления модернизации и достижения национальных интересов. Продажа оружия и энергии – два важных рычага сотрудничества России с АТР. Активная интенсификация отношений с Китаем является ключевым элементом стратегии России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, однако российский «Поворот на Восток» – не только для Китая. Сотрудничество и сбалансированность – это два способа для России построить дипломатические отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но интеграция России в АТР сталкивается со многими проблемами и испытаниями.*

Ключевые слова: *стратегия Азиатско-Тихоокеанского региона; кризис Украины; поворот на Восток; баланс дипломатии*

* This research gets support from the 2017 Liaoning Province Social Science Planning Fund Project – A Study on the Role of Russia in the Sino-US Competition and Cooperation Relations during Trump (Project Number: L17BGJ004).

The re-rise of Russia and the outcome of modernization development strategy greatly depend on the development of the eastern region. And the revitalization of this area and participation in the process of Asia-Pacific integration are two indivisible tasks for Russia.

Some Chinese scholars regard the 2012 APEC summit in Vladivostok as a new sign of Russia's "Turn to the East" in the 21st century [1 p. 23], but Russian scholars advance this time to 2009. The GDP growth rate of Russia declined 8.9%, affected by the global financial crisis between 2008 and 2009, while East Asian countries, especially China, remained to be the engines of global growth during this period (Chinese GDP increased 9.4%). Then many Russian enterprises were forced to turn to Asia for seeking new sources of funding. In a sense, Russia's "Turn to the East" is only one of the long-term strategies before the Ukraine crisis. No matter the level of attention to Asia-Pacific countries, or from the resource investment, Russia has not fundamentally changed its nature of "orientated in Europe".

The Ukrainian crisis erupted in November 2013 was the most serious conflict between Russia and the West after the Cold War. This crisis has profoundly changed the international political environment and the relations among major powers. The prospect of establishing common political, security and economic spaces between Russia and the West basically disappeared [2, p. 9]. In the new version of the "Russian National Security Strategy" signed by Russian President Vladimir Putin on December 31st 2015 and the new version of "The Russian Federation's Foreign Policy Concept" approved on November 30th 2016, the weight of the Asian-Pacific region in Russia's national security strategy and diplomatic direction has greatly increased, compared with the past, and involving into the process of economic integration in the Asian-Pacific region actively has become the main goal of Russia's Asia-Pacific strategy. The advent of Russia's "Greater Eurasian Partnership" in June 2016 announced the complete failure of the "Greater Europe" vision which pursued many years.

1. AN ANALYSIS OF THE MOTIVATION FOR RUSSIA'S STRATEGY IN ASIA-PACIFIC REGION ADJUSTMENT

Russia's relations with the United States and Europe have rocketed bottom because of the Ukraine crisis and they conducted a series of rounds of

bouts (diplomatic notes, war on words, property freeze, sanctions and anti-sanctions, freezing of relations in some areas but maintaining relations in other equally important areas at the same time) similar to the "mixed Cold War". From the inspections and speeches of Russian leaders like Putin on the eastern region, it can be seen that Russia's understanding of exploring the east and developing Asia-Pacific cooperation has changed significantly. Russia no longer looks at the Asian-Pacific region from the previous perspective of the East and West balanced development and the Eurasian balanced diplomacy, whereas it regards cooperation with the Asia-Pacific countries as an important support for itself to realize modernization [1, p. 27], in order to make up political and economic losses caused by the tension with America and Europe.

1.1. The Asian-Pacific region is an important region for Russia to get rid of political isolation and safeguard national security

Since implemented "Return to Asia" strategy in 2010, the United States has deepened its military cooperation with Japan, Korea, and other traditional allies in order to plunder its strategic leadership in the Asian-Pacific region and contain Russia and China from the east. In the new version of the "Russian Federation National Security Strategy" approved on December 31st 2015, Russia believes that "NATO's eastward expansion and the military deployment around Russia threaten its security, including deploying anti-missile systems, global strike systems, as well as sophisticated and space weapons in Europe, Asia Pacific, and the Middle East". Russia's judgments on the world situation and the international configuration, and its recognition of major security threats reflect Russia's relatively pessimistic attitudes toward the current status and development tendency of the international configuration.

An important change from the 2013 version to the new security strategy is implementing diplomatic strategy shift, based on the deterioration of Russia's relations with the United States and other western countries, as well as the de facto difficulty to repair in a short period. China, India and the Asian-Pacific region have been prioritized in Russian foreign strategies and activities. Russia regards the comprehensive strategic partnership with China as a key factor to maintain global and regional stability and attaches importance

to its special strategic partnership with India at the same time. This idea is also reflected in the “Russian Federal Foreign Policy Proposal” adopted on November 30th 2016: “Consolidating Russia’s position in the Asian-Pacific region and actively developing relations with Asia-Pacific countries are important orientations for Russia’s diplomacy” (http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/cKNonkJE_02Bw/content/id/2542248).

1.2. Speeding up integration into the Asia-Pacific economy is in line with the long-term interests of Russia and the world trend

The Asian-Pacific area is the region with the fastest economic growth in the world. The reality that the global economic center shifted eastward in recent years, has determined that the Russian national development must take the needs of the Asian-Pacific region into consideration. Better access to this market is what Russia always focuses on.

Russia’s existence in Asia has a long history. The so-called “Turn to the East” is just an image. It does not mean Russia discovering Asia or first appearing in Asia. Its basic meaning should be strengthening by its developing eastward. And its purpose is to increase the importance of Asia, rather reduce Europe’s position [2, p. 5]. In recent years, Putin has repeatedly mentioned that the Eurasian Economic Union (EEU), the SCO and ASEAN should strengthen cooperation, and stressed that “Russia’s adherence to a positive east-oriented policy is by no means a transient consideration, nor because of the sour of relations with the United States and the European Union, but out of long-term national interests and the world trend” (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379>).

1.3. Strengthening cooperation with Asia-Pacific countries can help Russia get out of the economic crisis dilemma

The Russian economy fell once again into a crisis between 2014 and 2015, and it was the fourth crisis since the market-oriented economic transition started in 1992. In 2015, the GDP growth rate dropped 3.7% year-on-year, the inflation rose to 12.9%, the real disposable income growth rate of residents witnessed a negative inflection point and the trade volume dropped drastically, etc. [3, p. 129–132].

The impacts of the economic sanctions by the West on Russian economy are both direct and indirect, and could be roughly summed up in four aspects: Firstly, due to the financial restrictions imposed on Russia by the West, Russia’s funding constraints and financing costs increase, which in turn has a devastating effect on the investment and production of Russian enterprises. Secondly, as the West adopted technical and equipment embargoes, investment restrictions, and cancellation or reduction of cooperation projects, the quantity and quality of production in the Russian enterprise’s slowdown and the medium and long-term investment lag behind, especially the negative impact of technical restrictions on labor productivity. Thirdly, the Western embargo and the Russian anti-embargo exert an overall disruptive influence on all spheres of economy, such as production, consumption and financial stability. Last but not least, against the backdrop of the vicious political relations between Russia and the West, Western economic sanctions and Russian anti-sanctions have increased the uncertainty of the Russian economy and policies. This uncertainty affects the economy by curbing two channels, consumption and investment [3, p. 132].

Objectively, the Ukraine crisis aggravated Russia’s urgency to develop new economic and political space to the east. If only depends on one source and market in terms of economy, investment, and energy, Russia’s economic lifeline would be vulnerable in the face of Western sanctions. This situation will prompt Russia to accelerate its turn to the East and seek cooperation with Asian countries in order to enhance its international status and offset losses caused by Western sanctions [2, p. 9]. The rapid progress of cooperation between Russia and the Asia-Pacific countries is embodied by the fields of military industry, energy, anti-terrorism and so on.

2. POLICY TREND OF RUSSIA’S ASIA-PACIFIC STRATEGY

Cooperation with neighboring countries in Asia is both a major way to attract investment and a major solution to the economic development and social problems in Siberia and the Far East. Therefore, accelerating the development of Siberia and the Far East in eastern Russia is of great significance to Russia in reversing the economic

downturn, realizing economic modernization, developing the innovative economy, integrating into the Asia-Pacific economic space, and consolidating its position in the world economy. In the context of economic globalization and the increasing ascension of the Asian-Pacific region, the success of developing the eastern part depends to a large extent on the progress of Russia's regional economic cooperation and accession to integrate into Asia [1, p. 25].

2.1. Actively participate in related mechanisms and strive to join the process of regional economic integration

Russia joined the Asia-Pacific Economic Cooperation as a sovereign state in 1998. The Eurasian Economic Union led by Russia signed a free trade agreement with Vietnam on May 29th 2015. This is not only the first free trade agreement of the EEU but also the first one signed by Russia and APEC memberships since Russia's participation, which marks the trend that Russia and the Asian-Pacific regions will further deepen economic integration and they are expected to start the integration process mainly aimed at establishing FTA [4].

Under the framework of APEC, Russia regards ASEAN as the fulcrum of its Eurasian geopolitical strategy. The need of Russia's desire to reshape the new pattern of the Asia-Pacific political and economic structure and to boost the Russian Far East economy has accelerated its cooperation process with ASEAN countries. From May 19th to 20th, 2016, the third Russia-ASEAN summit was held in Sochi, after which both sides issued the "Sochi Declaration-the Road to Mutually Beneficial Strategic Partnership" and the "Comprehensive Action Plan of Development and Cooperation between Russia and ASEAN from 2016 to 2020". ASEAN is not only an important export market of energy and military products to Russia, but also an important partner in anti-terrorism, anti-piracy and fighting organized transnational crimes, etc. With the further deepening of the relations between Russia and ASEAN, the bilateral military security cooperation will enter a new phase.

2.2. Establish an "advanced socio-economic development zone" to achieve a combination of development and opening up in the Far East

Building an advanced development zone is another major investment project in the Far East following

related projects of the 2012 APEC summit in the 21st century. It could be gotten firstly in Putin's State of the Union addressed on December, 12th 2013. The Russian government has successively selected 14 advanced development zones in the Far East and provided best terms of tax breaks, land, and infrastructure construction, etc.[5] Encouraged by the policies, a number of large projects have landed in the Far East, including the Amur gas processing plant, which is the largest one in Russia. It is reported that the Russian government also plans to extend tax concessions and insurance concessions for the enterprises meeting related conditions and to promote the construction of related projects.

In order to expand the opening up of the Far East and attract foreign capital inflows, Russian President Putin approved the "Eastern Economic Forum" held annually from 2015 in Vladivostok, the Far East capital. The first forum was attended by over 2000 participants from 25 participating countries, including Japan, South Korea, Vietnam, and India. Its main content is to introduce the new economic policies of Russia's the Far East and to discuss the possibility of investment and the specific projects to be implemented in this natural resource-rich area. Over 80 agreements and memoranda were signed during the Forum. Compared with the previous session, the number of participants in the second forum in 2016 increased by more than 1,500 participants from 56 countries and signed 216 investment agreements totaling more than 180 billion rubles. Additionally, at the 3rd Eastern Economic Forum held from September 6th to 7th, 2017, leaders of many countries like the ROK, Japan and Mongolia gathered, and DPRK Foreign Minister Kim Young-cai also led the delegation. The Russian leader and relevant countries conducted bilateral meetings on issues concerning the economy and the peninsula situation, and Russia's regional influence was greatly demonstrated.

Yury Trutnev, former Russian Deputy Prime Minister and President's Plenipotentiary at the Far Eastern Federal District, said at the 2017 forum that since the implementation of new economic development policy in the Russian Far East almost the three years, there are 51 new businesses have been put into operation and 837 investment projects have been or is being implemented, with a total investment of 3.2 trillion rubles (about 55.6 billion US dollars).

2.3. Propose the concept of “Greater Eurasian Partnership” and actively respond to the real challenges

Compared with the five editions of the Russian Federation’s Foreign Policy Proposal respectively in 1993, 2000, 2008, 2013 and 2016, Russia has always regarded itself as an important power that cannot be ignored in contemporary international relations. 46% of Russians think, after the outbreak of the Ukraine crisis, the world should more perfectly respect Russia’s great-power status. The use of the phrase “Russia-Great Power” has risen sharply among all federally-administered television, radio, magazines, and newspapers in Russia [6].

The Greater Eurasian Partnership (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178>) is a new method against the deteriorating relationships between Russia and the West. It not only takes short-term consideration of the pressure from the West but also takes strategic consideration of building a new international and regional order based on this platform. The setback of Russia’s “Greater Europe” conception and the establishment of Eurasianism are indeed the ideological foundation, while the establishment of the Eurasian Economic Union is its material foundation [7].

Greater Eurasian Partnership has the characteristics of “double-track diplomacy”. The historical context from “Greater Europe” to “Greater Eurasia” shows that “the Greater Eurasian Partnership” actually reflects the changes of Russia’s strategic positioning in the international configuration. It essentially is a continuation and the embodiment of Russia’s Eurasian strategic concept and it is not only the latest interpretation of Russia’s international positioning and identity, but also a positive response to the current situation and challenges which Russia faces. Besides, it aims at economic development, national security, diplomatic breakthroughs and getting out of the crisis [8, p. 5].

2.4. Adopt two measures, “cooperation” and “balance”, to realize diplomatic diversification in Russia-Eurasian region

The new version of the “Russian Federation’s Foreign Policy Conception” views China as Russia’s most important partner in Asian-Pacific area even in the world. The official Chinese and Russian judgments on their relations also tend to be consistent and it means “At present, the Sino-

Russian comprehensive strategic partnership of cooperation is the highest point in the history of their relations. As long as the United States keeps its policy of containing China and Russia, the development of Sino-Russian relations will be stable and credible.”

China is Russia’s partner and bridge to the Asian-Pacific region. Through its strategic cooperation with China, Russia can play its due role relatively smoothly in the Asian-Pacific region and realize its own national interests. Actively enhancing relations with China is an important part of Russia’s Asia-Pacific strategy. Russia hopes to work closely with China not only to develop the eastern area but also to build a framework for security and cooperation in the Asian-Pacific region [9]. On June 25th, 2016, China and Russia issued the Joint Statement: “Establish a Eurasian comprehensive partnership based on openness, transparency, and consideration of each other’s interests, including possible absorption of the Eurasian Economic Union, the Shanghai Cooperation Organization and member countries of ASEAN” (http://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1207_679122/t1375315.shtml). The combination of OBOD and EEU is undoubtedly the new achievement of their relationship development and the crystallization of stabilizing the common prosperities. This indicates that there would be a new development vision for the process of economic integration in the Eurasian region, and it also serves as an opportunity for China and Russia to realize economic interactions and mutual-beneficial cooperation in the Eurasian area [1, p. 29].

In this context, Russia eased the restrictions on arms export to China. The two sides reached an agreement, and China will become the first foreign buyer of Russia’s most advanced S-400 air-defense missile system and Su-35 fighters. In bilateral trade and economic cooperation, the Sino-Russian trade volume and the cooperation scope have both increased and expanded significantly. In 2014, Gazprom and CNPC signed a \$ 400 billion natural gas contract. China has become the largest export market for Russia’s food.

It is noteworthy that Russia’s diplomatic policy towards China has two implications (cooperation and balance). The development of Russia’s relations with other Asian powers can strike a balance with China and diversify Russia’s foreign relations in Asia, so that bring its own political and

economic benefits to the greatest extent. So it is a rational policy option for a country [2, p. 15–16].

After Ukrainian crisis, Russia authorized India to manufacture advanced equipment such as Su-30MKI fighters and T-90 main battle tanks, and jointly developed “BrahMos” supersonic cruise missiles and fifth-generation fighters with India. In recent years, Russia and Vietnam have signed military technology cooperation agreements almost every visit. 97.6% armaments in Vietnam are imported from Russia between 2012 and 2015. Russia has provided or will soon provide Vietnam with advanced equipment, like six Kilo-class submarines, six Cheetah-class frigates, six Poison Spider-class missile boats, six Firefly-class fast patrol boats, 32 Su-30 fighters and “edge fort” missile system, which are almost a complete set of air and sea armed system [10]. Russia is the largest arms supplier to Indonesia, and one-third of the military equipment in Indonesia is provided by Russia. Russia and the DPRK have been actively interacting with each other. With the increasing contacts, North Korea is one of the 12 countries that recognize Russia’s reunion with of Crimea and call Russia a partner of strategic interests. Galushka, the Ministry of Russian Far East Development Department, announced in April 2015, that Russian-North Korean trade volume would increase from 100 million dollars in 2013 to one billion dollars in 2020. In May 2015, Russia decided to provide North Korea with concessional grain loans and promised to supply 50,000 tons of wheat to North Korea each year in the next three years. North Korea only needs to pay off its loans before 2032 [11].

3. THE PROSPECTS OF RUSSIA’S ASIA-PACIFIC STRATEGY DEVELOPMENT

Putin, who is committed to economic development and political stability, speeds up the layout in the Asian-Pacific region, because of diplomatic isolation and multiple rounds of sanctions implemented by America and other western countries. The Asian-Pacific region for Russia is not only a place to realize diplomatic breakthroughs but also to obtain investment and get rid of the crisis. It is a controversial issue that whether the Russian foreign strategy, “Turn to the East”, is a passive act or an active behavior. In reality, Russia integrating into Asian-Pacific area faces many problems and tests.

3.1. The “Other” identity in Asia-Pacific Space hinders Russia’s internalization of Asian identity

From the identity point of view, although Russian participates in Asian affairs, it has not tried to acknowledge its identity. In Russian intellectual history, whether political elites or intellectuals, learning from Europe and solving its own problems have become the deep-rooted ideology of Russia. All popular social thoughts in Russian society, whether “Slavicism” or “Eurasianism”, stem from European civilizations. The difference between them is only the acceptance of European experience and the different degree of preservation of Russian traditional culture [12].

From the perspective of the adjustment laws of Russian foreign policy after the Cold War, Russia uses the Eastern diplomacy to balance the Western diplomacy, always concentrating on the Occident, and there have never been any signs of using the Western diplomacy to balance the Eastern diplomacy. Obviously, whether choosing the Occident or the Orient in the foreign strategy, Russia has not changed its original sense of self-identification. The aim of Russia to propose “Greater Eurasian Relationship” at the point of serious vicious relations with the West is solving problems with western countries, rather turning to the east fundamentally.

From an economic point of view, Russia has never been the dominant force in economic activities in the Asian-Pacific region for more than 100 years. In 2014, the EU and the Asia Pacific region accounted separately for 48.1% and 26.9% of the Russian total foreign trade. China accounted for 11.3% of Russian foreign trade, China, Japan and South Korea together made up 18.7%, ASEAN countries accounted for about 3%, and India’s proportion is 1.2% (<http://www.customs.ru>). In 2015, even if the trade between Russia and the EU decreased nearly 40%, severely affected by the sanctions and the drop in international energy prices, the trade value still reached 235.7 billion U.S. dollars, accounting for 44.8% of the Russian total foreign trade, which is nearly 4 times the size of Sino-Russian trade in the same period. It can be seen that there is a great gap between Asia and Europe, and it is extremely difficult to catch up, let alone surpass Europe. Even though Sino-Russian oil and gas pipelines have been fully connected to reach annual throughput of 68 billion cubic meters, still fails to equal to 146.6 billion

cubic meters to Europe in 2014. It is not enough for China to replace Europe's important position in Russia's energy market [2, p. 12].

3.2. The current economic situation of Russia and the poor investment climate in the Far East affect the implementation of its Asia-Pacific strategy

The realization of any grand design requires the supporting economic strength. An official report released by the Russian Ministry of Finance shows that Russia needs four years to survive the economic recession. GDP declined by 0.8% in 2016 and Russia's economy would not be restored to the level of 2014 until 2020 (<http://www.oilru.com/news/512874>).

The role of boosting investment in boosting economic growth has reached a consensus in Russia and has become the long-term goal of economic policy. "The current investment should become the engine of economic growth, which is more important than consumption and exports. If we want to realize steady growth, we need to substantially increase the proportion of investment in GDP, at least from the current 20% to 24%" — said D. Medvedev [3, p. 144].

At present, the Far East makes up a relatively low proportion of the foreign investment in Russia and the proportion of direct investment is lower. The Russian Far East attracts only 2.5% of the total foreign investment in Russia and 10% of the total investment in this region. The foreign trade cooperation between the Far East and the Asia-Pacific countries has not yet been transformed into investment cooperation [13]. The harsh natural environment, high-security risks, the unsound management system, inefficiency of the bureaucracy, lack of labor resources and outdated infrastructures in the Far East are the direct barriers for the entry of foreign capital.

3.3. Complicated interests in the Asian-Pacific region and great-power games increase the complexity of Russia's integration into Asian-Pacific space

Russia's "Turn to the East" will not be able to avoid the controversy among Asian-Pacific countries and the original big-power games in this region. First of all, the Japanese-Russian bilateral relationship is not effective because of their territorial disputes. And Russia's relations with ASEAN countries are constrained by the South China Sea

issue and the relations between region's states and the United States. Compared with investments from Korea, Taiwan, Chinese Mainland and America, Russia's investment in Vietnam is not satisfactory. In addition, with the U.S. intervening in the South China Sea issue in recent years, Russia continuously strengthen its relations with Vietnam, and their trade and military cooperation tend to be complicated because of China's sensitivity to this issue. Furthermore, Russia also needs to consider that Vietnam attaches equal importance to maintaining close relations with the United States. Therefore, Russia has tried to use its relations with South China Sea countries like Vietnam to break its own international disadvantages and the result is bound to be affected by all the above factors.

Russian academia has shown a cautious attitude towards the prospect of "Turn to the East" strategy. Andrey Vinogradov, director of the Political Research and Prediction Center at the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, believes that the complete Russian "Turn to the East" strategy has not yet been formed at present. In particular, the development problems of the Far East and the national security policy have not yet been perfected. Gennady Fulin, the deputy director of World Economy and International Relations Institute at the Academy of Sciences, said that Russia just has positive relations with eastern neighbors, rather fully implementing "Turn to the East" (<http://www.mk.ru/politics/2016/12/01/razvorot-rossii-na-vostok-ekspert-y-prokommentirovali-poslanie-putina.html>).

4. CONCLUSIONS

Russia has never been a country isolated from the world. In the modern world system, however, Russia has always been struggling between center and periphery and choosing between openness and isolation. He tries to enter the center from the periphery but often returns [14]. Both the concept of Russian "Greater Eurasian partnership" and the active expansion of bilateral and multilateral cooperation with Asian-Pacific countries reflect the concern of the Russian government and intellectual elites about their current edge position in the Asian-Pacific region. In recent years, the Russian government shows positive attitudes, different from the past, towards the Asian-Pacific region, indicating its urgency to include and participate in the process of Asia-

Pacific political and economic integration and avoid being marginalized.

Putin, as usual, harshly criticized the occidental policies during the fourteenth “Valdai” International Discussion Club annual meeting from October 16th to 19th. In the foreseeable future, the United States will still not view Russia as an equal partner, but a heterogeneous country. According to the American logic, it can only be contained and squeezed if it does not accept the “transformation” of the West. In the context of the unalleviated Russian-Western relationship, “Turn to the East” is the most realistic means for Russia to get out of the current crisis.

It is worth noting that Russia’s “Turn to the East” is a shift in diplomacy and economy, not a civilization shift. The goal of this policy is not to leave Europe, but to improve Asia’s position while continuing to develop its relations with Europe. Turning to the east is a domestic need for economic development of Russia, reflecting the urgency and necessity of expanding economic cooperation with Asian countries and developing Siberia and the Far East. “Turn to the East”,

propelled by the Ukrainian crisis, provides more possibilities and impetus for the Sino-Russian cooperation, but it is not completely turning to China [8, p. 16].

To a certain extent, Russia’s “Greater Eurasian Partnership” strikes China’s idea of dominating Eurasia. It wants to incorporate China into the co-governable regional framework and to combine various Eurasian integration mechanisms together [7, p. 83].

Although Russia has become more active in the Asian-Pacific region, Russian diplomacy still emphasizes on solving the Ukraine crisis and handling the relations with western countries. Russia’s proximity to Asian-Pacific countries stems from the goal of creating a balanced diplomatic pluralism and the oath that Russia would get more additional values from the strategy shifting eastward. Nevertheless, the military cooperation between Russia and the countries which have territorial disputes with China and the economic cooperation in disputed areas would naturally have a negative impact on Sino-Russian relations [2, p. 15–16].

REFERENCES

1. Shi Ze. Development of Russian East: from the Perspective of Sino-Russian Cooperation. *International Studies*. 2017;(01).
2. Zhao Huasheng. Comment Russia turning East. *Russian, East European and Central Asian Studies*. 2016;(04).
3. Yin Hong and Cui Zheng. Russia’s Economic Situation and Policies under the Western Sanction. *International Economic Review*. 2017;(03):129–132.
4. Li Yonghui. Study on the relationship between Russia and APEC. *Academic Journal of Russian Studies*. 2016;(01):49.
5. Zhang Hongxia. Sanctions and Anti-Sanctions: Russia’s Economic Dilemma and the Way out of Difficult Situation. *Russian, East European and Central Asian Studies*. 2016;(06):63–64.
6. Zhang Jian. The Analysis of Russia’s Anti-Americanism after the Ukrainian Crisis. *Pacific Journal*. 2017;(03):43.
7. Li Ziguang. The Greater Eurasian Partnership: Remodeling the Eurasian Order? *International Studies*. 2017;(01):74.
8. Pang Dapeng. The Greater Eurasian Partnership of Russia. *Academic Journal of Russian Studies*. 2017;(02):5.
9. Xing Guangcheng. New Changes to Russia’s Asia-Pacific strategy and Policy. *International Studies*. 2012;(05):11–12.
10. Chen Yu. Russia, and ASEAN: Pragmatic partners staying at an apt distance. *World Affairs*. 2016;(12):31.
11. Shang Yue. New Trend of Russia’s Relationship with North Korea. *International Data Information*. 2015;(08):39.
12. Feng Shuai. Russia’s Position and Role in Asia-Pacific Security System. *International Studies*. 2017;(02):19–20.
13. Yu Xiaoqin. Prospects of Investment Environment in Russian Far East in the context of Western sanctions. *East European and Central Asian Studies*. 2016;(04):114.
14. Zhang Haoqi. The Center and the Verge: Understand the Greater Eurasian. *Academic Journal of Russian Studies*. 2017;(02):19.

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-80-85

УДК 316

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВЫНУЖДЕННЫЙ СЕПАРАТИЗМ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕГО РАЗВИТИЯ

Сургуладзе Вахтанг Шотович,

канд. филос. наук, ведущий методолог компании «Р.О.С.Т.У.» по стратегическому планированию, Москва, Россия
bafing@mail.ru

Аннотация. Местная, региональная идентичность – важный аспект коллективного самосознания, который может быть потенциально разрушительным либо созидательным – содействовать сепаратизму и дезинтеграции общества или выступать фактором его консолидации. В условиях глобализации и обострения межнациональных противоречий и столкновения идентичностей региональное самосознание становится важнейшей темой политического анализа и практической проблемой государственного управления. Как правило, сепаратизм регионов основан на региональных культурных, лингвистических и исторических особенностях и представлениях о региональном превосходстве по отношению к соседним областям. Широко известными примерами регионального сепаратизма являются Страна Басков в Испании и Валлония в Бельгии, северные области Италии. В зависимости от стечения исторических обстоятельств региональное самосознание в иерархии идентичностей отступает на задний план, вытесняясь представлениями о принадлежности к более широкой общности на уровне государства в целом или, наоборот, выдвигается на передний план, питая сепаратизм и желание создать собственное государство. Именно с региональным самосознанием были вынуждены бороться объединители Италии, революционной Франции и многих других национальных государств, пытавшихся конструировать нацию на основании более широкой надрегиональной общности. Сегодня конфликтный потенциал региональной идентичности является возможной причиной дестабилизации и распада национальных государств.

Ключевые слова: национальное самосознание; региональная идентичность; идеология; Сибирь; Урал; Украина; Бельгия; Валлония; политическая мобилизация

THE MOBILIZATION POTENTIAL OF REGIONAL IDENTITY: FORCED SEPARATISM AND PATTERNS OF ITS DEVELOPMENT

Surguladze V. Sh.,

PhD in philosophical science, “R.O.S.T.U.” company leading strategic planning methodologist, Moscow, Russia
bafing@mail.ru

Abstract. Local, regional identity is an important aspect of collective identity that can be potentially destructive or creative – to promote separatism and disintegration of the society, or to act as a factor of consolidation. In the context of globalization and the exacerbation of ethnic conflicts and clashes of identities, the regional identity becomes an important theme of the political analysis and practical problem of public administration. As a rule, separatism of regions based on regional cultural, linguistic and historical features and notions of regional superiority. Well-known examples of regional separatism are the Basque Country in Spain and Wallonia in Belgium, Northern regions of Italy. Depending on historical circumstances, regional consciousness in the hierarchy of identities recede into the background, wiping out by the feeling of belonging to a wider community at the state level as a whole, or on the contrary stoking the separatism and the desire to create independent state. With regional identity were forced to fight the unifiers of Italy and revolutionary France and many other national States, trying to construct a nation based on a broader, over regional united community. Today the conflict potential of regional identity is a possible cause of destabilization and disintegration of nation states.

Keywords: national identity; regional identity; ideology; Siberia; the Urals; Ukraine, Belgium, Wallonia, political mobilization

Исторический опыт свидетельствует о том, что местные региональные особенности потенциально могут развиваться до сознания совершенной обособленности от государства, к которому принадлежит область, даже если население региона и страны в целом имеют общие этнические, культурные, религиозные, исторические корни. При определенных условиях возникают поводы к отделению. Это может быть экономический мотив, когда более развитые области недовольны дотационными регионами и свысока смотрят на своих менее богатых и экономически развитых соседей. Хорошо известно, например, историческое противопоставление севера Италии по отношению к югу, которое глубоко уходит корнями в прошлое, а также питается дисбалансом экономического развития страны в условиях экономически более развитого севера. Это противостояние, постоянное подспудное соперничество юга и севера, в то же время накладывает на развитое самосознание исторических итальянских областей и городов, жители которых склонны чрезвычайно гордиться историей в прошлом великих и независимых городов-государств и даже целых колониальных империй, которыми когда-то были Генуя и Венеция [1, с. 174, 461].

Другим условием развития регионального самосознания выступает воля местных элит, землевладельцев, влиятельных кланов, промышленников как самого региона, так и примыкающих к нему государств, заинтересованных в дезинтеграции соседнего государства и укреплении своего влияния.

УКРАИНА: ЭЛИТА ДИКТУЕТ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Примером рождения отдельного от России независимого, но исторически тесно связанного с ней государства, без явного этнического и культурного отличия от России является Украина — территория, исторически являвшаяся центром развития Российской цивилизации, ее ядром, колыбелью, отправной точкой ее исторического развития, когда Киев был «матерью городов русских».

Столетия сложной исторической судьбы, мощное влияние Польско-Литовского государства и Австро-Венгрии сделали из Украины государство с элитой, которая искала собственные выгоды, балансируя между интересами

Польши, Австро-Венгрии, России и Османской империи.

Украина — Украина, область, считавшаяся в России окраиной точно так же, как и в Польше, к которой тяготел и влиянием которой основательно пропитался класс украинских землевладельцев. В результате длительной анархии и влияния Польши и Австро-Венгрии [2] многовековой политической оторванности от России и трагических событий XX в. и распада СССР общество Украины оказалось морально готово к политической независимости, хотя и со значительным различием между культурными предпочтениями запада и востока страны [3, 4]. Пересечение противоречивых интересов и наслоение разных культурных и политических влияний постепенно создали современную Украину, логически привели к ее образованию в независимое национальное государство.

Как и в других странах, у других народов и общностей ключевую роль в формировании национального самосознания и претворении в жизнь националистических концепций украинской независимой государственности и национальной обособленности сыграли правящие классы общества.

Важнейшим фактором в формировании украинского самосознания выступало казачество, представители которого, по ситуации, периодически вели боевые действия против Московского царства, Речи Посполитой и Турции, объединялись для ведения боевых действий с крымскими татарами или другими сторонами многосторонних конфликтов, интересы которых в данный конкретный момент не противоречили собственным.

Со второй половины XVI столетия казаки были активно вовлечены в сферу влияния созданного в 1569 г. государства Речь Посполитая, правительство которого пыталось организовать из них заслон на своих рубежах. Именно польскому королю как формальному суверену казаков жаловался турецкий султан на предпринимаемые ими набеги. Оба государства обязывались сдерживать своих формальных вассалов — казаков Речи Посполитой и крымских татар султана [5].

Именно казачество как военный, обладавший реальной властью и собственными интересами класс было заинтересовано в проведении собственной, не зависимой ни от кого политики. Россия, несмотря на все исторические узы, связывавшие ее с Украиной, мешала интересам

этого класса и рассматривалась как стратегическая угроза, противовес которой искали вовне. Со временем, после разделов Польши и вхождения ее в состав Российской империи, представители украинских элит продолжали черпать идеологические основания для борьбы за новую, независимую от России украинскую общность и государственность на Западе, прежде всего в Польше.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Региональное самосознание может таить в себе значительный мобилизационный и идеологический потенциал. При определенном стечении обстоятельств более широкая идентичность сменяется сугубо региональной, которая поддерживается и укрепляется региональной элитой. Так, из региональной элита становится национальной, а регион превращается в национальное государство. Такое стечение обстоятельств тем более вероятно, если другие осколки бывшей более крупной общности (империи или иного крупного государства) окажутся менее успешными в социально-экономическом, политическом и культурном отношении, менее привлекательны и менее способны поддерживать историческую связь, которая когда-то существовала.

В этом контексте независимость Белоруссии и Украины с точки зрения развития их регионального идеологического потенциала вполне закономерна. На протяжении длительных периодов времени они были оторваны от России, а если и были связаны с ней, то весьма неоднозначными узами. Слишком много интересов разных империй и народов переплелось на этих территориях, чтобы они по прошествии времени могли в полной мере продолжать чувствовать связь с Россией, тем более, учитывая наслонившийся впоследствии опыт советской национальной политики. Украина и Белоруссия — примеры мобилизованной региональной идентичности, доведенной до статуса национального государства.

Во многих частях земного шара существуют государства, регионы которых потенциально являются новыми нациями в политическом смысле этого слова, регионы, в истории общественной мысли и самосознания которых можно обнаружить значительный элемент *инаковости*, сознания собственной *особенности* и *отдельности*. То есть имеются необходимые компо-

ненты, которые при определенных условиях могут способствовать тому, что жители региона станут осознавать себя членами обособленной общности, которая может заявить о претензиях на собственную государственность и праве на *самоопределение*.

Само слово *самоопределение* совершенно ясно раскрывает весь смысл этого явления и его связь с самосознанием. *Акт самоопределения нации означает, что люди сами решают, определяют, кем они хотят быть, кем они считают себя и как идентифицируют свою общность — нацию.*

РЕГИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ УРАЛА И СИБИРИ

Анализируя особенности региональной идентичности, интересно рассмотреть феномен регионального самосознания Сибири и Урала — важнейших для России регионов, отличающихся высоким уровнем сознания собственной исторической уникальности [6, с. 73; 7, с. 382].

В восприятии сибиряков жизнь человека делилась на две части — до и после Сибири, а если учесть, что сосланные в Сибирь, как правило, так в ней и оставались, то этот переход вполне можно сравнить с вступлением в новую жизнь. Общее бесправное положение в России приводило к тому, что сибирскую жизнь можно было рассматривать как своеобразный, но более свободный этап [6, с. 102].

В крепостнической России Сибирь стала не только краем ссыльных, но и краем сильных духом, смелых и предприимчивых людей. Сюда бежали от крепостничества, религиозных гонений, переезжали по реформе Столыпина самые активные и работающие, и даже те, кто прошел какому-то торгу, обретали здесь новый дом, новую Родину.

Проанализировав списки каторжных Успенского завода за несколько лет, Д. Н. Мамин-Сибиряк сделал вывод, что главный контингент преступников был порожден крепостным правом. Некоторые преступления были настолько неправдоподобны, что, по определению писателя, носили почти сказочный характер [6, с. 103; 7, с. 381–382; 9, с. 35, 88, 435].

В страданиях жизни в Сибири и обретенной их ценой свободе выковывались люди с особой идентичностью. Следующие же поколения рожденных свободными людьми сохраняли закрепленным в сознании это представление о собственной особенности и даже региональном превосходстве [7, с. 308].

Мотив этого превосходства отражен в произведениях Мамина-Сибиряка и бытописателя сибирской каторги С. В. Максимова, автора фундаментальной работы «Сибирь и каторга», впервые напечатанной в качестве ведомственного издания Министерства внутренних дел ограниченным тиражом для служебного пользования [9].

Шли на каторгу пешком, в кандалах, несмотря на погоду: в жару и стужу, грязь и дождь. У некоторых этот путь занимал 3–4 года, так как арестанты шли по этапу особыми, более длинными путями, чем коммерческие и почтовые тракты [9, с. 70, 73]. Уже во время перехода, в пути, каторжные чувствовали разницу между Россией и Сибирью: по России шли строже, чем по Сибири, на протяжении пути менялись отношения между людьми и отношение к государству и его институтам [6, с. 132–133; 9, с. 34].

Это отношение к своей земле как новой, неизведанной, суровой и честной было характерно не только для русских переселенцев, сходным образом воспринимали свои новые страны и переселенцы британских колоний в Америке и Австралии. На новом месте и жизнь должна была строиться по-новому — лучше, свободнее, с размахом. В случае Сибири «новая страна» оказалась территориально соединенной с сердцевинной государства. Если Великобритания была отделена от своих переселенцев и ссыльных каторжан океанами, то Россия оказывалась отделена от Сибири Уральским хребтом. Так же как каторжные переселенцы романтизировались австралийцами, романтизировались они и сибиряками, тем более, что несправедливости и произвола в каторжной системе было достаточно. Те, кто не сломался, прошел весь длинный путь от западных окраин империи до сибирских лесов и выжил, создал семью и собственный дом, не могли не вызывать удивления и уважения — это были сильные люди.

В этих условиях зарождалось понимание того, насколько регион важен для России и каким громадным потенциалом развития он обладает [6, с. 136]. Мощь природы, история мужественных, закаленных в невзгодах, борьбе и труде предков дает жителям Сибири и Урала основание для формирования совершенно особой региональной идентичности. В случае Урала регион воспринимается как «хребет России», даже особая «горнозаводская цивилизация» [10, 11].

ФЛАНДРИЯ И ВАЛЛОНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ ВЫНУЖДЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Наряду с негативной идентичностью, т.е. идентичностью, идущей от противного и вопреки, питающейся противопоставлением нас — чужим, важно отметить наличие *идентичности вынужденной*. В обоих случаях такое самосознание является ответом на вызов. Но если в случае негативной идентичности нагнетание шовинистических настроений и укрепление собственного самосознания и чувства общности на основе ненависти и отрицания совершенно очевидно и носит достаточно яркий негативный оттенок, то *вынужденная идентичность часто является только реакцией на исходящий импульс*.

Вынужденную идентичность можно рассматривать как аспект изучаемого политической наукой вынужденного регионализма, который возникает в ответ на изначально более агрессивное самосознание региона — локомотива регионализма [12]. Люди веками могут жить вместе и не ощущать каких-то явных отличий друг от друга, до тех пор, пока какие-то новые факторы общественного развития не изменят этого положения, пока представители соседнего региона не начнут смотреть на сопредельные области свысока. Варианты могут быть самыми разными. Например, экономическое развитие одних областей и экономическое отставание других.

Почувствовав собственную силу, экономически развитые регионы начинают менять политическую среду государства и провоцируют развитие регионального самосознания в других частях страны. Подобное положение вещей, вызванное экономическим фактором, можно наблюдать в северных регионах Италии, Баварии в Германии, Фландрии в Бельгии.

Сила действия обособления одного региона начинает вызывать ответную реакцию, которая постепенно вызывает встречное, не менее сильное противодействие. Конечным итогом такого положения вещей при условии, что кроме экономического фактора, в наличии имеются и другие — различие в языке, вероисповедании, национальных преданиях, может стать распад государства на новые самоопределившиеся независимые части.

Из вышеприведенных примеров развитого регионального самосознания обосновывающего регионализацию, особняком стоит случай Бельгии,

локомотивом регионализации которой выступает Фландрия, региональное самосознание которой вызвало к жизни Валлонский регионализм. В результате этого процесса небольшая Бельгия вполне может разделиться на два независимых государства — решение, которого значительно труднее достичь в крупных государствах.

Процесс, ставящий вопрос о разделении этого государства, был инициирован богатым регионом, на вызов которого пришлось отвечать экономически менее развитой и не имевшей ярко выраженного регионального самосознания Валлонии, единственной отличительной чертой населения которой к началу XXI в. выступало осознание того факта, что валлоны — не фламандцы, т.е. негативная идентичность. Разожженное регионом — локомотивом экономического развития соперничество наложилось на религиозные и языковые отличия — валлоны франкоязычны, а фламандцы говорят на нидерландском языке, валлоны — католики, а фламандцы — протестанты.

Фландрия выступает локомотивом регионализации в Бельгии, так как ее население обладает чувством самобытного исторического развития, языковой, этнической и культурной отличности, на которые наложились экономические успехи региона, особенно заметные по контрасту с менее экономически успешной Валлонией, которая до середины XX в. была экономически более развитым регионом и элита которой поддерживала единое Бельгийское государство.

Экономический центр страны переместился из Валлонии во Фландрию в результате упадка традиционных отраслей экономики Валлонии — черной металлургии и добычи угля. К началу XXI в. безработица в Валлонии в два раза превышала аналогичный показатель во Фландрии, в то время как население последней составляло 60% от общего количества жителей Бельгии. В результате экономически успешные фламандцы обрели чувство собственного национального достоинства, противопоставляемого общепольской гражданской национальной идентичности.

В ответ на основанное на подчеркивании региональной идентичности давление Фландрии, элиты Валлонии, со своей стороны, стали конструировать собственное региональное самосознание, развивать валлонское видение политических, экономических, социальных и культурных перспектив региона.

Становление нового, регионального самоопределения вызвало всплеск интереса к историческому прошлому региона, которое могло бы подкрепить возникающую и конструируемую убежденность в собственной особенностях, отличности от других, которые позволяют претендовать на обособленный путь исторического развития.

В то же время нельзя не отметить тот факт, что более обостренное региональное самосознание фламандцев можно объяснить тем, что хотя они всегда составляли большинство населения бельгийского государства, Бельгия традиционно ориентировалась на Францию и именно французский язык был признан государственным языком при образовании Бельгийского королевства в 1830 г. Только к середине XX в. фламандцам удалось достичь успеха в языковой борьбе за собственную идентичность, в результате чего нидерландский язык был признан государственным наряду с французским.

История фламандского и валлонского сообществ Бельгии позволяет понять, почему у валлонов отсутствует синдром жертвы, в то время как он присутствует у фламандцев, которые в полной мере воспользовались изменившимися обстоятельствами и заявили о своих притязаниях на региональную или, в долгосрочной перспективе, национальную, государственную обособленность от исторически франкоориентированной и франкофонной Бельгии с доминированием валлонов.

В случае с Бельгией история снова напомнила о себе и предъявила обществу счет. Исторически сложившиеся идеологические конфликты, выражающиеся в столкновении идентичностей опасны тем, что у правительств устоявшихся многонациональных государств формируются представления о надежности таких государственных образований, вследствие чего проблемам гармонизации межнациональных отношений не уделяется должного внимания. Между тем, исторические обиды продолжают жить в коллективном бессознательном и извлекаются на свет, когда в них возникает политическая необходимость. Идеологический потенциал исторических воспоминаний в таких случаях чрезвычайно велик. К началу XXI столетия наступил момент, когда фламандцы смогли предъявить исторический счет валлонам, точно так же, как жители бывших колоний европейских государств желают переложить ответственность за свою судьбу на бывших хозяев, указывая им на грехи колониального прошлого.

ИСТОРИЯ – ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ И ИСТОЧНИК «МЯГКОЙ СИЛЫ» В НАЦИОНАЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

История и ее интерпретация становятся современным идеологическим оружием. Для тех, кто не понимает этого, это оружие оказывается неизвестным, секретным, а значит, неожиданным и потенциально еще более опасным. Вот почему поддержание национальных интересов любого многонационального и многоконфессионального государства требует пристального внимания к вопросам развития гуманитарной сферы жизни общества — принятому в нем историческому нарративу, идеологии, изучению технологий «мягкой силы» и поддержания государствен-

но-национального, гражданско-правового самосознания.

Делая более общий вывод, можно сказать, что при наличии в государстве высокого, питаемого региональным самосознанием конфликтного потенциала и возможности дробления на многочисленные самостоятельные общности, обладающие собственной, отдельной от других регионов идентичностью, проведение регионами политики собственной идентичности является опасным фактом, способным «заразить» и другие регионы, которые при прочих условиях могут и не иметь предпосылок для конструирования обособленного регионального самосознания, и вызвать цепную реакцию, результатом которой может быть разделение государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиано Г. Дневник фашиста. М.: Плацъ, 2010. 672 с.
2. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Грифон, 2007. 296 с.
3. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
4. Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 336 с.
5. Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. М.: АСТ, 2012. 832 с.
6. Герцен А.И. Былое и думы. Ленинград: ОГИЗ, Государственное издательство художественной литературы, 1946. 888 с.
7. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. М.: Правда, 1958.
8. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М.: Правда, 1958.
9. Максимов С.В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010.
10. Иванов А. Хребет России. СПб.: Азбука, 2012. 272 с.
11. Иванов А. Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ, 2014. 288 с.
12. Шевцова И.К. Феномен вынужденного регионализма в современной Европе: случай Валлонии: дисс. ... канд. полит. наук. Пермь: Пермский государственный университет, 2009. 152 с.

REFERENCE

1. Chiano G. Fascist's diary. Moscow: Plac', 2010. 672 p. (In Russ.).
2. Ul'janov N.I. The origin of Ukrainian separatism. Moscow: Grifon, 2007. 296 p. (In Russ.).
3. Martin T. The affirmative action empire. Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939. Moscow: ROSSPEN, 2011. 855 p. (In Russ.).
4. Kadio Zh. Laboratory of the empire: Russia / USSR, 1860–1940. Moscow: Novoe li-teraturnoe obozrenie, 2010. 336 p. (In Russ.).
5. Finkel' K. The history of the Ottoman empire: Osman's dream. Moscow: AST, 2012. 832 p. (In Russ.).
6. Gercen A.I. Past and thoughts. Leningrad: OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1946. 888 p. (In Russ.).
7. Mamin-Sibirjak D.N. Collected works in 10 vol. Vol. 9. Moscow: Pravda, 1958. (In Russ.).
8. Mamin-Sibirjak D.N. Collected works in 10 vol. Vol. 2. Moscow: Pravda, 1958. (In Russ.).
9. Maksimov S.V. Collected works in 7 vol. Vol. 1. Moscow: Knizhnyj Klub Knigovek, 2010. (In Russ.).
10. Ivanov A. The Ridge of Russia. St. Petersburg: Azbuka, 2012. 272 p. (In Russ.).
11. Ivanov A. Mining plant civilization. Moscow: AST, 2014. 288 p. (In Russ.).
12. Shevcova I.K. The phenomenon of forced regionalism in modern Europe: the case of Wallonia: candidate of political science thesis. Perm': Permskij gosudarst-vennyj universitet, 2009. 152 p. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-86-91

УДК 32

К ВОПРОСУ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Мараховский Емельян Леонидович,

аналитик Российского института стратегических исследований, Москва, Россия

savelmtr@gmail.com

Аннотация. В последнее время со стороны российских органов власти наблюдается значительная активизация работы в области подготовки документов государственного стратегического планирования. Обновленные нормативные правовые акты не только больше соответствуют изменившемуся духу времени, их также отличает большая четкость формулировок, краткость и структурированность. Публикуются доктрины и подготавливаются новые стратегии, касающиеся, в том числе, и информационной сферы жизни общества. В частности, Доктрина информационной безопасности, Стратегия развития информационного общества и другие. В этой связи становится актуальным анализ подходов к политологической категории информационной политики. За время существования российской политологии было сформулировано множество определений информационной политики. Это объясняется активным развитием информационного общества, появлением новых технологий, позволяющих осуществлять мгновенный обмен сообщениями и их рассылку неограниченному количеству реципиентов, а также эволюцией информационно-коммуникативных технических методов, дающих возможность манипулировать общественным мнением в широком диапазоне. В статье рассматривается активность использования категории „информационная политика” в двадцатилетний период, основные типы подходов к ее исследованию российскими экспертами, а также наиболее интересные, по мнению автора, примеры классификации подходов. По итогам анализа предложена авторская система классификации подходов и методика формулировки определения. Статья полезна для исследователей и практических специалистов в области информационных технологий, права, медиа и иных сферах деятельности, связанных с общественной информацией.

Ключевые слова: информационная политика; информация; политика

TO THE QUESTION OF RESEARCH METHODOLOGY OF MODERN INFORMATION POLICY

Marakhovsky E.L.,

analyst in Russian Institute for Strategic Studies, Moscow, Russia

savelmtr@gmail.com

Abstract. Recently, the Russian authorities demonstrate a significant increase in work in the field of preparation of state strategic planning documents. The updated normative legal acts not only correspond more to the changed Zeitgeist, they are also distinguished by greater clarity of formulations, brevity and structuredness. New Doctrines and strategies, frequently touch the information sphere of society's life. In particular, the Doctrine of Information Security, the Information Society Development Strategy and others. In this regard, it becomes relevant to analyze approaches to the political science category "information policy". During the existence of the Russian political science, scientists have formulated dozens of approaches to the category of information policy. This is particularly relevant with the active development of the information society, the emergence of new technologies that allow for instant messaging and their distribution to an unlimited number of recipients, as well as the evolution of information and communication technical methods that make it possible to manipulate public opinion in a wide range. The article considers the activity of using the category "information policy" in a twenty-year period, the main types of approaches to its research by Russian experts, as well as the most interesting, in the author's opinion, examples of classification of approaches. Based on the results of the analysis, the author proposes a classification system for approaches and a methods of determining the formulation. The article is useful for researchers and practitioners in the field of information technology, law, media and other spheres of activities related to public information.

Keywords: information policy, information, policy, political science

В последнее время в России все чаще появляются новые стратегические документы, упорядочивающие жизнь государства. Власти не только активно обновляют фундамент нормативной базы нашей страны, приводя его в соответствие с изменившейся ситуацией, но и облагораживают сами акты, выполняя их на качественно новом уровне.

Не обошла эта тенденция и информационную сферу жизни общества. Так, 9 мая 2017 г. вступила в силу обновленная Стратегия развития информационного общества, заменившая такую же Стратегию 2008 г. В декабре 2016 г. увидела свет новая Доктрина информационной безопасности РФ, сменившая документ 2000 г. Немного ранее была опубликована Стратегия государственной культурной политики, которая определит развитие этой области жизни государства вплоть до 2030 г.

Проводя ретроспективный анализ, можно отметить, что в Доктрине информационной безопасности 2000 года были отражены весьма характерные приметы времени. В ней содержится упоминание о частных монопольных медиа-структурах, экономических проблемах государства, влияющих на информационную безопасность, угрозах со стороны криминальных структур, а также общей дезорганизованности государственного аппарата. Пришедший ей на смену документ 2016 г. отличается большей компактностью и точностью формулировок, на что уже обратили внимание эксперты [1]. Специалисты, сконцентрировавшиеся на проблемах информационной политики и медиа-сферы, в свою очередь, отметили, что в новой доктрине было уделено внимание технологиям информационно-психологического воздействия, которые могут использоваться для осуществления цветных революций (<https://riss.ru/smi/37222/>).

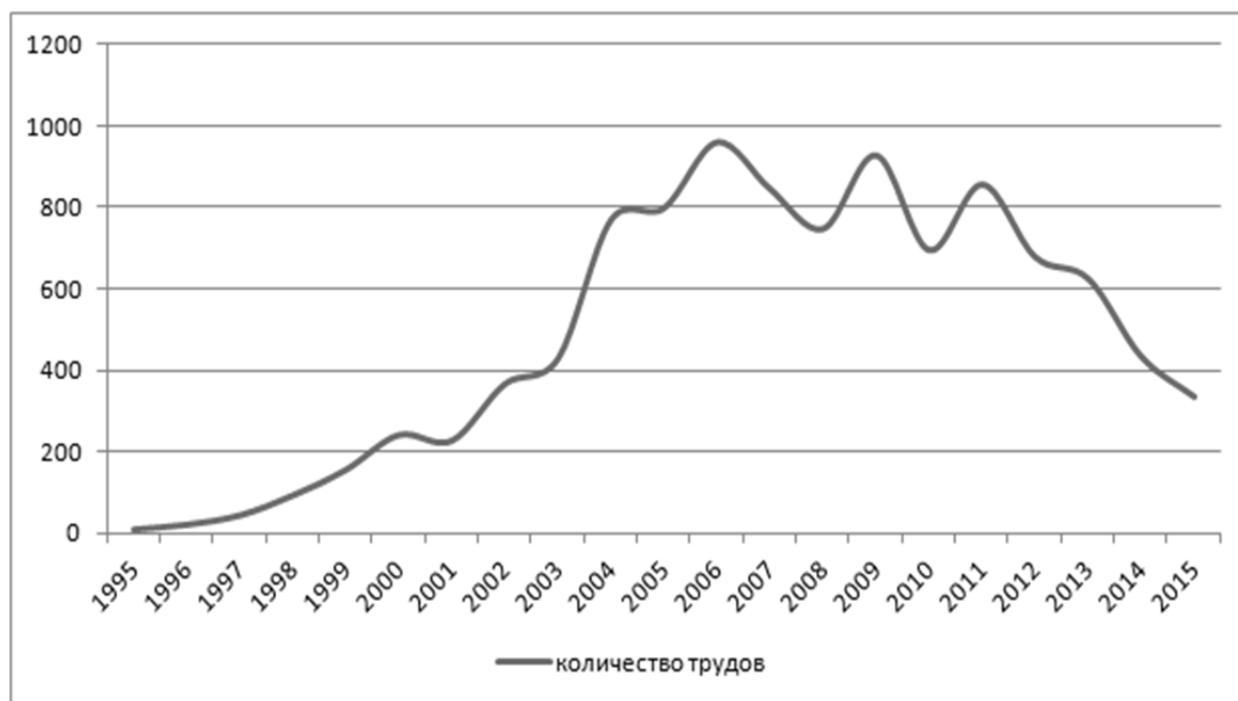
Однако реализация целей, обозначенных в новой Доктрине информационной безопасности, а также остальном корпусе документов государственного стратегического планирования, разработанных в рамках целеполагания и касающихся воздействия на информационную сферу, а особенно в Стратегии развития информационного общества (2017 года) и Стратегии государственной культурной политики 2016 года, во многом зависит от трактовки основных категорий, связанных с информационной деятельностью. Одной из наиболее

важных категорий является «информационная политика», на нее сейчас и хотелось бы обратить внимание.

Подсчет количества научных и учебных материалов, в которых упоминается данная категория, показывает, что начиная с середины 90-х гг. интерес исследователей к ней постоянно рос. На *рисунке* показано количество научной и учебной литературы, а также диссертаций и авторефератов, в которых используется словосочетание «информационная политика», изданных в разные годы (данные получены путем анализа базы данных Российской государственной библиотеки). Спад количества публикаций в 2014–2015 гг. обусловлен ужесточением требований Всероссийской аттестационной комиссии к научным журналам и ученым советам. Таким образом, пик научных и учебных публикаций, в которых упоминается информационная политика, приходится на первое десятилетие XXI в. За 20 лет существования категории в научном обороте накоплен значительный корпус текстов исследований, авторы которых формулировали свои подходы к пониманию категории информационной политики.

Интерес исследователей к информационной политике оправдан. Развитие технологий обмена информацией привело к качественным переменам в области коммуникаций и информационной сфере социума. Прежде всего, речь идет о появившихся возможностях сетевого обмена данными, позволивших получать и рассылать сообщения мгновенно на обширные аудитории с минимальными техническими затратами, получая не менее быстрый отклик в ответ. Все это обеспечило активную эволюцию и расширение применения информационно-коммуникативных технологий, которые дают возможность разнообразного и эффективного воздействия на общественное мнение [2], чего прежде были лишены пропагандисты, даже имевшие в своем арсенале такое мощное средство влияния, как телевидение. Концепт информационного общества, сформулированный еще в середине XX в. [3], стал реальностью.

Первые работы российских ученых, в которых они уже оперировали указанной политологической категорией, относятся к 1990-м гг. (ко времени зарождения российской политологии). Среди этих работ можно отметить диссертации Е. Г. Шапочкиной [4] или А. Новака [5],

Количество учебников, монографий и диссертаций, в которых упоминается «информационная политика» за 20 лет по годам

Источник: данные РГБ.

статьи В. Ф. Халипова [6, с. 318], сконцентрировавшего внимание на информатизации, а не на содержании, передаваемом ее средствами, и И. С. Мелюхина, давшего «расширительное» определение государственной информационной политики, рассматривавшего ее как «всю совокупность производств и отношений, связанных с созданием, хранением, обработкой, демонстрацией, передачей информации во всех ее видах» [7].

Дальнейшие подходы к предмету исследования велись по пути большей конкретизации, «заужения» видения. Так, уже в 1998 г., через год после публикации работы И. С. Мелюхина, Б. В. Коваленко в своей докторской диссертации анализировал информационную политику как составную часть общей политики, которая должна благоприятствовать информатизации, обеспечивать информационную безопасность, контроль за национальными информационными ресурсами, становление рынка информационных товаров и услуг и юридическую регуляцию информационных отношений [8, с. 17].

Более расширенное видение сущности информационной политики сформулировал Ю. А. Нисневич. Его монография, опубликованная в 1999 г., до сих пор остается одной

из немногих работ, посвященных теории информационной политики в целом. Эксперт трактовал ее как «регулирующую функцию органов государственной власти и управления, направленную на развитие информационной сферы общества и государства» [9, с. 10].

Количество работ, затрагивающих предмет, говорит о том, что была не одна попытка классификации подходов к исследованию категории. Одной из наиболее взвешенных является классификация, предложенная О. А. Судоргиным, который систематизировал эти подходы по деятельностному принципу [10, с. 83]. Исследователь определил: **бессубъектный, технико-коммуникационный, государственный, социальный и специфический** подходы к информационной политике. Сам Судоргин особо выделял последний подход, обоснование которого основывал на подходах уже упомянутого Б. В. Коваленко, а также О. В. Зубкова и А. А. Кочеткова.

Однако было бы целесообразно, на наш взгляд, сгруппировать имеющиеся исследования по предпочтительным путям реализации информационной политики. В этом случае можно рассматривать **технологические, административные, правовые, журналистские и смешанные** подходы. Предложенная

классификация позволяет избежать вопросов вида: «может ли бессубъектный или государственный подход быть одновременно технико-коммуникационным?». То есть может ли информационная политика рассматриваться как исходящая только от государства (или — если подход бессубъектный — являться систематическим распространением сообщений по крупным разнородным аудиториям) и при этом быть сосредоточена на аспектах технологического обеспечения информационного обмена и хранения данных (если эксперт решил опираться на систему, изложенную выше).

К **технологическим** подходам относится сведение информационной политики к управлению развитием телекоммуникационных систем. Этому подходу придерживались В. Халипов, И. Наумов, Ю. Сазонов, И. Флис, которые видели в информационной политике государственную деятельность «по созданию единого информационного поля через развитие средств коммуникации» [11].

Административные подходы к информационной политике, также отличающиеся прямотой воздействия, предполагают внесение изменений в информационное пространство через прямое влияние на подчиненные структуры. К характерным примерам такого подхода можно отнести диссертацию Ю. А. Васильевой [12]. Характерно, что ее исследование посвящено региональной информационной политике, отличающейся большим контролем местных СМИ со стороны региональных властей.

Отдельного внимания заслуживают подходы к информационной политике, осуществляемые на основе определения «правил игры». Именно на этом аспекте акцентируют внимание авторы **правовых** подходов. К таким работам можно отнести монографию Ю. А. Нисневича, диссертацию А. В. Брега [13], В. Ф. Ницевича [14, с. 317], recommending создавать условия для распространения информации, посредством ввода разумных ограничений и выработки «доктринальных установок».

Однако на практике осуществлять влияние на информационную сферу исключительно правовым, законодательным путем, достаточно сложно. Подходы, в которых реализация информационной политики рассматривается через призму работы старых и новых медиа, хоть и являются довольно узкими, при этом обращаются к наиболее влиятельной составляющей

информационной сферы, а значит, к наиболее значимым инструментам по реализации этой политики. К работам, в которых применены подобные подходы, относятся исследования Н. Л. Ненастьева [15], Н. Н. Журавлевой [16], К. В. Маркелова [17]. Так как эти подходы обращены к медийной сфере информационного поля и концентрируются на роли средств массовой информации, их можно назвать **журналистскими**.

Существуют и комплексные подходы к исследованию категории информационной политики, которые не получается однозначно отнести к названным выше группам подходов. Предлагается назвать такие подходы **смешанными**.

На основании предпринятого анализа существующих подходов к пониманию сущности информационной политики целесообразно выделить следующие переменные этого феномена:

- Ее акторы. Определить их помогают ответы на вопросы: кто формирует информационную политику? какую роль играет государство и негосударственные субъекты в формировании информационной политики? велик ли вес этой категории политики в политике вообще?
- Область реализации. В зависимости от точки зрения ученого акцент может быть сделан на медийную составляющую, технологическую, юридическую или даже образовательную.
- Ее цели. Внимание может быть сосредоточено на задачах защиты общества, информирования, коммуникации, продвижении определенных ценностей.

Информация обуславливает состояние и протекание процессов во всех сферах жизни современного общества. Информационная политика сегодня — ключевой элемент политики вообще. Она реализуется через влияние на общественное мнение и информационную повестку, предполагающую цели проведения определенного политического курса, увеличения эффективности «мягкой силы» или продвижения политического бренда путем систематического распространения информационных материалов среди больших и неоднородных аудиторий.

Подводя итоги, стоит заметить, что за годы становления отечественной политической на-

уки был наработан значительный пласт исследований, посвященных сущности и механизмам реализации информационной политики. В этой связи актуальной задачей является систематизация и выявление основных подходов, сложившихся в научной литературе. Определение консенсусных точек в рассмо-

тении феномена информационной политики приобретает исключительное значение в условиях эскалации информационной агрессии Запада в отношении Российской Федерации и последовательного роста нормативной базы, посвященной в том числе и вопросам информационной стратегии нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сургуладзе В.Ш. Информационная политика Российской Федерации: Доктрина информационной безопасности в системе целеполагающих документов государственного стратегического планирования // *Власть*. 2017. № 2. С. 75–77.
2. Шатилов А. Б. «Диванные войска» как новая форма информационно-пропагандистского сопровождения политических и военных конфликтов в начале XXI века // *Власть*. 2014. № 7. С. 56–58.
3. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. М.: Прогресс, 1966. 462 с.
4. Шапочкина Е.Г. Французская информационная политика в странах Магриба: 80-е гг.: дисс. ... канд. филос. наук. М.: Ун-т дружбы нар. им. Патриса Лумумбы, 1991. 213 с.
5. Новак А. Информационная политика США по отношению к Польше в первой половине 80-х годов: дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1993. 179 с.
6. Халипов В.Ф. Введение в науку о власти. М.: Технологическая школа бизнеса, 1996.
7. Мелюхин И. С. Информационное общество и баланс интересов государства и личности. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/23d97560ce093100c32575bc002dfc6c> (дата обращения: 04.04.2016).
8. Коваленко Б.В. Государственная информационная политика в деятельности ФПС России: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. М.: ВУ, 1998. 386 с.
9. Нисневич Ю.А. Информационная политика России: проблемы и перспективы. М.: Фонд «Ноосфера», 1999. 351 с.
10. Судоргин О.А. Современная информационная политика государства: мировой опыт и российская практика: дисс. ... д-ра полит. наук. М.: ГСИИ 2011. 360 с.
11. Наумов И., Сазонов Ю., Флис И. Информационная политика России — вызовы XXI века // *Парламентская газета*. 19.03.2003.
12. Васильева Ю.А. Формирование государственной региональной информационной политики в Республике Татарстан: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 28 с.
13. Брега А.В. Информационное обеспечение военно-политической деятельности государства. М.: Военный университет, 2000. 203 с.
14. Ницевич В.Ф. Императивы и приоритеты военно-информационной политики государства: дисс. ... д-ра полит. наук. М.: Военный университет, 2002. 372 с.
15. Ненастьева Н.Л. Информационная политика в условиях реформирования социальной структуры современной России: дисс. ... канд. полит. наук. Ярославль: ЯГУ им. П.Д. Демидова, 2007. 247 с.
16. Журавлева Н.Н. Информационная политика государства по продвижению национальной культуры за рубежом: на примере России и Франции: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. СПб.: СПбГУ, 2008. 23 с.
17. Маркелов К.В. Общественный идеал как объект информационной политики: автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2006. 50 с.

REFERENCES

1. Surguladze V. Sh. Information policy of the Russian Federation: the Doctrine of Information Security in the system of purpose-oriented documents of state strategic planning. *Vlast' = Power*. 2017, no. 2, pp. 75–77. (In Russ.).
2. Shatilov A. B. "Divan troops" as a new form of information and propaganda support for political and military conflicts in the early 21st century. *Vlast' = Power*, 2014, no. 7, pp. 56–58. (In Russ.).

3. Mahlup F. Production and dissemination of knowledge in the USA. Moscow: Progress, 1966. 462 p. (In Russ.).
4. Shapochkina E. G. French information policy in the Maghreb countries: 80s.: diss. ... kand. filos. nauk. Moscow: Un-t druzhby nar. im. Patrisa Lumumby, 1991. 213 p. (In Russ.).
5. Novak A. Information policy of the United States towards Poland in the first half of the 1980s: diss. ... kand. ist. nauk. Moscow: MGU, 1993. 179 p. (in Russ.).
6. Halipov V. F. Introduction to the science of power. Moscow: Tehnologicheskaja shkola biznesa, 1996. (In Russ.).
7. Meljuhina I. S. Information society and the balance of interests of the state and the individual. URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/23d97560ce093100c32575bc002dfc6c> (accessed 04.04.2016). (In Russ.).
8. Kovalenko B. V. State information policy in the activity of the Federal Border Service of Russia: avtoref. diss. ... d-ra filosof. nauk. Moscow: VU, 1998. 386 p. (In Russ.).
9. Nisnevich Ju. A. Information policy in Russia: problems and prospects. Moscow: Fond «Noosfera», 1999. 351 p. (In Russ.).
10. Sudorgin O. A. Modern state information policy: world experience and russian practice: diss. ... d-ra polit. nauk. Moscow: GSII 2011. 360 p. (In Russ.).
11. Naumov I., Sazonov Ju., Flis I. Information policy of Russia — challenges of the 21st century. *Parlamentskaja gazeta =parliamentary newspaper*. 19.03.2003. (In Russ.).
12. Vasil'eva Ju. A. Formation of the state regional information policy in the Republic of Tatarstan: avtoref. diss. ... kand. polit. nauk. Kazan': Kazanskij gosudarstvennyj universitet im. V. I. Ul'janova-Lenina, 2005. 28 p. (In Russ.).
13. Brega A. V. Information support of military-political activity of the state. Moscow: Voennyj universitet, 2000. 203 p. (In Russ.).
14. Nicevich V. F. Imperatives and priorities of military information policy of the state]: diss. ... d-ra polit. nauk. Moscow: Voennyj universitet, 2002. 372 p. (In Russ.).
15. Ненастьяева Н. Л. Information policy in conditions of reforming the social structure of modern Russia: дисс... канд полит. наук. Ярославль: ЯГУ им. П. Д. Демидова, 2007. 247 p. (In Russ.).
16. Zhuravljova N. N. Information policy of the state on promoting national culture abroad: on the example of Russia and France]: avtoref. diss. ... kand. polit. nauk. St. Peterburg: S-PbGU, 2008. 23 p. (In Russ.).
17. Markelov K. V. The public ideal as an object of information policy: avtoref. diss. ... d-ra polit. nauk. Moscow: Ros. akad. gos. sluzhby pri Prezidente RF, 2006. 50 p. (In Russ.).

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-92-98

УДК 343.352(045)(510)

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С АНТИОБЩЕСТВЕННЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ В КИТАЕ

Просяков Сергей Анатольевич,

канд. филос. наук, доцент Департамента социологии, Финансовый университет,
Москва, Россия

prosekovsergei@yandex.ru

Аннотация. В статье дается анализ методов и средств борьбы с антиобщественными явлениями в современном Китае. Коррупция, разъедающая компартию изнутри, стала угрожать ее единству и безопасности страны, поэтому борьба с коррупцией, по мнению Генерального секретаря компартии Китая Си Цзиньпина, стала одной из главных задач для страны.

Руководством Китая были разработаны определенные меры по выявлению и наказанию расхитителей государственной собственности, людей с аморальными качествами, что в первую очередь относится к государственным чиновникам. Жертвами этой широко разрекламированной акции стали не только мелкие госслужащие («мухи»), но и высокопоставленные руководители страны («тигры»). В статье указывается также на то, что после XIX съезда КПК борьба с антиобщественными явлениями в стране приобрела системный характер.

Ключевые слова: коррупция, чиновники, компартия, поведение, правление, запреты

FEATURES OF FIGHT WITH ANTISOCIAL PHENOMENA IN CHINA

Prosekov S.A.,

PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Sociology, Financial University,
Moscow, Russia

prosekovsergei@yandex.ru

Abstract. The article gives an analysis of methods and means of combating antisocial phenomena in modern China. Corruption, corroding the communist party from within, has threatened its unity and the security of the country, so fighting it, according to the Secretary-General of the communist party of China Xi Jinping, has become one of the main tasks for the country.

The leaders of China have developed certain measures to identify and punish the plunderers of state property, carriers of immoral qualities and, first of all, among government officials. The victims of this widely advertised campaign were not only small civil servants (“flies”), but also high-ranking leaders of the country (“tigers”). The article points out that after the XIX Congress of the CPC, the struggle against antisocial phenomena in the country has acquired a systemic character.

Keywords: corruption, officials, the communist party, behavior, government, bans

Организуя борьбу с коррупцией и другими антиобщественными явлениями в стране, руководство Коммунистической партии Китая предпринимает различные шаги для регламентации служебного и внеслужебного поведения «слуг народа». Очередную такую попытку предприняло руководство Поднебесной после выступления на XIX съезде КПК Председателя Китая Си Цзиньпина.

Первым о скромности и честности правящего класса заговорил Мао Цзэдун — написанный им лозунг «Служить народу» украшает главный въезд в правительственный квартал, расположенный в центре Пекина. В 2010 г. при Генеральном секретаре компартии Китая Ху Цзиньтао были приняты «Правила по сохранению честной политической деятельности руководителей — членов КПК».

Правила (запреты) составили восемь разделов и затрагивали едва ли не все сферы жизни чиновников. Им нельзя было получать ценные подарки, ходить за чужой счет в увеселительные заведения и пользоваться медицинскими услугами, заниматься любыми формами бизнеса, использовать государственные средства в личных целях, помогать близким для их продвижения по службе, закупать дорогие казенные машины, устраивать дорогостоящий ремонт в кабинетах и организовывать родственникам пышные похороны.

Перечень запретов выглядит детализированным, обширным и касается как конкретных проступков, так и нравственных понятий. Например, китайским чиновникам было запрещено «бросать вызов семейной морали». Эти нормы распространялись как на рядовых членов партии, так и на работников госаппарата, силовых структур и госкорпораций [1, с. 50]. Тем не менее нынешнее руководство Китая посчитало прежний кодекс поведения «слуг народа» недостаточно эффективным.

Генеральный секретарь компартии Китая Си Цзиньпин, объявивший на XIX съезде КПК борьбу с коррупцией одним из приоритетов своего правления, решил обновить ранее существовавшие документы. Теперь китайским чиновникам запрещают играть в гольф, который китайцы ассоциируют с роскошным образом жизни, предаваться чревоугодию и изменять своим женам. Также им запрещается создавать радикальные оппозиционные группировки

внутри партии и использовать служебное положение в личных целях.

Китайская пресса приводит в пример самого товарища Си, который сократил число машин сопровождения в своих кортежах и неоднократно посещал дешевые заведения общепита в Пекине. Отправляясь на предприятия, товарищ Си и члены Постоянного комитета Политбюро (высшего органа власти) использовали для передвижения вместо лимузинов недорогие микроавтобусы. Большинство нынешних китайских руководителей вынуждены летать экономическим классом, за исключением госслужащих министерского ранга.

Новые правила поведения призваны вернуть партийных функционеров к ценностям эпохи классического социализма, заставить их быть ближе к народу. Дешевый популизм в высших рядах руководителей Китая расцветает пышным цветом.

Особое место в обновленном кодексе поведения чиновников занимают запреты, связанные с этическими проблемами в сфере личной жизни. Как пишут СМИ, «во всех сделках между нечестными чиновниками и их любовницами страдающей стороной выступают интересы государства и общества». Речь идет о таком распространенном в Китае явлении, как «второстепенные жены» или — на европейском сленге — любовницы. Например, осужденный за коррупционные преступления бывший министр транспорта Китая Лю Чжицзюнь содержал восемнадцать «второстепенных жен». Но именно женщины, лишённые официального статуса, неоднократно в порыве ревности или во время ссор размещали в социальных сетях компромат на своих покровителей. Не менее 15% коррупционных преступлений было выявлено с помощью бывших любовниц продажных чиновников [2].

В 2013 г. Лю Чжицзюня приговорили к смертной казни за то, что он, используя свое профессиональное положение, способствовал продвижению по службе своих родственников и знакомых, а также влиял на то, чтобы именно они выигрывали выгодные для них бизнес-контракты и тендеры. В этом же году к казни приговорили одного из самых богатых жителей в Китае, главу горнодобывающего предприятия Лю Вэя [3, с. 88].

Генерал-полковник Сюй Цайхоу, являясь вице-председателем Центрального военного

совета Китая (2004–2012 гг.), был с позором уволен с военной службы и лишен звания генерала. Из его дома в течение недели на двенадцати грузовиках было вывезено множество драгоценных камней и наличные деньги.

Эксперты говорят о наличии и оборотной стороны в кампаниях по борьбе с коррупцией. Существенные потери несут индустрии, связанные с продажей предметов роскоши, лишившиеся значительного числа клиентов.

Авторы доклада одного из крупнейших гонконгских банков пришли к выводу о том, что честные китайские чиновники с «чистыми руками» не решаются инициировать новые проекты из опасения, что во время антикоррупционной кампании их могут заподозрить и даже обвинить в коррупции. Тогда как бездействие рассматривается как самый безопасный способ защитить себя. Эксперты оценили потери экономики КНР от антикоррупционных действий в размере от 0,6 до 1,5% ВВП.

С 1978 по 2010 г. руководство КПК вело широкую кампанию по искоренению коррупции среди представителей политической элиты страны. Всего за это время в Китае за коррупционные преступления были арестованы более полумиллиона человек, среди которых большое количество государственных чиновников. Во всех случаях борьбы с коррупционными преступлениями органы власти Китая применяют практику «публичного покаяния», при которой чиновники не только признают свою вину, но и обращаются к народу со словами раскаяния и осуждения своей незаконной, безнравственной деятельности [3, с. 76].

Антикоррупционная кампания широко освещается в китайских СМИ. Показывая коррупционеров, пекинское ТВ шлет сигнал руководящим кадрам, требуя от элиты соблюдать моральный кодекс и не отклоняться от партийной линии. Председатель Китая Си Цзиньпин хочет приструнить потенциальных соперников в борьбе за власть. Этой цели служит телевизионный сериал, в котором выступают не артисты, а осужденные чиновники. Они рассказывают о своих грехах и просят прощения. По мнению китайских экспертов, все это напоминает времена «культурной революции».

Несколько высокопоставленных должностных лиц, отстраненных от своих постов в ходе расследований, проведенных Центральной комиссией по проверке дисциплины в партии,

выступили с исповедями перед телезрителями. «Я никогда не думал, что так закончу. Я происхожу из бедной семьи и всегда ненавидел продажных чиновников. И вот я сам стал таким. Это ужасно», — признался Чжоу Бэньшунь, бывший глава компартии в провинции Хэбэй [4].

В документальном фильме, подготовленном совместно центральным ТВ и комиссией по проверке дисциплины, говорят о своих грехах бывший партийный руководитель провинции Юньнань и бывший замсекретаря парткома самой большой по населению провинции — Сычуань. Показаны и сцены судов над бывшими членом Политбюро Бо Силаем и членом Постоянного комитета Политбюро Чжоу Юнканом.

Между тем, покаяния на телевидении бывших высокопоставленных чиновников бурно обсуждались в социальных сетях. Как сказал Чжан Мин, профессор Народного университета в Пекине, это напоминало то, что происходило при Мао Цзэдуне во время «культурной революции». Некоторые чиновники напуганы и стараются не проявлять инициативы, чтобы избежать обвинений [5, с. 70].

В 1995 г. к 16 годам тюремного заключения и конфискации имущества был приговорен член Политбюро ЦК КПК, первый секретарь Пекинского горкома Чэнь Ситун. В 2009 г. был расстрелян вице-мэр Пекина, управляющий китайской «силиконовой долиной» Лю Чжихуа, который обогатился за счет денег с летних Олимпийских игр в Китае в 2008 г. В 2009 г. арестовали и другого влиятельного человека, Хуана Гуанью, который долгое время был самым богатым в Китае жителем (личное состояние оценивается в 7 млрд долл. США). В том же году был казнен бывший директор одного из Пекинских аэропортов Ли Пэйин, которого обвиняли в получении взяток и нерациональном использовании государственных средств [3, с. 76].

В 2010 г. за многочисленные случаи получения взяток суд избрал высшую меру наказания, смертную казнь, вице-мэру одного из китайских городов Чэнь Синлуаню. Тогда же к смертной казни приговорили бывшего главу Чунцинской судебной палаты Вэня Цяня, а его жену — к 8 годам тюремного заключения. Оба они обвинялись в получении крупных взяток и использовании служебного положения в корыстных целях [3, с. 77].

Верховный народный суд Китая в мае 2017 г. объявил, что привел в исполнение приговор о смертной казни бывшему начальнику полиции автономного района Внутренняя Монголия, экс-политсоветнику Чжао Липину, который ранее был признан виновным в совершении убийства и в коррупции. По данным следствия, Чжао Липин в марте 2015 г. застрелил человека в городе Чифэн. Позднее, в конце июля 2015 г., он был исключен из партии. Чжао Липин по совместительству также занимал должность председателя отделения Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) Внутренней Монголии (<https://ria.ru/world/20170526/1495123179.html>).

Одно из самых громких и скандальных коррупционных разоблачений связано с бывшим министром общественной безопасности КНР Чжоу Юнканом, который был арестован по обвинению в коррупции и исключен из партии. Ему предъявлены обвинения в серьезном нарушении партийной дисциплины, получении крупных взяток, раскрытии партийных и государственных секретов. Он также обвинен в нарушении супружеской верности с несколькими женщинами. Многие из бывших коллег и родственников Чжоу Юнкана также находились под следствием по обвинениям в коррупции (<http://www.rbc.ru/rbcfreenews/548248f6cbb20ff28662bf8>).

Власти Китая в марте 2014 г. изъяли активы родственников и политических сторонников Чжоу Юнкана на сумму около 90 млрд юаней (14,5 млрд долл. США). Тогда за четыре месяца были задержаны более 300 родственников Чжоу, его протеже, политические союзники и сотрудники. К тому времени экс-министр находился де-факто под домашним арестом. У самого Чжоу Юнкана были заморожены счета на 37 млрд юаней, изъяты акции и облигации на 51 млрд юаней, конфискованы 300 квартир и вилл общей стоимостью около 1,7 млрд юаней, антиквариат и предметы искусства на 1 млрд юаней, а также 60 транспортных средств. Большинство ценностей было оформлено не на Чжоу Юнкана, а на его приближенных.

Чжоу Юнкан являлся одним из высших чиновников компартии Китая. С 2003 по 2007 г. он занимал пост министра общественной безопасности КНР, позже был секретарем политико-юридической комиссии ЦК КПК. Он считался лидером сторонников бывшего главы Китая

Цзян Цзэминя в высшем руководстве страны, а также близким соратником опального политика Бо Силая, приговоренного в сентябре 2013 г. к пожизненному заключению. Но Чжоу Юнкану, как и большинству лидеров, пришлось уйти в отставку, после того, как на XVIII съезде КПК партию возглавил Си Цзиньпин, при котором борьба с мздоимством распространилась на самые верхние эшелоны власти. В ходе расследования выяснилось, что, восходя по ступеням карьерной лестницы, Чжоу Юнкан обогащал и себя, и родню. В 2015 г. суд признал его виновным в получении взяток, злоупотреблении служебным положением и умышленном разглашении государственной тайны. Судебный приговор был суров: пожизненное заключение, лишение политических прав и конфискация всего личного имущества [6]. Из публикаций китайской печати известно, что, еще занимая посты руководителя крупнейшей государственной нефтегазовой корпорации и возглавляя партком самой густонаселенной провинции страны, он окружил себя преданными помощниками, которые участвовали в махинациях.

В Китае борьба с коррупционерами с каждым годом выходит на более высокий уровень. Сначала в тюрьму отправился бывший шеф органов безопасности Чжоу Юнкан, а затем очередь дошла до его жены и сына. Последнего суд приговорил к 18 годам тюрьмы, штрафу в сумме более 33 млн долл. США и конфискации имущества. Жене дали девять лет заключения. Приговор Чжоу-младшему мог быть и суровей, но он признал, что использовал связи отца для получения взяток. Незаконно нажитые средства были возвращены государству. Как отмечают эксперты, разгром кланов в чиновничьей верхушке должен способствовать углублению экономической реформы [6, с. 43].

В 2014 г. свое расследование провела New York Times. Оно показало, что родственники Чжоу, включая его невестку, сына Чжоу Биня и других членов семьи, контролировали вложения в десятки компаний по всему Китаю [7].

Несмотря на оглашение приговоров, о членах клана Чжоу не все известно. Например, неизвестно, что стало со вторым сыном патриарха. Старший, Чжоу Бинь, согласно версии ВВС, поначалу сумел избежать ареста, уехав в 2013 г. в Америку, но после переговоров с китайскими властями вернулся на родину. Жена Чжоу

Биня — 48-летняя журналистка, сотрудница центрального телевидения, тоже была признана виновной в получении взяток и осуждена.

Особо необходимо отметить арест в 2012 г. члена Политбюро компартии Китая Бо Силая. После того, как в американском консульстве скрылся вице-мэр и начальник полиции города Чунцина Ван Лицзюнь, последовали отставка, а затем арест мэра города Чунцина Бо Силая, который претендовал на вхождение в Постоянный комитет Политбюро ЦК.

Бо Силай известен в Китае как автор и создатель «чунцинской модели» развития города с населением 33 млн человек, находящегося в центре западных регионов Китая. Содержанием «чунцинской модели» является: ускорение темпов развития города за счет повышения роли государственного регулирования; эффективное использование государственных инвестиций; интенсивное строительство промышленной инфраструктуры, недорогого социального жилья и развитие транспортной системы. Руководитель города постоянно говорил о необходимости стремиться к народному благосостоянию. Для этого он выдвинул лозунг о совместном обогащении.

«Чунцинская модель» подразумевала также систематическую борьбу с организованной преступностью и мафиозными группами. Однако эта борьба, по мнению китайских и зарубежных экспертов, сопровождалась нарушениями законов и юридических процедур. По мнению оппонентов и противников мэра города Чунцина, борьба с организованной преступностью сопровождалась арестами десятков тысяч людей: бизнесменов, полицейских, народных дружинников и обычных граждан. Несколько человек, которые были признаны главарями преступного мира, были казнены, в том числе бывший начальник полиции Чунцина Вэнь Цян.

У Бо Силая имелись серьезные оппоненты в высшем руководстве страны. Достаточно назвать лишь премьер-министра Китая Вэнь Цзябао, который полагал, что в Китае существует две силы, с которыми необходима постоянная борьба — это феодальное сознание и влияние скрытых сторонников культурной революции на социально-экономическое развитие.

Злоупотребления в борьбе с мафиозными кланами стали серьезным аргументом в борьбе как против Бо Силая, так и против «чунцинской модели». По мнению оппонентов мэра города,

власти Чунцина превратили суды и полицейские репрессии в главное средство управления социальными процессами.

Бо Силай хотел доказать руководству центральных органов власти свою эффективность в качестве лидера региона, продемонстрировать, что он, выполняя политику партии, действует более успешно, чем другие руководители региона. Необходимо отметить, что город стал одним из лидеров по привлечению иностранных и китайских инвесторов, а также в деле создания необходимых условий для производства высокотехнологичных товаров.

Социально-экономические задачи, которые ставил перед чиновниками города Бо Силай, свелись к пяти направлениям: город должен быть удобным для проживания, обладать современным и хорошо развитым транспортом, доступным и высокоразвитым здравоохранением, быть способным разрешать основные экологические проблемы и стать безопасным для проживания.

В июле 2013 г. Бо Силаю было предъявлено официальное обвинение, и после суда он был приговорен к пожизненному заключению и конфискации имущества. Из всех «преступлений», в которых он обвинялся, в официальном обвинении осталось только три: злоупотребление служебным положением, взятки и коррупция. Многие эксперты считают, что после процесса над членами «Банды четырех» суд на Бо Силаем стал самым громким событием внутри политической жизни Китая.

История с «преступлениями» Бо Силая должна была свидетельствовать о решимости партийно-государственного аппарата под руководством Си Цзиньпина вести безжалостную борьбу с коррупцией, невзирая на ранги и статус. Ретивые подчиненные лидера КПК любили цитировать его слова, сказанные в 2013 г.: «Будем бить не только мух, но и тигров».

Публичное унижение падших кадров призвано увековечить кампанию против коррупции, предостеречь тех представителей правящей элиты, которые не хотят следовать нынешней линии партии, и обезоружить возможных оппонентов Си Цзиньпина, претендующих на высший пост.

В 2015 г. было разоблачено 26 махинаторов уровня замминистра. Как подчеркнул Си Цзиньпин, после того, как были пойманы высокопоставленные функционеры, движение

против коррупционеров должно сосредоточиться на местных органах власти. Причем инспекторы должны проявлять нулевую терпимость к взяточникам.

Среди отправленных в железную клетку «тигров» числится как бывший глава службы внутренней безопасности, бывший член Постоянного комитета Политбюро Чжоу Юнкан, которого приговорили к пожизненному заключению, так и высокопоставленный чиновник, коротающий дни за решеткой, Лин Цзихуа, помощник предшественника Си Цзиньпина на посту главы государства. Осуждены и два бывших заместителя председателя Центрального военного совета.

По мнению ведущих научных сотрудников Института Дальнего Востока РАН, «коррупция разъедает государственный аппарат в Китае не в такой степени, как в России, тем не менее, она оказывает влияние на экономическое положение страны и на политическую стабильность. Коррупция особенно расцветает на фоне замедления экономики и попыток руководства перевести ее на новую модель роста. Борьба с коррупцией наталкивается на принципиальную трудность. Ведь получается, что партийный и государственный аппарат должен своими руками ограничивать свои интересы, действовать против себя. Это противоречие почти неразрешимое» [8].

Если, например, какой-то клан действует против других кланов, то здесь можно добиться успеха и одновременно с борьбой против мздоимства устранить руководителей соперничающего клана. Но если коррупция охватывает весь аппарат и твой собственный клан, то не известно, что делать. Тут уже борьба с коррупцией упирается в стену, пояснил эксперт.

Сами «ловцы» расхитителей казны уверяют, что злоумышленникам от наказания не уйти. В подтверждение Фу Куй, чиновник, руководивший отловом «экономических беглецов» за границей, сказал, что в течение года удалось вернуть в Китай более одной тысячи человек из шестидесяти восьми стран. Оптимистический настрой этого должностного лица основан на том, что сейчас выполняется только первая фаза кампании против коррупции. Главное в ней — застрашать потенциальных мздоимцев до такой степени, чтобы они не осмеливались «положить глаз» на государственную собственность или обирать граждан [8].

Затем наступит фаза совершенствования законодательства, которая поставит легальный заслон коррупции. И, наконец, на заключительном этапе предстоит прививать чиновникам этические принципы, исключающие коррупционные поползновения.

Смертная казнь в Китае предусматривается по многим статьям Уголовного кодекса, но в подавляющем большинстве случаев имеет место незаконный оборот наркотиков. В последнее время резко выросло число смертных приговоров за коррупцию. Верховный народный суд и Верховная народная прокуратура Китая в апреле 2016 г. уточнили правила применения смертной казни в коррупционных делах, постановив, что высшая мера наказания будет использована в случаях обогащения незаконным путем или получения взяток на сумму более 460 тыс. долл. США.

Представители власти Китая убеждены, что коррупционеры не должны чувствовать себя в безопасности даже за пределами страны. В связи с этим в КНР была развернута широкая кампания по выявлению и наказанию лиц, незаконно вывозящих капитал из Поднебесной. Данная практика носит название «охота на лис».

Вывоз китайских активов за рубеж в последние годы достиг максимальных объемов, и это стало угрожать национальной безопасности. Параллельно с этим в стране началась «охота на голых чиновников», госслужащих, которые занимают высокое положение, в то время как их семьи и родственники постоянно проживают за границей.

В борьбе с коррупцией как антиобщественным явлением Китай тесно сотрудничает со странами мирового сообщества. Китаем был подписан ряд соглашений с тридцатью пятью странами об экстрадиции подозреваемых в коррупционных преступлениях граждан, а также ряд конвенций, в которых содержатся положения о юридической взаимопомощи между странами. С целью усиления международного сотрудничества при задержании скрывающихся от правосудия подозреваемых в коррупционных преступлениях лиц в 1984 г. Китай вступил в ИНТЕРПОЛ (Международная организация уголовной полиции). На данный момент руководство КНР продолжает взаимодействовать с иностранными государствами при поимке и обнаружении преступников-коррупционе-

ров. Основная проблема, которую необходимо решить властям в борьбе с коррупцией, заключается в том, что практика мздоимства и коррупционных связей упирается в вековые традиции Китая, когда каждая услуга должна была быть обязательно оплачена, что считалось естественными деловыми взаимоотношениями между гражданами в Древнем Китае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хао Л. Традиционная форма подготовки государственных чиновников в Китае // Вестник ВятГУ. 2014. № 3. С. 50–56.
2. Шестаков Е. Чиновникам запретили гольф и любовниц // Российская газета. 22.10.2015.
3. Современный Китай в условиях трансформации / Отв. ред. Д. В. Кузнецов, Д. В. Буяров. М.: ЛЕНАНД, 2015. 264 с.
4. Скосырев В. Китайские партийные взяточники плачут и каются // Независимая газета. 20.10.2016.
5. Бондарева В. В. Политическая оппозиция Мао Цзэдуна в середине 1960-х гг.: курс на «Культурную революцию» // Научный диалог. 2015. № 8 (44). С. 65–80.
6. Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Государственно-правовые проблемы противодействия коррупции в китайской Народной Республике // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 42–48.
7. Скосырев В. Си Цзиньпин наносит удар по кумовству // Независимая газета. 17.06.2016.
8. Скосырев В. Пекин нагоняет страх на продажных чиновников // Независимая газета. 14.01.2016.

REFERENCES

1. Hao L. Traditional form of training of government officials in China. *Vestnik VjatGU = Bulletin of Vyatka State University*, 2014, no. 3, pp. 50–56.
2. Shestakov E. Officials banned golf and mistresses. *Rossiyskaya Gazeta = Russian newspaper*, 10.22.2015.
3. Modern China in the conditions of transformation / Ed. D. V. Kuznetsov, D. V. Buyarov. Moscow: LENAND, 2015. 264 p.
4. Skosyrev V. Chinese party bribe tears and repent. *Nezavisimaya gazeta = Independent Newspapers*, 10.20.2016.
5. Bondareva V. V. The political opposition of Mao Zedong in the mid-1960s: course for the “Cultural Revolution”. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, 2015, no. 8 (44), pp. 65–80.
6. Yurkovsky A. V. State legal problems of countering corruption in the Chinese People’s Republic. *Juridicheskaja nauka = Legal science*, 2015, no. 4, pp. 42–48.
7. Skosyrev V. Xi Jinping strikes at nepotism. *Nezavisimaya gazeta = Independent Newspapers*, 06.17.2016.
8. Skosyrev V. Beijing overtakes fear of corrupt officials. *Nezavisimaya gazeta = Independent Newspapers*, 01.14.2016.